ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

Стоять — и правду говорить.

Державинъ.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

1830.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три екземпляра. Москва, 1830 года Сентебря 22 дня.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 17 и 18.

СЕНТЯБРЬ 1830.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Картинная галлерея дель Прадо въ Мадритѣ.

Зданіе, въ которомъ помѣщена вновь устроенная, или вѣрнѣе, только еще учреждаемая картинная галлерея, находится въ Прадо, близь ботаническаго сада; половина его отстроена, и, подобно всѣмъ здѣшнимъ общественнымъ зданіямъ, оно было назначаемо прежде для Академіи, для училищныхъ залъ и проч. Архитектура его довольно порядочная. Оно состоитъ изъ нѣкотораго рода длинной галлереи; въ срединѣ возвышенность, и по обоимъ концамъ также высокіе, довольно обширные жилые корпусы (corps des logis) съ купола-

ми. Снаружи по срединѣ галлереи главный входъ, украшенный дорическими колоннами. По обѣимъ сторонамъ во всю длину зданія идетъ весьма красивый открытый рядъ столбовъ, вышиною равный первому етажу. Выборъ мѣста самый неудачный: зданіе примыкаетъ заднею частію къ крутой, почти утесистой возвышенности, которая отнимаетъ у него весь свѣтъ. — Теперь готовъ только одинъ жилой корпусъ на лѣвомъ концѣ галлереи и самая галлерея до главнаго входа. Прежде всего вхо̀дите подъ прекрасный куполъ съ Іоническими вокругъ столбами: здѣсь видите съ каждой стороны входъ въ двѣ залы Испанской Школы, и прямо входъ въ половину галлереи, гдѣ помѣщается Школа Италіанская. — Залы не очень блистательны, но красивы, а особенно хороша галлерея; свѣтъ входитъ въ нее сверху отъ крыши; напротивъ Испанская Школа имѣетъ свѣтъ самый невыгодный, какой только представить себѣ можно: нельзя видѣть хорошенько, такъ чтобъ неотсвѣчивало, ни одной картины, исключая тѣ, которыя висятъ со стороны оконъ; но етѣ имѣютъ уже слишкомъ мало свѣта. Досаднѣе всего, что единственная картина Италіанской Школы

помѣщена такъ худо и такъ нелѣпо, что ни какъ нельзя видѣть ее въ надлежащемъ разстояніи, и это именно — славный Рафаелевъ Spasimo di Sicilia. — Всѣ обязаны снимать шляпу въ Музеѣ, когда Король въ Мадритѣ; а какъ скоро онъ выѣхалъ изъ города, тогда всѣхъ пускаютъ и въ шляпахъ! Послѣдняя глупость та, что Музей открывается только разъ въ недѣлю.

Галлерея содержитъ въ себѣ теперь 511 картинъ, изъ коихъ 317 Испанской Школы, а прочія Италіанской. Мнѣ кажется, что выборъ сихъ картинъ, особенно Испанской Школы, гдѣ конечно было что̀ и выбирать, произведенъ безъ всякаго разсужденія, какъ видно будетъ изъ слѣдующаго каталога произведеній первыхъ мастеровъ Испанской Школы.

Алонза Кано 5 картинъ. (1601 — 57.) (1667?)

Матіаса Церезо 3. (1635 — 65.) (1675?)

Антонія дель Кастилло 1. (1603 — 57.) (1667 ?)

Вицента Кардухо 7. (+ 1638.)

Клавдія Коелго 2. (+ 1693.)

Іакова Джеронима де Еспиноза 2. (1600 — 80.)

Блаза дель Прадо 1. (+1557.) (1577 или не позже ли еще?)

Мурилла 41. (1618 — 82.)

Жуана де Іоанесъ 16. (1523 — 79.)

Менендеца 38.

Естебана Марха 7. (+ 1660.)

Люиса Моралеса ель дивино 2. + 1586.

Педра де Орренте 6. (+ 1644.)

Іозе Риберы 26. (1588 — 1655.)

Фр. Риберы 4. (+ 1628).

Жуана де Ласъ Руеласъ 2. (1560 — 1625.)

Алонза Санхеца Коелло 2. (+ 1590.)

Діега де Веласкеца 53. (1599 — 1660.)

Фр. Сурбарона 5. (1598 — 1662.)

Виллавиценція 1.

Для чего здѣсь 53 картины Веласкеца, а Наварета (el Mudo) ни одной? Хотя ни кто не станетъ оспоривать достоинствъ Веласкеца; однакожъ можно бы, вмѣсто однихъ и тѣхъ же изображеній, выставить хотя два произведенія Тиціана Испанской Школы.

Чтобы узнать Мурилла, не нужно 40 картинъ его работы; между тѣмъ изъ

произведеній Алонза Кано и Рибальты вы увидите только немногія, и будете сожалѣть, что ихъ нѣтъ тамъ болѣе. — Также въ числѣ 26 Риберовыхъ есть такія, которыя бы лучше замѣнить еще нѣкоторыми картинами Роеласа, Бласа дель Прадо и Сурбарона. А вмѣсто 38 еще прекрасныхъ изображеній мирной жизни Мененсдеца, не худо было бы прибавить нѣсколько произведеній Грека Кардухо, а особенно Моралеса. — Я не хочу ни на волосъ уменьшать цѣну картинъ Морилла, Веласкеца и Риберы; думаю только, что лучше было бы въ такомъ собраніи соблюсти болѣе равновѣсія и перспективы, особенно здѣсь, гдѣ всѣ къ тому средства можно имѣть подъ руками, потому что большую часть сихъ несообразностей легко можно бы уничтожить вставкою картинъ, находящихся въ разныхъ Королевскихъ замкахъ, и особенно въ Ескуріалѣ. (Говорятъ, что большая часть картинъ изъ Ескуріала перевезена будетъ сюда.)

Что касается до Италіанской Школы, я, непускаясь въ даль, скажу только вкратцѣ о важнѣйшихъ предметахъ.

1. Александра Аллори — Св. Вероника.

2. Іакова Бассано 10.

3. Микель Анджела — Хрістосъ, поддерживаемый тремя Ангелами; въ высотѣ Богъ Отецъ (фигуры величиною въ пядень).

4. Джіованни Беллини — Дѣва Марія съ Младенцемъ и двумя Святыми по сторонамъ.

5. Караваджія 2.

6. Бернарда Каваллини 1.

7. Бенита Кастильоне 2.

8. Джюлія Чиголи 1.

9. Гвида Каньяччи 4.

10. Іакова да Емполи — Моленіе на горѣ Елеонской.

11. Гверчина 1.

12. Гвида Рени 9.

13. Луки Джіордано 11, которыя тѣмъ особенно занимательны, что онъ подражаетъ въ нихъ стилю Рафаеля, Гверчина, Рубенса и Дюрера. Стилю Рубенса онъ одинъ подражалъ (въ аллегорическомъ представленіи Мира — фигура величины натуральной) такъ удачно, что можно нѣкоторымъ образомъ обманываться.

14. Джюлія Романо, — Святое семейство, напоминающее перло Рафаеля: сидящая Св. Дѣва; у ногъ ея колыбель изъ тростника. Младенецъ тянется изъ нея къ Св. Іоанну, который даетъ Ему читать Agnus Dei, указывая рукою, а самъ обращается къ Матери съ улыбкою. Она склоняется нѣсколько къ Дитяти. Позади сей группы Св. Іосифъ, опершись на камень, смотритъ на нихъ (въ вышину 5 футовъ и $4\frac{1}{2}$ въ ширину). Ландшафтъ представляетъ дерева и отдаленность. Св. Іоаннъ какъ бы совершенно Рафаелевъ; Младенецъ менѣе, нежели Св. Дѣва, имѣетъ признаковъ его кисти.

15. Ланфранкова большая картина: Трупъ Цезаря на кострѣ; ораторъ, жрецъ и народъ; спереди гладіаторы и борцы естественной величины. Я думаю, что эту картину Менгсъ считалъ наилучшею изъ всѣхъ, какія только есть въ мірѣ.

16. Леонарда да Винчи — Портретъ одной женщины; такой же есть и въ Парижѣ подъ названіемъ: Мона Лиза.

17. Монтеньи — Успеніе Св. Дѣвы. Ученики стоятъ у одра, позади коего открывается ландшафтъ съ водою; первые

лучи солнца, или лучше сказать предтечи первыхъ лучей, освѣщаютъ облако. — Ето восхожденіе солнца привело мнѣ на память Св. Хрістофора въ собраніи Боассерейскомъ.

18. Карла Маратти прекраснѣйшая картина: Св. Петръ въ темницѣ, разбуженный отъ сна Ангеломъ, который хочетъ его освободить; спящій воинъ; фигуры въ половину обыкновенной величины. Если не обманываюсь, то въ одномъ изъ Парижскихъ Музеевъ есть гравированный снимокъ съ етой картины.

19. Г. Пуссеня пять ландшафтовъ, всѣ удивительно изящны и сбережены превосходно, между тѣмъ какъ большая часть его произведеній, видѣнныхъ мною въ другихъ мѣстахъ, очень почернѣла, отъ чего и потеряла все *воздушное*; въ здѣшнихъ же етотъ *воздухъ* сохраненъ вполнѣ: подумаешь, что можно дышать имъ.

20. Себ. дель Піомбо — Хрістосъ съ крестомъ, въ половину фигуры.

21. Пинтуриккія или изъ его Школы — Похищеніе Сабинянокъ и Великодушіе Сціпіона въ Испаніи — двѣ длинныя картины на деревѣ, со многими фигурами.

22. Ант. Порденоне — Смерть Авеля.

23. Ант. Риччи Барбалунга — Св. Агунда лежитъ умирающая въ темницѣ, прикрывая растерзанную грудь свою грубою черною одеждой. — Никогда не видалъ я картины, которая столь трогательно представляла бы угасаніе жизни безъ конвульсій, но притомъ съ выраженіемъ безконечной горести. Фиг. велич. натуральной.

24. Рафаила д' Урбино — Spasimo di Sicilia, картина знаменита въ мірѣ, и Портретъ неизвѣстнаго человѣка — одежда, шапка и борода чернаго цвѣта.

25. Павла Веронезе 10, въ числѣ коихъ: 1) Ревекка предлагаетъ дары Еліезеру (фиг. ест. велич.). 2. Добродѣтель отнимаетъ у Порока юношу — аллегорія. 3 Юдиѳъ и Голофернъ. 4. Дочь Фараона спасаетъ Моvсея отъ воды. 5. Поклоненіе Царей. 6. Венера и Адонисъ. Іисусъ поучаетъ во храмѣ въ присутствіи книжниковъ. 8. Купающаяся Сусанна.

26. Сассоферрата — два изображенія Св. Дѣвы съ Младенцемъ.

27. Тинторетта 18, между коими: .Юдиѳъ и Голофернъ. 2. Лукреція и Тарквиній. 3. Дочь Фараона. 4. Дожъ и Се-

натъ Венеціанскій. 5. Жена Пентефрія и Іосифъ. 6. Купающаяся Сусанна.

28. Тиціана Вечелли 8, между коими; 1. Карлъ V въ латахъ, на конѣ, со складнымъ копьемъ. 2. Св. Маргарита съ дракономъ. 3. Жертва осени, приносимая дѣвушками и проч.; толпа играющихъ дѣтей, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ. 4. Бахусово празднество.

29. Андрея дель Сарто 6; между ними: Жертвоприношеніе Авраамово; Св. Дѣва съ Младенцемъ и двумя Ангелами и проч.

Въ комнатѣ, какъ бы прихожей, предъ входомъ собственно въ Италіанскую Школу висятъ картины новѣйшихъ, частію и теперь еще живыхъ Испанскихъ живописцевъ. — Я нахожу нѣсколько грубымъ то, что сіи жалкія таблицы съ красками помѣщены такъ близко къ произведеніямъ древнихъ Италіанскихъ и Испанскихъ художниковъ. — Впрочемъ, чтобы дать яснѣйшее понятіе о моемъ сужденіи, скажу, что въ Парижѣ vice versa я порадовался, видя умное распоряженіе: тамъ произведенія новыхъ Французскихъ живописцевъ повѣшены не вмѣстѣ съ картинами галлереи Луврской, а находятся

довольно далеко отъ нихъ — въ Люксенбургѣ. За то ужè я ненахожу вкуса ни у одного изъ новѣйшихъ Французовъ, кромѣ Давида. Впрочемъ въ етомъ разрядѣ Испанцы не такъ скосны, какъ Французы. — Два хорошіе портрета Карла IV и его супруги, обѣ на коняхъ, въ обыкновенный ростъ человѣческій, работы Гойи, и нѣсколько морскихъ видовъ Санхепа еще годятся, а Гг. Моеллу, Апаріціо, Мадрацо и другихъ — оставляю въ покоѣ.

(Изъ Kunst. Bl. В. Ч.)

О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей древней Исторіи отъ основанія Государства до смерти Игоря, т. е. до 945го года.

(Окончаніе.)

Примѣсь несбыточныхъ басень.

Изо всѣхъ походовъ болѣе увеличенъ, распространенъ, изукрашенъ — Олеговъ. Не уже ли надобно считать его бытіемъ историческимъ? . . . Неговоря уже, что невозможно повѣрить, будто бы Греки не-

сдѣлали никакого отраженія и нерѣшились защищаться отъ народа, еще неопытнаго въ войнахъ — тогда какъ они, незадолго предъ тѣмъ, славно поразили Сарацинъ въ Месопотаміи и положили конецъ завоеваніямъ ихъ въ Малой Азіи — и будто бы здѣсь они, испугавшись только судоходства Олегова по сушѣ, тотчасъ предложили ему дань, какую угодно, — неговоря уже объ етомъ, и кромѣ сего мы видимъ множество нелѣпостей и невѣроятностей, относительно состоянія Россіи въ IX мъ вѣкѣ.

1) Вытаскиваніе 2,000 кораблей или лодокъ на берегъ и слѣдующая за тѣмъ несбыточная, безполезная выдумка поставить ихъ на колеса и силою вѣтра близиться къ городу — все сущая басня. Кто, сколько нибудь разсудительный, не ослѣпленный предубѣжденіемъ, кто можетъ принять ето за истинное происшествіе? Откуда Олегъ могъ взять матеріалу для такого множества колесъ, находясь среди чистаго поля? Гдѣ была и что дѣлала его конница? Какимъ образомъ онъ удалился послѣ отъ стѣнъ Царяграда: то же ли при помощи вѣтра, или воины потащили уже на себѣ ладьи, на коихъ должны были отправиться въ путь обрат-

ный? Все ето, по мнѣнію Шлецера, явный вздоръ и нелѣпость.

2) Другая *басня* — Олегъ повѣсилъ щитъ свой якобы на вратахъ Цареградскихъ!!

3) Далѣе: Олегъ потребовалъ отъ Грековъ дани по 12 *гривенъ* на человѣка. На ключь: одни толкуютъ — на лодку; Карамзинъ подъ ключемъ разумѣетъ *человѣка*. То и другое невѣроятно. На каждомъ суднѣ по счету находилось 40 человѣкъ, а судовъ было 2,000 — какое множество людей! и откуда Олегъ могъ набрать такое войско? При томъ, какое огромное количество дани!

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ изъ сказаній, кои, будучи менѣе баснословны, тоже весьма невѣроятны въ приложеніи къ состоянію Россіи IX го или X вѣка. Таковы суть:

Требованія Олега отъ побѣжденныхъ Византійцевъ.

Кромѣ опредѣленной дани по 12 гривенъ на человѣка, Олегъ выговариваетъ еще другія въ пользу нѣкоторыхъ городовъ своихъ — на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль,

Полотскъ, Ростовъ, Любечь и проч. Въ другомъ мѣстѣ договора, со стороны Грековъ говорится о гостяхъ: когда они пристанутъ у Св. Мамы и когда перепишутся имена ихъ; тогда получатъ свою мѣсячину, во первыхъ отъ города Кіева, потомъ изъ Чернигова, изъ Переяславля и изъ прочихъ. Въ знаменитомъ Игоревомъ договорѣ (945 г.) мы находимъ ето же самое слово въ слово; слѣдственно о привилегіяхъ симъ городамъ упоминается по Лѣтописи въ трехъ мѣстахъ. Если бы города встрѣчались намъ не въ смыслѣ пунктовъ развившейся торговли; то поставленіе городовъ Олегомъ, когда завладѣлъ онъ Кіевомъ, надлежало бы счесть просто за сооруженіе крѣпостей; но здѣсь, какъ явствуетъ по духу и видамъ Лѣтописи, говорится о *городахъ, обитаемыхъ купцами и гостями*, имѣющими свои права и отличія; явствуетъ, что имъ предоставлено было носить *серебряныя печати*, что они получали свое мѣсячное содержаніе, и что вообще договоры клонились къ той главной цѣли, дабы постановить взаимныя сношенія по торговлѣ между Руссами и Греками, и на оборотъ. Посмотримъ, могли ли быть у насъ въ IX и X столѣтіяхъ

такого рода *гости*, *купцы*, и *города* въ смыслѣ civitas?

Изъ всеобщей Исторіи видно, что до половины XII вѣка въ сѣверной Европѣ въ такомъ смыслѣ городовъ не было, купцовъ съ такими привилегіями и значительностію; а потому и въ Діпломатикѣ нигдѣ не находимъ столь важныхъ договоровъ, каковы наши. До Крестовыхъ походовъ вся Европа, такъ сказать, дремала въ бездѣйствіи. Походы въ Азію, предпринятые въ концѣ XI го вѣка и продолжившіеся за половину XIII го, пробудили духъ народовъ къ общей дѣятельности во всѣхъ отношеніяхъ; они произвели средній классъ и возродили просвѣщеніе. Тогда появились торговые города въ Ломбардіи, а потомъ съ XII вѣка и на сѣверѣ Германіи, — города съ привилегіями отъ Государей, составившіе изъ себя знаменитый Союзъ Ганзейскій. Тогда-то и наша торговля, чрезъ сообщеніе съ Нѣмцами посредствомъ Ливоніи, начала образоваться въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, и породила, особенно въ Новгородцахъ, духъ свободы и ранней промышленности въ сравненіи съ прочими городами Россіи. Нѣмцы дѣйствова-

ли на Ливонію по двумъ побужденіямъ: водворяли вѣру Христіанскую и распространяли торговлю. Въ 1158 г. Бременскіе купцы, плавая по Балтійскому морю, нечаянно, какъ повѣствуютъ, были занесены бурею къ берегамъ Ливоніи, открыли устье Западной Двины и учредили колонію между старожилами. Въ 1265мъ Новгородцы, договариваясь съ Ярославомъ Ярославичемъ, требуютъ ужè, чтобы онъ возстановилъ права, данныя предками его; чтобы онъ торговалъ на *Нѣмецкомъ дворѣ* не иначе, какъ посредствомъ Новгородцевъ, и чтобы незапиралъ сего двора; въ 1270 г. они изъявили негодованіе на Ярослава за то, что онъ хотѣлъ выгнать поселившихся у нихъ Нѣмцовъ. Смотрите, до какой степени простиралась дружба Новгородцевъ къ Нѣмцамъ! Вотъ гдѣ торговля Новгородцевъ могла имѣть своихъ *гостей* и *купцовъ*! Судя по ходу Европейской торговли на Сѣверѣ, исторически видной съ XII вѣка, и по развитію нашей собственной, имѣемъ справедливую причину заключить, что въ нашихъ Лѣтописяхъ о *городахъ*, въ смыслѣ торговыхъ пунктовъ, говорится не въ свое время и не на своемъ мѣстѣ. Видимъ также,

почему въ договорахъ Олега и Игоря замѣтенъ духъ демократическаго правленія; ибо въ первомъ изъ нихъ говорится: *мы отъ рода Русскаго посланные отъ Олега и всѣхъ Свѣтлѣйшихъ Князей и Бояръ — по волѣ нашихъ Князей и по повелѣнію всѣхъ Руссовъ;* а во второмъ: *мы отъ рода Р. послы, гости.... Игоря Князя Русскаго.... и общіе послы;* потомъ опять: *мы посланные отъ В. К. Игоря и отъ всѣхъ Русскихъ Князей и отъ всѣхъ людей Русской земли;* еще: *и всѣ Русскіе люди послали насъ.* Всего етого не могло быть въ IX и X столѣтіяхъ, когда, по свидѣтельству Лѣтописи, и въ самомъ Новгородѣ было правленіе монархическое, которое впрочемъ Новгородцы послѣ дѣйствительно превратили въ буйную и своевольную демократію. Видя сіе, заключаемъ, что лѣтописи, дошедшія до насъ отъ XIV вѣка, были написаны въ духѣ своего времени, съ нѣкоторымъ, весьма неудачнымъ примѣненіемъ къ первому вѣку нашей младенчествовавшей Державы. Чтò ни говорится въ нихъ о договорахъ Олега, Игоря, того ни какъ не возможно примѣнить къ IX и X столѣтіямъ. Договоры же сіи сверхъ того весьма сомнительны, во первыхъ потому что въ Діплома-

тикѣ нигдѣ въ цѣлой Европѣ ненаходимъ подобныхъ имъ около годовъ 912 и 945 го; а во вторыхъ, что не только западные писатели, но и самые даже Византійцы ни слова неговорятъ объ оныхъ.

Осмѣливаемся думать, что договоръ Олега и договоръ Игоря долженъ быть *одинъ и тотъ же*, не смотря на переставку, на перепутанность нѣкоторыхъ статей и на дополненіе ихъ въ томъ или другомъ документѣ. Сличивъ оба между собою, увидите одинъ духъ и одинакую форму, даже нѣкоторыя статьи слово въ слово. Етотъ одинъ и тотъ же договоръ, списанный съ какого нибудь образца (*), современнаго Лѣтописи, раздѣленъ, мнѣ кажется, только на два содержанія; ибо въ Олеговомъ требованіи, послѣ объясненія пословъ и послѣ благочестивыхъ увѣреній пребывать въ любви и дружбѣ на всѣ годы, говорится преимущественно объ условіяхъ, и о гражданской расправѣ за проступки; на примѣръ:

(*) Теперь и отыскать оный *не слишкомъ трудно*: имѣемъ въ виду слѣды вѣрные. *Изд.*

1) О наказаніи за убійство; 2) о взысканіи за ударъ мечемъ; 3) за убіеніе вора; 4) за грабежъ или насильственное отнятіе; 5) послѣ сихъ условій о поступленіи съ виновными, далѣе горится о задержаніи преступника; 6) о передачѣ имѣнія умершаго родственникамъ; 7) о сыскѣ потеряннаго невольника; 8) о выкупѣ плѣнника, перепроданнаго въ другія руки; 9) о пособіи разбитымъ бурею ладьямъ. Все ето не прямо относится къ торговлѣ; но между тѣмъ, какая определительность въ законахъ, едва ли постигаемая тогдашними Руссами!

Напротивъ, содержаніе Игорева договора преимущественно, кажется, направлено ко взаимнымъ отношеніямъ по торговлѣ съ Греками; и потому-то онъ представляется гораздо обширнѣе и полнѣе, несмотря на странный безпорядокъ нѣкоторыхъ статей его, вовсе непонятныхъ. Послѣ вступленія, дѣло идетъ

1) О свободномъ прибытіи Русскихъ кораблей съ послами и гостями въ Грецію съ пропускными видами; а кто явится безъ сихъ видовъ, того задерживать до увѣ-

доменія; если же будетъ противиться, то смерть ему безъ всякаго взыску;

2) Чтобы о бѣглыхъ, явившихся въ Руси, извѣщать Императора;

3) О довольствіи Русскихъ купцовъ мѣсячиною и о томъ, какъ и гдѣ они должны жить, что покупать и какъ торговать; какъ и съ чѣмъ должны отъѣзжать на зиму обратно. Послѣ сего говорится: 4) о цѣнѣ за неотысканіе бѣглаго раба, по двѣ паволоки; а ежели онъ еще и украдетъ, то за унесенное два золотника; 5) о наказаніи вора и двойной платѣ за украденное, сверхъ возвращенія собственности; 6) о цѣнѣ за выпродаваемыхъ плѣнныхъ, какъ-то: за дѣвицу десять золотниковъ, за человѣка среднихъ лѣтъ восемь зол., а за стариковъ и малолѣтныхъ пять золотниковъ.

Тутъ же выговаривается независимость Корсунянъ (жителей Греческихъ городовъ въ Тавридѣ) отъ власти Русскихъ (и послѣ въ другомъ мѣстѣ); дозволеніе Корсунцамъ ловить рыбу въ Днѣпрѣ, а Русскимъ запрещеніе зимовать при Бѣлобережьи, и чтобы Русскіе непускали Булгаръ воевать на Кор-

сунцевъ. 8) Чтобы въ случаѣ надобности, давать войско на помощь Русскимъ. 9) Чтобы невредить кораблямъ, разбитымъ бурею; иначе судъ. 10) Чтобы Русскому Князю не наказывать самому виновныхъ Грековъ безъ опредѣленія Императора. 11) Чтобы убійцу казнили родственники убіеннаго и брали его имущество себѣ. 12) Чтобы за ударъ мечемъ или чѣмъ инымъ платить по пяти литръ серебра, по закону Русскому (и въ Олеговомъ сказано было по пяти); за неимѣніемъ же сего брать самое платье виновника. 13) Чтобы въ знакъ дружбы присылать на помощь войско къ Грекамъ.

Въ заключеніе упоминается, что все ето было написано на двухъ хартіяхъ — одна служила для Русскихъ, другая для Грековъ — и подтверждено клятвою.

И такъ, содержаніе договора здѣсь относится болѣе къ условіямъ торговли и сверхъ сего заключаетъ въ себѣ почти всѣ тѣ же статьи, какія были въ Олеговомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ слишкомъ сбиты и перемѣшаны, отчасти же нѣкоторыя выпущены и замѣнены новыми, менѣе важными, иногда совершен-

но непонятными. Шлецеръ ето смѣшеніе и непонятность статей относитъ единственно къ глупости и небрежности писцовъ; самъ онъ, употребивъ усиліе сличить статьи договоровъ, нерѣшаетъ ничего положительно; впрочемъ, говоритъ онъ же, сомнѣнія усилились о подлинности сихъ документовъ. Осмѣливаемся думать, что рѣшительный успѣхъ въ семъ дѣлѣ увидимъ тогда только, когда сличатъ вообще между собою содержаніе обоихъ договоровъ съ Русскою Правдой, также съ несомнительнымъ Договоромъ Смоленскаго К. Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, и когда сверхъ того сообразятъ оные съ позднѣйшими уставными Граматами (*). . . .

Обозримъ теперь вкратцѣ содержаніе исторіи объ Игорѣ! Говорю, вкратцѣ, ибо мы уже небудемъ разбирать статей его славнаго договора: сомнѣнія касательно подлинности онаго мы уже изложили въ объясненіи Олегова; доказывать снова, было бы повторять одно и то же.

(*) Справедливо; но етого еще недовольно: образцы договоровъ Олега и Игоря таятся въ книгахъ, давно уже напечатанныхъ, извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ. . . . *Изд.*

Игорь есть первый Государь, о коемъ упоминаютъ иностранцы; западный писатель Ліутпрандъ, бывшій посломъ въ Константінополѣ (946 г.), называетъ его *Ингеромъ*, говоря, что онъ съ тысячью кораблями подступилъ подъ Константінополь; что разорялъ окрестныя приморскія мѣста, самъ наконецъ претерпѣлъ пораженіе отъ Грековъ и возвратился не только безъ всякаго успѣха, но и съ урономъ. Византійскіе писатели: Левъ, Сvмеонъ, Продолжатель Константіна, Георгій, Кедринъ, Зонара и Арабскій Елмакинъ (жившій въ исходѣ XIII и въ началѣ XIV) хотя не называютъ Игоря по имени, однако ясно свидѣтельствуютъ о несчастномъ походѣ Руссовъ въ 941 г.; слѣдственно сей неудачный походъ Игоря не подлежитъ никакому сомнѣнію. — Теперь, какая непонятная странность, когда мы, читая лѣтописи, находимъ еще новый походъ его, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ иностранцевъ и которой столько по видимому былъ счастливъ, что Греки, прежде такъ сильно поразившіе Игоря, здѣсь безъ всякой причины пугаются и не только не дерзаютъ воевать противъ него, но почти добровольно соглашаются пла-

тить ему дань больше Олеговой, и заключают съ нимъ важный торговый договоръ, основанный на дружбѣ и взаимной помощи! Гдѣ несомнѣнныя свидѣтельства, подтвержденныя голосами внѣшнихъ писателей? Гдѣ историческіе акты? Ихъ нѣтъ, и мы остаемся при весьма краткомъ и перемѣшанномъ показаніи однѣхъ лѣтописей нашихъ, и то немногихъ; ибо всѣ извѣстія объ Игорѣ собраны только изъ *Радз.*, *Пол.*, *Воскр.* и наконецъ *Соф.*, болѣе другихъ запутанной; въ другихъ же, напротивъ, не только ничего неупоминается о походѣ и договорѣ, но и вообще исторія объ Игорѣ удивительно кратка; въ *Ник.*, на примѣръ, если исключить всѣ постороннія вставки изъ Византійцевъ, находимъ только одну страницу о первыхъ годахъ его княженія и только двѣ строчки о походѣ его въ слѣдующихъ словахъ: „Игорь пошелъ на Грековъ со множествомъ воиновъ и они дали ему дань выше первой Олеговой." Въ *Арх.*, которая прежде весьма неудачно смѣшала походъ Олеговъ (означая его подъ 900 г.) съ несчастнымъ Игоревымъ, также находится одна страница о первыхъ годахъ, и ни слова ни о двухъ походахъ его, ни о мирномъ

трактатѣ съ Греками. *Степ.* также молчитъ вообще о договорахъ, хотя и упоминаетъ о походахъ Игоря (*).

Все содержаніе Игоревой исторіи можно раздѣлить на три главныя части: 1) отъ начала его княженія до несчастнаго похода въ 941 г., 2) отъ сего похода до втораго его ополченія въ 944, 3) до смерти его въ 945 г.

Въ первой части говорится, что Игорь, начавъ государствовать послѣ Олега, былъ современникомъ Константіну Багрянородному и Булгарскому Сvмеону; потомъ въ одной *Архив.* совершенно безъ нужды упоминается о походѣ Сvмеона на Грецію и о заключеніи съ нею мира; тутъ, рѣчь идетъ о любимцѣ Игоря, Свентельдѣ, которой покориль Угличей послѣ долгой осады ихъ города Пересѣченя и укротилъ бунтующихъ Древлянъ, наложивъ на нихъ дань гораздо больше прежней, и получилъ землю ихъ себѣ въ обладаніе, за что прочіе Бояре, завидуя Свентельду, роптали

(*) Авторъ нашъ исчисляетъ не всѣ извѣстныя лѣтописи (печатныя), и неразличаетъ старшинства между ними. Ето впрочемъ главному дѣлу не мѣшаетъ. Онъ слѣдуетъ, кажется, Шлецерову Нестору. *Изд.*

на него; послѣ сего въ *Ник.* помѣщена та же безнужная для нашей Исторіи вставка, какъ и прежде въ *Радз.* о Булгарскомъ Сvмеонѣ, только съ бо́льшею подробностію, извлеченною изъ Вvзантійцевъ.

Подъ 915 по *Радз.*, *Пол.* и *Воскр.* говорится о Печенѣгахъ, которые впервые пришли на Русь, и тотчасъ заключенъ былъ миръ между ними и Игоремъ; но это *впервые*, составляетъ явную нелѣпость; ибо во время пребыванія Святослава въ Переяславлѣ Булгарскомъ, Печенѣги явились тоже *впервые* и окружили Кіевъ. Подъ симъ же 915 г. снова говорится о Булгарскомъ Сvмеонѣ, что онъ воевалъ противъ Грековъ, и, разоряя Ѳракію, овладѣлъ городомъ Адріанополемъ.

Подъ 924 также говорится о разореніи Ѳракіи и Македоніи Сvмеономъ и о заключеніи мира съ Романомъ.

Въ 934 напали на Грецію Венгры, и разоривъ Ѳракію, принудили Романа къ миру, для него невыгодному.

Во второмъ отдѣленіи показывается первый походъ Игоря на Грецію, безъ всякой причины; быть можетъ, что онъ, видя несчастное положеніе Гре-

ціи, раздираемой со всѣхъ сторонъ то частыми нападеніями отважнаго героя Сумеона Булгарскаго, то набѣгами Венгровъ, видя все ето, и какъ бы соревнуя имъ, вознамѣрился испытать и свое счастіе, которое однако же ему измѣнило; онъ претерпѣлъ пораженіе отъ огня Греческаго, возвратился безъ успѣха, и чтожъ? Началъ приготовляться ко второму походу!!

Въ 942 г. снова говорится о войнѣ Булгарскаго Сумеона съ Хорватами, отъ коихъ онъ претерпѣлъ также пораженіе и вскорѣ потомъ умеръ; время смерти его, означенное здѣсь подъ 942 г., по разысканію Риттера, весьма невѣрно и, какъ по всему видно, относится къ 927 г. Тутъ подъ 943 г. упоминается о второмъ нападеніи Венгровъ на Грецію и о новомъ между ними мирѣ.

Въ послѣднемъ отдѣленіи разсказывается второй и славный походъ Игоря на Грековъ въ 944 г. Здѣсь Херсонцы дѣлаютъ то же, что̀ (какъ прежде, такъ и теперь) Булгары, т. е. тѣ и другіе увѣдомляютъ Романа о нашествіи Руссовъ со множествомъ войска; Игорь совѣтуется съ Бо-

ярами о принятіи предложеннаго Греками мира и дани, безъ всякаго кровопролитія, соглашается, и посылаетъ своихъ воиновъ на Булгаръ, самъ же возвращается въ Кіевъ съ богатыми дарами. Послѣ сего происходятъ обоюдныя сношенія въ 945 году посредствомъ пословъ и гостей, переговоры о взаимной дружбѣ и обращеніи какъ съ людьми торговыми, такъ и неторговыми; по заключеніи трактата Игорь отправляется къ Древлянамъ для наложенія на нихъ новой дани, чему причиною послужилъ ропотъ Бояръ и зависть ихъ на Свеньтельдово богатство; по полученіи сей дани, съ половины пути онъ возвращается одинъ съ немногою дружиною для возложенія на нихъ еще большей и несноснѣйшей дани же, отъ чего Древляне, подъ предводительствомъ Князя своего Мала, рѣшились умертвить его.

И такъ характеръ перваго отдѣленія, исключая весьма немногія извѣстія о любимцѣ Свентельдѣ, о покореніи Угличей и Древлянъ, есть посторонния вставки изъ Византійцевъ о военныхъ дѣлахъ съ Булгарами, о коихъ здѣсь по нашимъ лѣтописямъ упоминается въ четырехъ мѣстахъ, и слѣдовательно они соста-

вляютъ почти главную матерію етаго отдѣленія. Какая же причина тому, что Лѣтописцы наши такъ часто упоминаютъ о Булгаріи? Безъ сомнѣнія, во первыхъ, за недостаткомъ собственныхъ происшествій, они помѣщали что нибудь посторонее; во вторыхъ, страна сія дѣйствительно имѣла почти такое же вліяніе на составъ нашего языка церковнаго, какъ и Греція на образованіе нравовъ посредствомъ вѣры Хрістіанской: въ Булгаріи первоначально образовалась и созрѣвала вся наша церковная Литтература. Въ третьихъ пребываніе В. К. Святослава въ Переяславлѣ.

Характеръ втораго отдѣленія есть достовѣрное происшествіе, въ силу свидѣтельства иностранныхъ писателей, происшествіе, ознаменованное пораженіемъ Игоря.

Характеръ третьяго есть знаменитый трактатъ — ето важнѣйшее явленіе въ цѣлой Европѣ того времени, не только ни на чемъ не основанное и ни чѣмъ неподтвержденное, но еще противорѣчащее состоянію младенчествовавшей Руси, и слѣдовательно есть явленіе невѣроятное;

ибо на одно нескладное свидѣтельство нашихъ лѣтописей положиться ни какъ невозможно. Въ средніе вѣки вообще любили примѣшивать къ чистой истинѣ что нибудь постороннее. Что̀ же сказать о нашихъ писцахъ невѣжественныхъ, кои, не постигая достоинства исторической истины, приплетали къ ней свои нелѣпые вымыслы? Говорю сіе только относительно нѣкоторыхъ сбивчивыхъ и непонятныхъ словъ, своевольно вложенныхъ или измѣненныхъ переписчиками; что̀ же касается до духа лѣтописей, до сущности ихъ содержанія, то онѣ требуютъ особеннаго соображенія происшествій приспособительно ко времени. Съ етой точки смотря, находимъ и повѣствованія лѣтописей объ Олегѣ, объ Игорѣ несообразными съ ихъ временемъ, а потому и сомнительными. Шлецеръ весьма справедливо раздѣляетъ крітику на низшую и высшую: первая, говоритъ онъ, состоитъ въ сличеніи текста лѣтописей, измѣненій въ нихъ, прибавленій, вообще въ сличеніи внѣшней формы ихъ и въ возстановленіи самыхъ словъ, перепорченныхъ писцами; но вторая должна состоять въ раскрытіи хода дѣлъ или самыхъ происшествій, въ сличеніи сущно-

сти со средствами и съ образомъ мыслей Лѣтописца и въ примѣненіи всего єто-го ко всеобщему духу времени. И такъ Шлецеру мы обязаны всегдашнею благодарностію за открытіе пути къ священной истинѣ въ нашей древней Исторіи; но вѣкъ благоуспѣшныхъ розысканій еще только начинается. . .

Василій Виноградовъ (*).

Поѣздка въ Харьковъ.

(Окончаніе.)

Харьковъ, 22 Іюля.

Чѣмъ ближе былъ я къ цѣли своего путешествія; тѣмъ болѣе тяготился отъ гористой и песчаной дороги, идущей чрезъ села: Куты, Пересѣчка, Гаврилевки, Соколицевки и Куряжскаго монастыря. Занятый мыслію, что вскорѣ увижу Харьковъ, почти не обращалъ вниманія на пріятныя картины, которыя представляютъ лѣса и деревни нагорной сто-

---

(*) Молодой сочинитель, руководствуясь почти вездѣ собственными средствами, раскрылъ здѣсь результатъ Профессора, слышанный имъ на лекціи передъ симъ года за два. *Изд.*

роны, лежащей по правую руку дороги.— Вотъ и Холодная гора! — Лишь нѣсколько саженей прошелъ я пѣшкомъ, и — мгновенно открылась равнина, на которой расположенъ богатый и красивый городъ Харьковъ, Аѳины Малороссіи по количеству заведеній учебныхъ и центръ торговли въ Полуденной Россіи — тотъ городъ, гдѣ протекла весна жизни моея, зрѣли надежды, играли мечты. . .

Съ перваго взгляда я увидѣлъ много перемѣнъ въ зданіяхъ, хотя улицы остались тѣ же, какія были за девять лѣтъ. Съ грустнымъ чувствомъ проѣхалъ я многіе знакомые домы по Лопанской улицѣ, домы, коихъ хозяева прежде ласкали меня; теперь владѣютъ ими другія лица, мнѣ неизвѣстныя. . . . Воспоминаніе о моихъ связяхъ, составленныхъ въ бытность мою въ здѣшнемъ Университетѣ, кои обѣщали мнѣ нѣкоторые успѣхи по службѣ и наслажденія въ быту домашнемъ, — о пятилѣтнемъ пребываніи моемъ въ Харьковѣ безъ скуки и горестей, — о свѣжей молодости, любящей обыкновенно плавать въ мечтахъ о будущемъ — сіе воспоминаніе сильно занимало мою душу, когда я проѣзжалъ пространство за рѣкою Лопа-

нью, базаръ и часть Московской улицы до самой Губернской Гимназіи. Здѣсь думалъ обнять друга моего Тюрина, но утѣшился ласками и гостепріимствомъ Зимницкаго, предложившаго мнѣ свою квартиру и столъ: Тюринъ уѣхалъ въ Кіевъ съ семействомъ своимъ на поклоненіе Мощамъ Печерскихъ Угодниковъ. Къ величайшему своему удовольствію я узналъ, что А. Ф. Павловскій не оставлялъ Харькова, приводя въ порядокъ домъ свой, покупкою пріобрѣтенный. — Чрезъ часъ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ я уже очутился въ объятіяхъ сего почтеннаго моего друга и наставника, чего я не могъ надѣяться, ибо все вакаціонное время онъ обыкновенно провождалъ въ домѣ своихъ родителей. — Нужно ли упомянуть, что девятилѣтняя наша разлука могла найти много матеріи для разговора, а особливо послѣ восторговъ, неразлучныхъ съ первымъ свиданіемъ?

На другой день я посѣтилъ Университетъ, въ которомъ около пяти лѣтъ воспитывался на казенномъ иждивеніи, учась наукамъ Математическимъ, тогда процвѣтавшимъ подъ руководствомъ почтеннаго Профессора и Ректора Универ-

ситета Т. Ф. Осиповскаго. — Нынѣ я не узналъ онаго: такъ перемѣнился отъ перестроекъ и прибавленій зданій, огромныхъ и величественныхъ по наружному и внутреннему украшенію. Всѣ Кабинеты Университета увеличены и расположены отличнымъ образомъ. Залы для Библіотеки и торжественныхъ Университетскихъ собраній безподобны по огромности и пышности своей. Клиника хотя не велика, но устроена отличнымъ образомъ подъ надзоромъ Ординарнаго Профессора Брандейса. Знаменитый Профессоръ Парротъ, посѣщая сію Клинику во время проѣзда своего чрезъ Харьковъ на Кавказъ, нашелъ оную единственною въ Россіи. Не умолчу также о предметѣ, любезномъ сердцу моему — о прекрасныхъ комнатахъ, въ которыхъ помѣщаются казеннокоштные студенты, по три человѣка въ каждой, — о чрезвычайной чистотѣ и удобной мебели въ оныхъ. Симъ Педагогическимъ Институтомъ завѣдываетъ дѣятельный и почтенный Профессоръ Байковъ. Прекращаю свои замѣчанія: описывать матеріальную часть Университета было бы то же, что и написать порядочную книгу; слѣдовательно значи-

ло бы выйти за предѣлъ, мною предположенный.

Университетъ, обязанный существованіемъ патріотизму Слободско-Украинскаго Дворянства и Харьковскаго Купечества, открытъ 17 Января 1805 года, и въ теченіе 25 лѣтъ онъ оказалъ великую услугу: 1) наукамъ по оригинальнымъ сочиненіямъ Членовъ онаго, 2) Государству — приуготовленіемъ многихъ чиновниковъ, служащихъ съ честію по учебнымъ, военнымъ и гражданскимъ должностямъ. Не отнимая славы и достоинства Университетовъ Московскаго, Дерптскаго и другихъ, оказавшихъ Россіи большую услугу въ семъ отношеніи, скажу, что ежели первый преимущественно содѣйствовалъ къ образованію слова отечественнаго; то привязанностію къ Физикоматематическимъ Наукамъ южныхъ Россіянъ — и большимъ оныхъ распространеніемъ по Россіи — наше любезное отечество обязано Университету Харьковскому. Не легко наполнить Университеты такими учеными мужами, каковы Осиповскій, Стойковичь, Гизе. Первый обработывалъ Чистую Математику, написавъ *Алгебру и*

Геометрію: кому въ Россіи неизвѣстны сіи два тома Чистой Математики? Его трудовъ также превосходное сочиненіе о *Диф-ференціальномъ*, *Интегральномъ* и *Варія-ціонномъ исчисленіи* и *Высшей Геометріи*; оно въ рукописи и, къ сожалѣнію, доселѣ остается ненапечатаннымъ. Второй написалъ: *Опытную Физику*, *Физическую Астрономію*, *Физическую Географію*, *о Воздушныхъ камняхъ*, *о Грозѣ и предохраненіи себя отъ грома.* Сіи сочиненія, писанныя хорошимъ и понятнымъ для каждаго слогомъ, имѣли успѣхъ блистательный: ибо вдругъ разошлись по Россіи. Къ сожалѣнію — знаменитый Профессоръ Стойковичь не успѣлъ кончить отличнаго своего творенія *Системы Физики*, издавъ только два тома онаго. — Третій — написалъ пять томовъ *Опытной Химіи*, единственнаго въ то время сочиненія, о которомъ многіе Европейскіе ученые отзывались съ похвалою. Соглашаюсь, что творенія двухъ послѣднихъ Писателей теперь нѣсколько устарѣли, по быстрымъ успѣхамъ наукъ Естественныхъ. Къ сему присовокуплю еще; 1) труды Профессора Павловскаго, издавшаго на Россійскомъ языкѣ *Каллетовы Логариѳмы*, о пользѣ которыхъ, кажется, не-

чего говорить: порядочный Математикъ не можетъ безъ нихъ обойтись; притомъ сіе изданіе гораздо дешевле изданія Французскаго. 2) *Сочиненія* Проф. Ш., который почитался въ Европѣ въ числѣ первыхъ знатоковъ языка Латинскаго. 3) *Введеніе въ кругъ Словесности, Россійская Риторика и наука о Россійскомъ Стихотворствѣ* — сіи три творенія Проф. Рижскаго могутъ принадлежать къ настольнымъ книгамъ людей, занимающихся Русскою Словесностію. 4) *Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка*, составленный Пр. И. Тимковскимъ и 5) *Опытъ о древностяхъ Русскихъ* Пр. Успенскаго — служатъ доказательствомъ, что Харьковскій Университетъ не оставлялъ содѣйствовать успѣхамъ и Россійскаго слова и отечественной Исторіи.

Всѣ сіи, смѣю сказать, классическія творенія явились въ скоромъ времени послѣ основанія Университета, которыя и доставили оному знаменитость Европейскую. Я бы могъ упомянуть еще о трудахъ Профессоровъ Кронеберга, Комлишинскаго, Архангельскаго, Могилевскаго, Филомафитскаго, Адъюнктъ - Профессора

Склабовскаго и другихъ; но достаточно и первыхъ доказательствъ, которыя должны заградить уста нѣкоторымъ пристрастнымъ порицателямъ, воспитывающимся въ другихъ Университетахъ (*). . . . Попечителями сего святилища наукъ были: 1) Тайный Совѣтникъ, Графъ Северинъ Осиповичь Потоцкій, который, привлекая своимъ покровительствомъ и очаровательнымъ обхожденіемъ многихъ Профессоровъ извѣстной учености, сильно содѣйствовалъ славѣ сего заведенія; 2) Тайный Совѣтникъ Захарій Яковлевичь Карнѣевъ; 3) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Васильевичь Карнѣевъ; 4) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичь Перовскій, *нынѣшній* (**) Попечитель, который ревностно усердствуетъ доставить сему подвѣдомственному ему заведенію блескъ и знаменитость сколько умноженіемъ отличныхъ Профессоровъ, столько же обогаще-

---

(*) А намъ напротивъ того очень пріятно въ сихъ отзывахъ видѣть и новое свидѣтельство о заслугахъ мужей достойныхъ и благородную дань признательности г-на Сочинителя къ мѣсту своего образованія. *Изд.*

(**) Писано въ бытность Попечителемъ А. А. Перовскаго. *Изд.*

ніемъ всѣхъ Кабинетовъ Университета важными и любопытными предметами.

Ректорами были слѣдующіе Профессоры каѳедръ: 1) Русской Словесности, Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Степановичь Рижскій; 2) Физики, Статскій Совѣтникъ Аѳанасій Ивановичь Стойковичь; 3) Чистой Математики, Статскій Совѣтникъ Тимоѳей Ѳедоровичь Осиповскій; 4) Греческой Словесности, Статскій Совѣтникъ Василій Яковлевичь Джунковскій; 5) Латинской Словесности, Иванъ Яковлевичь Кронебергъ, и 6) Философіи, Коллежскій Совѣтникъ Андрей Ивановичь Дудровичь, въ сію должность прошедшаго года избранный.

Большое число учебныхъ заведеній въ Харьковѣ, заслуживающихъ вниманіе путешественника, чрезвычайно распространило бы мои путевыя замѣчанія; любопытный можетъ читать подробности о семъ въ Украинскомъ Журналѣ, который былъ издаваемъ г-мъ Склабовскимъ (*).

(*) *Укр. Жур.* N. 13, 14, 15 и 16 на 1824 годъ, въ Харьковѣ.

Харьковъ построенъ жителями, которые пришли изъ за Днѣпра въ 1650мъ, а губернскимъ городомъ сдѣланъ въ 1765 году (*). Городъ сей, 179 лѣтъ существующій, плѣняетъ посѣтителя множествомъ огромныхъ домовъ, выстроенныхъ правильно и со вкусомъ; въ семъ отношеніи граждане обязаны благодарностію почтенному Профессору архитектуры Е. В. Васильеву. Большое количество купеческихъ рядовъ, въ два яруса около Успенскаго Собора выстроенныхъ, свидѣтельствуетъ обширность торговли, которую жители города производятъ, особливо въ Полуденной Россіи. Если бы расположеніе и мѣстоположеніе Харькова соотвѣтствовали изящности зданій; то городъ имѣлъ бы другое достоинство въ глазахъ путешественника: но — улицы узки и не вездѣ прямы, а болотистая долина производитъ гнилыя горячки и большую смертность; притомъ великолѣпіе Харькова ослабляется тѣмъ, что подлѣ прекрасныхъ, огромныхъ зданій стоятъ ветхіе и небольшіе домики. Дальность предметовъ обворожаетъ воображеніе че-

(*) *Г. Сл. Щек.* VI Ч., стр. 712.

ловѣка; близость оныхъ охлаждаетъ наслажденіе: ето я испыталъ надъ собою. Съ какимъ нетерпѣніемъ оставлялъ я родной свой городъ, свое семейство — дабы узрѣть Харьковъ, обнять друзей юности моей и насладиться прелестями воспоминанія о прошедшемъ; съ такимъ же нетерпѣніемъ спѣшилъ я удалиться изъ Харькова, уставъ отъ семидневной скуки и досадуя на медленность свиданія съ моимъ семействомъ. Я видѣлся съ прежними товарищами по Университету; поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ отношеніи ко мнѣ, показалось мнѣ или обдуманнымъ или холоднымъ, и ето оледенило меня къ Харькову. Богъ съ ними! — Не одинъ я, но многіе, подвергаются подобному испытанію; можетъ быть время и занятія произвели въ нихъ сію перемѣну. Но съ чувствомъ живѣйшей благодарности я обязанъ вспомнить благосклонность и ласки ко мнѣ: А. И. Дудровича, В. С. Комлищинскаго, К. П. Павловича, И. М. Архангельскаго, И. И. Сухомлинова, П. И. Артемовскаго-Гулака и П. П. Шеншина; дружескую привязанность, усердіе и откровенность: А. Ф. Павловскаго, В. М. Черняева, А. С. Венедикто-

ва и П. И. Сохальскаго. — Сіе же самое чувство и уваженіе мое къ вышеупомянутымъ мужамъ навсегда сохранится въ душѣ моей.

Деркачи, 28 Іюля.

Лишь только проѣхалъ я прекрасный Ботаническій садъ, принадлежащій Университету, — мгновенно скрылся Харьковъ со всѣми своими зданіями и сердечная скорбь овладѣла моей душею. — Поднявшись на гору, въ двухъ верстахъ отъ города находящуюся, я снова увидѣлъ храмы и домы Лопанской улицы и нѣсколько домовъ казенныхъ нагорной стороны Харькова. — Около получаса я наслаждался симъ видомъ, опершись на верхъ своей брички: я желалъ живѣе напечатлѣть въ памяти всѣ предметы города сего, невзирая на проливной дождь, который не оставилъ въ моемъ платьѣ ни одной сухой нитки. — Наконецъ солнце прояснилось, воздухъ освѣжился — взоры мои обратились на прелестную долину, населенную многими деревнями, по которой течетъ рѣка Лопань.

Взявъ другую дорогу, называемую Сумскою, мнѣ давно извѣстную, въ два часа по полудни я пріѣхалъ въ Деркачи, слободу, въ 17 верстахъ отъ Харькова лежащую, на болотистомъ мѣстѣ луговой стороны Лопани. Здѣсь много постоялыхъ дворовъ и лавокъ, но одна церковь.

Хуторъ Нахимова.

Я выѣхалъ изъ Деркачей въ 4 часа по полудни. Около мельницъ, на ровномъ мѣстѣ, встрѣтилась мнѣ карета, довольно грузная отъ пассажировъ, занятыхъ разговорами; казалось, причиною оныхъ былъ я. Знаю только, что минуя сей екипажъ, я почувствовалъ припадки той убійственной грусти, которая, разстроивая душу и тѣло человѣка, раждаетъ въ немъ мысль о ничтожествѣ и презрѣніи къ предметамъ здѣшняго міра. — Взобравшись на гору, я опять увидѣлъ Святые храмы Харькова, Кадетскій корпусъ и весь холмъ онаго, обѣленный частными домами и зданіями Университета, присутственныхъ мѣстъ и рядовъ купеческихъ. Чрезъ нѣсколько минутъ густой орѣшникъ скрылъ отъ меня прелестный Харьковъ и всѣ виды обширной степи, простирающейся

амфитеатромъ до самаго небосклона. Неровная дорога, къ тому же грязная, стѣсненная по обѣ стороны непроницаемымъ орѣшникомъ и дикими грушевыми деревьями — способствовала тѣмъ мрачнымъ дѣйствіямъ души моей, которыя она возчувствовала при встрѣчѣ съ грузнымъ екипажемъ. — Около трехъ верстъ дорога была столь несносная, что я ежеминутно подвергался опасности — быть опрокинутымъ. Вырвавшись на открытое мѣсто, я увидѣлъ съ горы прекрасную церковь села Должика, стоящаго на рѣкѣ Удахъ, и великолѣпный домъ господскій съ обширнымъ садомъ, огороженнымъ стѣною и акаціями. Деревня сія принадлежитъ г. Полковнику Веселовскому. Уже послѣдній лучь заходящаго солнца отражался въ струяхъ рѣки Удъ, когда я пріѣхалъ въ сію деревню, — а въ сумерки достигъ хутора Нахимова, лежащаго въ трехъ верстахъ отъ села Должика. Не знаю, отъ чего чувствуешь великое удовольствіе посѣщать тѣ мѣста, гдѣ люди мыслящіе любили иногда провождать свое время. Извѣстно, что Нахимовъ былъ сочинитель; онъ писалъ сатиры, особливо на людей приказнаго состоянія. Видно, что сіи люди надоѣли ему. . .

Долгомъ поставляю при семъ помѣстить часть письма любезнаго моего Тюрина, которое получено мною отъ него чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи домой. — „Карета, которая встрѣтилась вамъ за Деркачами, вмѣщала въ себѣ меня съ моимъ семействомъ. Сперва я необратилъ вниманія на вашу бричку, ибо сидѣлъ спиною къ ней; — но слова моей родственницы: „вотъ также папенька съ сыночкомъ куда-то ѣдетъ; вѣрно изъ Харькова“ — заставили меня взглянуть на бричку, своими признаками сходствующую съ тѣми, которыя мнѣ послѣ описала моя маменька. Прибавьте еще, что я за нѣсколько минутъ до встрѣчи съ вами сѣлъ въ карету, а до того шелъ пѣшкомъ. Мысль, что я былъ отъ васъ въ пяти шагахъ и невидѣлся съ вами, не обнялъ васъ со всею нѣжностію души — и теперь еще посѣщаетъ меня съ тягостными ощущеніями. . . .“

Гайворонъ, 29 Іюля.

Отъ Нахимова хутора верстъ на десять дорога была несносная, по причинѣ грязи; но чѣмъ ближе къ Гайворону, тѣмъ

она дѣлалась крѣпче и суше: єто зависитъ, можетъ быть, отъ примѣтной наклонности Гайворонской степи къ рѣкѣ Ворсклѣ, которая открываетъ Гайворонъ верстъ за двадцать. Сіе мѣстечко причислено къ Хотмыжскому уѣзду Курской губерніи и лежитъ при вышеупомянутой рѣкѣ; имѣетъ четыре церкви, изъ которыхъ двѣ вновь строятся, пострадавъ отъ пожара. Жизненные продукты чрезвычайно дешевы; здѣшніе жители производятъ ими значительную торговлю, къ поддержанію коей способствуютъ еженедѣльные по пятницамъ и понедѣльникамъ торги и ежегодныя четыре ярмарки.

Уже Кошевый Суховей, по совѣту Дорошенка, вступилъ въ Слободскія степи, начальствуя Запорожцами и Татарами. Гетманъ Многогрѣшный, узнавъ о семъ, пошелъ противу нихъ съ Козаками, прося пособія у Князя Ромодановскаго, стоявшаго въ Путивлѣ. Князь отрядилъ сына своего съ значительнымъ корпусомъ. Молодой человѣкъ, желая присвоить себѣ славу побѣдителя, не дождавшись прибытія Гетмана, рѣшился дать сраженіе на вышеупомянутой степени Гайво-

ронской, но былъ разбитъ искуснѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ непріятелемъ и взятъ въ плѣнъ Татарами. Престарѣлый отецъ, находясь въ недальнемъ разстояніи отъ сего побоища и немогши помочь сыну по причинѣ малолюдства, отступилъ къ Путивлю. Сіе происшествіе было въ 1668 году (*). Курганы, одни въ осми верстахъ отъ Гайворона, другіе близъ сего мѣстечка возвышающіеся, служатъ свидѣтельствомъ, что кровь человѣческая обагряла сіи поля плодоносныя.

Упомяну еще, что переѣздъ 35 верстъ разстоянія отъ Нахимова хутора до Гайворона отмѣнно скученъ по причинѣ малой населенности; по дорогѣ встрѣтятся только четыре постоялые двора, чрезвычайно незавидные.

Самотоевка, 30 Іюля.

Выѣзжая изъ Гайворона, я имѣлъ намѣреніе достигнуть хутора Хрущова, до котораго отсюда 35 верстъ. — Но давнымъ давно говорятъ: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; мнѣ досталось ноче-

(*) М. И. Бант. Кам. Ч. II, стр. 65.

вать въ хуторѣ одного однодворца, въ пяти верстахъ отъ слободы Камышина. Етотъ хуторъ выстроенъ въ концѣ непроходимаго лѣса, примыкающаго къ ужаснымъ оврагамъ, которые обросли густымъ кустарникомъ. Грязная и гористая дорога, неисправныя гати въ селѣ Камышинѣ, до чрезвычайности утомили лошадей моихъ. Еще за шестьнадцать передъ симъ лѣтъ я зналъ опасность, которой иногда подвергаются здѣсь проѣзжіе: въ семъ лѣсу были грабежи и разбои, или, по выраженію моего однодворца, шалости бродягъ. Конечно опасно было остаться на ночлегѣ въ семъ хуторѣ; но еще опаснѣе — пускаться далѣе по дорогѣ, гдѣ стоящіе кресты знаменуютъ жертвы, погибшія отъ рукъ злодѣевъ. Притомъ наступившая ночь, десятиверстная дальность до Хрущевыхъ хуторовъ, убѣдили меня не предаваться большей опасности: я въѣхалъ на дворъ однодворца, предоставляя мою судьбу волѣ и благости Промысла. Тщательно скрывая опасность отъ моего человѣка, я совѣтовалъ ему ложиться, толкуя притомъ, что мнѣ спать еще не хочется, и что я буду прогуливаться по двору. На предложеніе мое

онъ отвѣчалъ: „Богъ великій Человѣкъ, — Богъ съ вами! Онъ не дастъ намъ напасти; я и самъ спать не буду." — Тутъ объяснилъ мнѣ, что и онъ былъ предувѣдомленъ однодворцемъ. Въ 11 часовъ ночи страхъ нашъ прошелъ отъ пріѣзда двухъ грузныхъ тѣлегъ съ двумя сѣдоками, которые, увидя насъ здѣсь, съ удовольствіемъ остались ночевать; они также знали объ опасностяхъ сего мѣста. Спустя часъ, прибыли къ намъ еще двѣ кибитки съ пятью Русскими промышленниками; появленіе сихъ послѣднихъ устранило отъ меня всякую предосторожность и сладкій сонъ былъ наградою за тревожное состояніе души моея.

Восходящее солнце, заставъ меня уже на дорогѣ, освѣтило двѣ богатыя деревни, въ глубокихъ долинахъ близко отъ насъ лежащія: вправо Пускарщину, а влѣво Рясное. Прекрасная церковь, большой господскій домъ и обширное гумно съ годовалыми скирдами ржи — обнаруживаютъ въ послѣднемъ селѣ благосостояніе крестьянъ, ихъ дѣятельность и обширность полей пахатныхъ. Оно принадлежитъ г-ну Хрущову. Въ 6 часовъ утра я пріѣхалъ

въ хуторъ сего помѣщика. Въ вдухъ верстахъ отсюда, близь дубоваго лѣса, видны батареи. Ни гдѣ не нашелъ я историческихъ происшествій, которыя объяснили бы причину построенія оныхъ.

Еще рано пріѣхалъ я въ мѣстечко Краснополье, которое расположено на покатости горы. Видъ изъ него на противуположный берегъ рѣки Сыроватки очень хорошъ, по причинѣ густаго лѣса, изъ котораго проглядываютъ красивые домы г-дъ помѣщиковъ Полозовыхъ. Мѣстечко сіе имѣетъ двѣ церкви и три въ году ярмарки. Жизненные продукты въ ономъ чрезвычайно дешевы — и въ жителяхъ замѣтна наклонность къ промышленности. Отдыхъ я имѣлъ въ селѣ Самотоевкѣ, въ семи верстахъ отъ Краснополья. — Не умолчу о дешевизнѣ въ ономъ жизненныхъ припасовъ: за обѣдъ, состоявшій изъ супа съ цыпленкомъ, изжареной утки и двухъ стакановъ сливокъ, заплачено мною *сорокъ* коп., вмѣстѣ и съ обѣдомъ человѣка.

Сумы.

По дорогѣ изъ Самотоевки до слободы Сыроватки я любовался пріятными

картинами нагорнаго берега рѣки Сыроватки. Мы не успѣли подняться на вершину песчаной горы, отъ послѣдней слободы, какъ уже открывается обширная равнина, орошаемая рѣкою Псломъ, берега котораго изобилуютъ лѣсами; сквозь зелень ихъ проглядывали зданія города Сумъ и загородные домы помѣщиковъ. Сія долина показалась мнѣ пространнѣе и великолѣпнѣе Ахтырской; но не берусь описывать оной: любопытство мое замѣнилось уже сильнымъ чувствомъ нетерпѣнія — желаніемъ скорѣе увидѣть свое семейство. Въ 7 часу вечера я находился на мостовой надъ рѣкою — Псломъ. По причинѣ хорошихъ видовъ на рѣку сію, разлившуюся здѣсь на многіе рукава, мостовая служитъ мѣстомъ прогулки для лучшаго класса Сумскихъ жителей.

Городъ Сумы выстроенъ на небольшомъ возвышеніи праваго берега рѣки Псла; имѣетъ много каменныхъ домовъ, частныхъ и общественныхъ; количествомъ купеческихъ рядовъ мало чѣмъ уступаетъ Харькову; по достоинству же и числу зданій, и по значительной торговлѣ оный считается въ Слободско - Украинской гу-

берніи первымъ по Харьковѣ. Лучшія здѣсь ярмарки: 1 я) Сборная или Ѳеодоровская, которая начинается съ первой недѣли поста и продолжается около трехъ недѣль; 2 я) Введенская, почти равная первой.

Основаніе Сумъ должно отнести ко временамъ переселенія Заднѣпровскихъ Малороссіянъ; улучшеніе же города и усиленіе въ немъ многолюдства воспослѣдовало уже въ 1659 году. Юрій Хмѣльницкій поселилъ въ Слободскихъ полкахъ, отцемъ заведенныхъ, жителей, обитавшихъ по рѣкамъ Припети, Днѣпру и Случи (*). Сумскіе Полковники имѣли нѣкоторое преимущество предъ прочими чиновниками тогожъ имени, къ Слободскимъ полкамъ принадлежавшими.

Петръ Великій, съ первыхъ чиселъ Января 1709 года, имѣлъ пребываніе въ Сумахъ съ гвардіею своею и нѣсколькими пѣхотными полками. Вскорѣ прибылъ къ Нему Царевичь Алексѣй Петровичь съ пятью полками; не взирая на Свою молодость и холодную зиму, онъ захотѣлъ раздѣлять труды Великаго Родителя. По случаю дошедшихъ универсаловъ Мазепы

(*) Мал. Лѣтоп. Рукоп. Архіеп. Георг. Кониcкаго. —

и Карла XII, которыми они обольщали добродушныхъ Малороссіянъ, Государь въ семъ городѣ обнародовалъ двѣ граматы къ народу Малороссійскому (*), увѣщевая его не склоняться на лукавства Мазепы — богоотступника, измѣнника и вора — и не внимать грубымъ клеветамъ Карла. Въ послѣдней граматѣ Царь изложилъ всѣ бѣдствія, которыя нанесены Россіи неприятелями, успѣхи оружія своего и причину войны со стороны Швеціи, войны самой несправедливой. Здѣсь въ бесѣдахъ Монархъ обыкновенно говаривалъ: „Пусть пишутъ и говорятъ мои неприятели, что̀ хотятъ; никогда не могутъ они похитить у Меня надлежащаго мнѣ. Правость моихъ дѣйствій и совѣсть моя покрываютъ Меня отъ злости ихъ предъ Богомъ и справедливыми человѣками. Я буду такъ поступать, дабы ложь уловлена и посрамлена была правдою, надѣясь, что справедливость въ дѣлѣ наконецъ восторжествуетъ“. . . . 3го Февраля Государь, въ сопровожденіи Царевича, отправился въ Ахтырку (**).

(*) Первая писана 21 Января, а вторая 3 Февраля 1709 года въ Сумахъ.

(**) См. О жиз. и дѣян. Петра I. издан. Туманс. VIII Ч., стр. 7 — 30.

Въ 1732 году здѣсь учреждена Слободская Коммиссія, управленію которой были подчинены прочіе Слободскіе полки по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ, и которая существовала по 1743 годъ (*). Съ учрежденіемъ Слободско-Украинской губерніи, Сумы сдѣлались уѣзднымъ городомъ оной.

Бѣлополье, 31 Іюля.

Еще съ вечера я разспрашивалъ о дорогѣ на Рыльскъ: мнѣ очень хотѣлось посѣтить сей городъ, славный торговлею, богатствомъ, а паче древностію; но извѣстность дороги на Путивль заставила меня взять послѣднюю.

На пространствѣ 45 верстъ отъ Сумъ до Бѣлополья нѣтъ иной населенности, кромѣ постоялыхъ дворовъ. Въ среднемъ разстояніи между сими городами находятся огромные окопы, называемые *чатами* или постами для карауловъ. Съ высотъ сихъ *чатовъ* обозрѣвается большое пространство степи. Въ разстояніи пяти верстъ лежатъ другіе посты такой же величины и вида. Отъ сихъ до самаго

(*) Ист. и Геогр. Слов. Ч. V, стр. 1256.

Бѣлополья тянутся курганы, стоящіе въ недальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Вѣроятно здѣсь были битвы между Россіянами и Татарами; Воеводы Путивльскіе уничтожали иногда варварскіе замыслы послѣднихъ.

Бѣлополье, или Крига, есть безуѣздный городъ С.-Украинской губерніи; построенъ въ 1672 году и окруженъ земляным валомъ (*); стоитъ при рѣчкахъ Кригѣ и Виргѣ.

Квартиру я здѣсь имѣлъ у отставнаго вахмистра, служившаго въ Турецкую кампанію подъ начальствомъ Князя Потемкина. Онъ мнѣ сообщилъ слѣдующій анекдотъ. Князь находился въ Яссахъ. Когда явились Генералы въ главную квартиру за приказаніями и съ рапортами, то Кошевый Атаманъ, съ ними тамъ же бывшій, ожидавъ долго выхода Князя въ приемную залу, рѣшился ускорить свиданіе; подобрался къ окну кабинета, сильно застучалъ въ оное и воскликнулъ: „Чи ты живъ, Грицку, батьку!“ — Князь, стоя у окна, заводилъ часы, углубленъ будучи

(*) Ист. и Геогр. Сл. Ч. I, стр. 689.

въ размышленія; внезапный шумъ испугалъ его; часы упали на полъ и стекло разбилось въ дребезги. Узнавъ о семъ присутствующіе въ залѣ, пришли въ недоумѣніе и думали, что Князь разсердится. „Не бойтесь ничего!“ сказалъ Чепига: „онъ не будетъ гнѣвенъ; мы его знаемъ.“ Князь явился къ ожидающимъ его съ веселымъ лицемъ и самъ имъ разсказывалъ сіе происшествіе. — Не ручаясь за истину анекдота, я думаю, что не должно иногда пренебрегать разсказами и простыхъ воиновъ.

Чаплицы.

Выѣхавъ изъ Бѣлополья въ три часа по полудни, мы скоро достигли слободы Ворожбы, границы Курской губерніи. На возвышенности дороги за сею слободою тотчасъ открылся намъ нагорный правый берегъ рѣки Сейма, и на немъ Глинскій дѣвичій монастырь, окруженный лѣсами; около пятнадцати верстъ онъ не терялся у насъ изъ виду. За селомъ Глушицами поворотили мы вправо по топямъ и песку глубокому: это лугъ Сейма. Чаплицы и паромъ черезъ рѣку принадлежатъ г-ну Самойлову. — Я остановился для ночлега на постояломъ дворѣ съ об-

ширнымъ садомъ, въ пяти шагахъ отъ рѣки Сейма.

На семъ мѣстѣ, назадъ тому 16 лѣтъ, я также ночевалъ. — Боже мой! сколько происшествій случилось со мною въ теченіе сего времени! — Тогда я былъ молодъ, здоровъ, наслаждался надеждами, которыя мнѣ рисовали будущее въ обольстительномъ видѣ; нынѣ не тѣ понятія, не тѣ представленія толпятся въ головѣ моей: печальная существенность, достигнутая испытаніемъ, родила другія мысли. . . . Почему не признаться, что череда, на которую судьбою поставленъ я въ семъ мірѣ, есть череда не завидная, изъ которой никто еще не достигалъ до счастія! — Справедливо сказано въ одной комедіи (*):

Le premier pas . . . que l'on fait dans le monde
Est celui, dont depend le reste de nos jours.

Нѣкоторые Университетскіе мои товарищи пріобрѣли большіе успѣхи по службѣ и въ способахъ жизни, отъ того что пошли другою дорогою и умѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ,

(*) L'indiscret.

котораго появленіе (не помню, кто-то сказалъ) для каждаго человѣка бываетъ... одинъ разъ въ жизни!

Около двухъ часовъ, погруженный въ думы, сидѣлъ я на берегу быстраго Сейма. Легкой шумъ отъ рѣки и глубокая тишина лунной ночи — кого не располагаетъ къ прелестямъ мечтаній и забвенія?

Хуторъ г-жи Миклашевской, 1 Августа.

Омывшись въ чистыхъ струяхъ рѣки Сейма, я проселочными дорогами, мимо Святаго озера, скоро достигнулъ до большой Путивльской дороги и увидѣлъ куполы готическихъ храмовъ сего древняго, отечественными происшествіями знаменитаго города. Не доѣзжая до него около трехъ верстъ, я взялъ вправо, и скоро очутился на Глуховской дорогѣ. Въ 10 часовъ утра прибыли мы къ рѣкѣ Клевени, на которой стоятъ Вязенки, село пограничное между губерніями Черниговскою и Курскою. Трепетъ удовольствія разлился по всему моему организму, когда ступилъ я на землю родной губерніи, когда услышалъ знакомые звуки нарѣчія, увидѣлъ

обычаи жителей, давно мнѣ извѣстные. Клевень есть физическая и нравственная граница между вышеупомянутыми губерніями. Переѣхавъ черезъ рѣку сію, тотчасъ увидишь другую почву земли, частыя воды, изобиліе въ лѣсахъ и большую населенность. Наша Черниговская губернія веселѣе скучныхъ и единообразныхъ равнинъ губерній Полтавской, Харьковской и Курской, хотя въ плодородіи уступаетъ онымъ.

Глуховъ.

Въ 3 часа по полудни я выѣхалъ изъ хутора г-жи Миклашевской. — Выбравшись изъ небольшой рощи, состоящей изъ дубняка и молодыхъ березъ, тотчасъ видите обширное поле съ глубокими продольями, прекрасный лугъ рѣки Есмани и въ концѣ наклонной дороги село Холопки, при озерѣ. На разстояніи трехъ верстъ отъ села, по обѣ стороны дороги расположеннаго, стоитъ дубовый лѣсъ съ небольшимъ лугомъ: мѣсто, единственное для отдыха и прохлады; за лѣсомъ вдали видны сперва величественная колокольня Спасской церкви, а потомъ и другіе храмы города Глухова. Отсюда считаютъ

до Глухова восемь верстъ; но углубленія и извилины дороги, притомъ глубокій песокъ, дѣлаютъ етотъ переѣздъ скучнымъ, тяжелымъ и продолжительнымъ.

Начало построенія города сего неизвѣстно. Лѣтописи въ первой разъ говорятъ о Глуховѣ по случаю взятія онаго Половцами, пришедшими на помощь къ Великому Князю Георгію Владиміровичу; происшествіе сіе относится къ 1152 году (*). — Въ 1664 году сей городъ былъ осаждаемъ Польскимъ Королемъ Яномъ Казиміромъ, который приступилъ къ оному со многочисленнымъ войскомъ своимъ и Малороссійскими козаками; послѣдними начальствовали: Наказный Гетманъ Теперя и Полковники Гуляницкій, Богунъ и другіе. Усилія враговъ мужественно отражалъ храбрый Генеральный Судья Живоѣовскій съ тремя реестровыми полками: Черниговскимъ, Нѣжинскимъ и Стародубскимъ. Было брошено болѣе 100 тысячь (?) бомбъ и гранатъ, дѣлано нѣсколько приступовъ; но осажденные, частыми вылазками разстроивая планы, прогнали осаждающихъ. Городъ Глуховъ былъ

(*) Ист. и Геогр. Слов. II Ч., стр. 46.

въ осадѣ пять недѣль (*). Въ 1708 году вниманіе всѣхъ Россіянъ, можетъ быть цѣлой Европы, обращено было на происшествія Глухова: здѣсь находился Петръ I для выбора новаго Предводителя Малороссійскихъ козаковъ на мѣсто измѣнника Мазепы. Благоразумныя распоряженія Монарха въ семъ городѣ сохранили вѣрность Малороссіянъ и за восемь мѣсяцовъ предуготовили знаменитую побѣду Полтавскую. Съ Государемъ были Ближній Стольникъ Князь Долгорукій, Князь Менщиковъ, Графъ Головкинъ, новоизбранный Гетманъ Скоропадскій, Кіевскій Митрополітъ Іоасафъ Кроковскій, Архіепископъ Черниговскій Максимовичь и Епіскопъ Захаріа Корниловичь. Упомянутое Малороссійское Духовенство отправляло 12 Ноября обѣдню, которую слушалъ Государь со многочисленною свитою. Тогда-то были преданы анаѳемѣ Мазепа и его приверженцы; казнены: чучела сего измѣнника, Полковникъ Чечель и прочіе Малороссійскіе Чиновники, взятые въ плѣнъ. Казнь сія совершилась на бывшей обширной Ніколаевской площади, нынѣ уже рядами стѣсненной.

(*) М. И. Бант. Кам. II Ч., стр. 24.

Съ уничтоженіемъ Батурина столицею Малороссіи сдѣланъ Глуховъ. Здѣсь была резиденція Гетмановъ: Іоанна Скоропадскаго, Апостола и Графа Разумовскаго, также главное правительственное мѣсто Малороссіи, учрежденное Петромъ (1722 г. 20 Іюля) подъ названіемъ Войсковой Канцеляріи, которая представляла одну только тѣнь власти Гетмановъ, управляема будучи Великороссійскими чиновниками. Добрый Гетманъ Скоропадскій, удрученный горестію о притѣсненіи Малороссіи, по поводу своея вражды съ Менщиковымъ, и объ утратѣ вольности, не дождался открытія сего присутственнаго мѣста: онъ умеръ 3 Іюля 1721 года. Съ учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи въ 1765 году нестало Гетмановъ въ Малороссіи; мѣсто сіе вѣдало военныя и гражданскія дѣла, состоя подъ начальствомъ Генералъ-Губернатора Малороссійскаго, Графа Румянцова-Задунайскаго. По открытіи Новгород-Сѣверскаго Намѣстничества, Глуховъ сдѣланъ повѣтовымъ городомъ онаго, а въ 1796 году причисленъ къ повѣтамъ Черниговской губерніи. Зданія, въ которыхъ помѣщалась Малороссійская Коллегія, нынѣ представляютъ развалины, грустныя

для тѣхъ, кои знали ихъ въ прежнемъ великолѣпномъ видѣ; пожаръ 1784 года довершилъ разореніе. Вотъ причина, отъ чего и до сихъ поръ Глуховъ, по зданіямъ своимъ, принадлежитъ къ числу средственныхъ городовъ Черниговской губерніи, не взирая на значительную торговлю своихъ жителей.

Мысль, что завтра увижу мое семейство, недавала мнѣ спать въ продолженіе цѣлой ночи. Кто, бывъ сиднемъ въ домѣ, послѣ долговременной разлуки съ своими, не ощущалъ отрадныхъ и вмѣстѣ боязненныхъ чувствованій, а особливо находясь въ близкомъ отъ нихъ разстояніи?

На другой день въ 6 часовъ по полудни я достигъ Новгорода Сѣверскаго. — Не берусь описывать моего сердечнаго удовольствія. Семейный человѣкъ, бывшій въ моемъ состояніи, можетъ въ полной мѣрѣ самъ ощущать сіи счастливыя минуты въ жизни; — одинокій не пойметъ меня.

Иванъ Сбитневъ.

10 Апрѣля
1830 года.
Новгородъ Сѣверскій.

Исторія Естественныхъ наукъ до XV вѣка.

(Общій перечень всего курса лекцій г-на Кювье.)

Время, когда люди съ успѣхомъ начали заниматься науками, не далѣе отъ насъ четырехъ тысячь лѣтъ, или даже двухъ тысячь, если смотрѣть на него, какъ на епоху, отъ которой дошли до насъ памятники достовѣрные.

Получивъ начало въ Индіи, науки распространились по Египту, Халдеи и Персіи, гдѣ, кажется, онѣ достигли нѣкотораго совершенства, по крайней мѣрѣ касательно части практической. Древніе Египтяне имѣли понятіе объ естественной Исторіи и Анатоміи. Почти тысяча лѣтъ протекла до того времени, какъ въ Греціи появились Філософы, кои дѣйствительно занимались науками. Но около 600 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, когда важные два переворота, случившіеся въ Египтѣ, наконецъ открыли путь въ сію страну чужестранцамъ, Греки (у нихъ любовь къ знаніямъ уже обнаружилась во всей силѣ) съ жадностію бросились въ мѣ-

ста, откуда вышли первые законодатели наукъ, и гдѣ надѣялись они приобрѣсть свѣдѣнія, еще болѣе прочныя. Өалесъ первый принесъ въ Грецію Философію, которую почерпнулъ онъ въ храмахъ Египетскихъ. Немного спустя, Пиөагоръ послѣдовалъ примѣру Өалеса и основалъ свою школу Философіи на началахъ, кои слишкомъ ясно говорятъ о своемъ происхожденіи Египетскомъ.

Успѣхи наукъ въ Греціи были сначала медленны и затруднительны; никто не занимался исключительно какою нибудь одною ихъ вѣтвію. Философы впутывали въ свои понятія по нѣскольку отъ всякой науки. У каждой школы Греческой была своя особенная система знаній, и понятія мистическія начинали господствовать повсюду, когда Сократъ далъ почувствовать ничтожность тогдашнихъ тонкостей, и обратилъ вниманіе ума на то, что̀ называется Философіею въ истинномъ значеніи. Ученикъ его Платонъ основалъ философскую школу, на которую бредни секты Пиөагорейцевъ имѣли еще большое вліяніе.

Арістотель далъ совсѣмъ другое направленіе уму человѣческому. Сему великому генію обязанъ міръ полною почти системою всѣхъ вообще наукъ: Физику, Физіологію, Астрономію, Зоологію, Ботанику — все онъ обнялъ, все раздѣлилъ, и заслужилъ по справедливости титло основателя наукъ, давъ надлежащую методу, которая обезпечиваетъ и поддерживаетъ ихъ быстрые успѣхи — методу наблюденій, на которую Баконъ снова навелъ умы, XIX вѣковъ спустя. За 350 лѣтъ до Р. Х. безсмертные труды Арістотеля были совершены; обогащенная (благодарность одному изъ безчисленнаго множества людей!) наука стала на пути безпредѣльнаго усовершенствованія. При всемъ томъ, кромѣ Ѳеофраста, который приспособилъ сію методу къ Ботаникѣ, Арістотель не имѣлъ по себѣ достойнаго преемника.

Послѣ Арістотеля процвѣтала школа Александрійская; Птоломеи собрали въ ней цвѣтъ Греческихъ ученыхъ; но труды сей школы собственно касались до Литтературы, Исторіи, Крітики и, за исключеніемъ Анатоміи, Александрійцы очень мало занимались Естественными науками. То же самое было въ Малой Азіи.

Когда Римъ сдѣлался обладателемъ Египта, науки нашли въ немъ своихъ чтителей. Но два первые вѣка Хрістіанской Еры представляютъ однихъ лишь компиляторовъ. Одного только человѣка (Галена) сочиненія запечатлѣны оригинальностію; одинъ только онъ приблизился къ Арістотелю и распространилъ Естественныя науки почти во всѣхъ ихъ отрасляхъ; преимущественно занимали его Анатомія, Зоологія и Медицина.

Въ ето время и во все продолженіе III столѣтія усилія людей съ талантами были истощаемы на религіозныя распри, кои всѣхъ тогда занимали. Богословіе овладѣло всѣми, и тонкая замысловатость ума Греческаго терялась въ мустическихъ хитросплетеніяхъ.

Сіе плачевное зрѣлище постепеннаго упадка своего науки представляли въ продолженіе IV, V и VI столѣтій, изъ коихъ послѣднее было епохою овладѣнія сѣверными народами Западной Римской Имперіи.

Средніе вѣки, начинаясь съ поселенія Германскихъ народовъ въ Западной Имперіи, продолжаются до XV столѣтія нашего лѣтосчисленія. Въ етотъ безплод-

ный промежутокъ времени исторія наукъ представляется намъ въ трояком направленіи: 1 въ Византійской Имперіи, гдѣ былъ въ употребленіи языкъ Греческій; 2 между народами Европейскими, кои сохраняли языкъ Латинскій, и 3 у Арабовъ.

На Востокѣ, среди преній Богословскихъ, науки время отъ времени приходили въ упадокъ; впрочемъ сквозь покровъ Алхимическихъ бредней Химія начала нѣсколько проявляться. Византія, обладая одна твореніями древнихъ, имѣла весьма счастливое вліяніе на возрожденіе наукъ по завоеваніи Константинополя.

Западные народы, когда покорили ихъ варвары, погрязли въ глубочайшемъ невѣжествѣ.

Карлъ Великій возжегъ на мгновеніе свѣтильникъ наукъ; но его преемники попустили ему снова угаснуть. Въ X, XI и XII столѣтіяхъ невѣжество распространяется болѣе и болѣе. Въ XIII вѣкѣ счастливое движеніе приводитъ умы въ дѣятельность: Албертъ Великій и Арнодъ Вильневскій пробудили любовь къ наукамъ. Рожеръ Баконъ упредилъ даже свой вѣкъ успѣхами

тъ оныхъ. Въ его время метода опытная не могла еще принести ощутительной пользы, и самыя его открытія оказались полезными уже по прошествіи многихъ столѣтій. Установленіе Монашескихъ орденовъ, учрежденіе Университетовъ, наконецъ Крестовые походы произвели чудное движеніе въ умахъ обитателей Европы. Такимъ образомъ въ концѣ XIII столѣтія все, казалось, было уже готово къ счастливому измѣненію; но въ продолженіе XIV вѣка всѣ государства Европы возмущались всякаго рода безпорядками, и благодѣтельное движеніе остановилось. За то въ XVI столѣтіи возобновилось оно тѣмъ съ бо́льшею быстротою и съ не меньшею правильностію.

Успѣхи Арабовъ въ наукахъ, собственно такъ называемыхъ, Естественныхъ, были довольно малозначущи, это правда; но Арабы имѣли большое вліяніе на народы Европейскіе послѣ первыхъ своихъ завоеваній. Они принялись за изученіе наукъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Они получили свѣдѣнія въ земляхъ Имперіи Византійской, ими покоренныхъ, особенно отъ Несторіанъ и другихъ еретиковъ, коихъ Визан-

тійцы принудили оставить отечество. Арабы съ успѣхомъ занимались Химіею, находившеюся тогда еще въ колыбели; имъ народы обязаны искусствомъ дистиллированія и многими дѣйствіями металлургіи. Они усовершенствовали Ботанику и обогатили Медицину великимъ числомъ пріобрѣтеній, совершенно новыхъ.

Въ Зоологіи и Анатоміи они не сдѣлали никакихъ успѣховъ; ихъ религія рѣшительно воспрещала заниматься сими науками.

IX, X и XI Столѣтія были золотымъ временемъ для Арабскихъ училищъ въ Испаніи. Іудеи, нѣкоторые даже Христіане, стекались туда изъ всѣхъ странъ Европы, чтобы учиться Медицинѣ. Но въ концѣ XII вѣка Государство Калифовъ было раздроблено, ослаблено во всѣхъ частяхъ и занятіе науками въ ономъ прекратилось.

Великая епоха возрожденія наукъ въ Европѣ ознаменована была извѣстнымъ числомъ открытій, чрезвычайно содѣйствовавшихъ успѣхамъ ума человѣческаго. Приспособленіе компаса къ мореплаванію

дало средства Португальцамъ сдѣлать открытія на востокѣ; изобрѣтеніе гравированія и книгопечатанія довершили остальное; наконецъ употребленіе бѣлаго стекла при устроеніи оптическихъ инструментовъ, употребленіе сего же вещества для шкаповъ, гдѣ сохраняются предметы Естественной Исторіи, употребленіе спирта для сбереженія сихъ самыхъ предметовъ равномѣрно способствовали успѣхамъ, кои были не возможны для древнихъ.

Предметомъ первыхъ трудовъ для ученыхъ XV вѣка были ученыя изысканія. Занялись перепискою и объясненіемъ древнихъ писателей. Въ послѣдствіи умы, счастливо вдохновенные, съ комментаріями своими соединили нѣкоторыя новыя наблюденія. Исторія сихъ-то успѣховъ, какъ слѣдствій счастливаго направленія, была предметомъ второй части Курса г-на Кювье. Сія часть очень недавно явилась, а потому не почитаемъ себя въ обязанности отважиться на разборъ оной. „Намѣреніе мое“ говоритъ подъ конецъ знаменитый Профессоръ „при сочиненіи столь краткой Исторіи наукъ, не могло состо-

ять въ томъ, чтобы дать удовлетворительное свѣдѣніе о предметахъ, ее наполняющихъ. Мнѣ не возможно углубляться во всѣ подробности, кои были бы необходимы, если бъ я слѣдовалъ подобному плану; нѣтъ, я желалъ только дать замѣтить основную истину, обнимающую всю науку во всѣ епохи. Исторія наукъ на самомъ дѣлѣ показываетъ намъ, что во всѣ времена системы и наблюденія умозрительныя, самыя смѣлыя и умнѣйшія оставались безполезными для науки; между тѣмъ какъ открытіе чего нибудь новаго по сей части есть приобрѣтеніе прочное, приобрѣтеніе, дающее виновнику своему почетное мѣсто между благодѣтелями человѣчества. Арістотель, Ѳеофрастъ и ихъ послѣдователи одни оставили намъ творенія, кои послѣ XX столѣтій входятъ еще во всѣ наши познанія, между тѣмъ какъ вихри Декарта уже совершенно позабыты.“

Съ Франц. В. Праховъ.

О Римской Исторіи Нибура (*).

(*Отдѣленіе первое.*)

Эта *Римская Исторія* есть книга противъ Римской Исторіи. Мы не будемъ порицать въ семъ важномъ и ученомъ сочиненіи непреоборимой склонности, какою безпрестанно увлекается сочинитель, желанія — недовѣрять древнимъ преданіямъ народнымъ, разсказаннымъ піитически Титомъ-Ливіемъ. Для науки нѣтъ ничего приличнѣе, какъ скептицизмъ — не поверхностный и легкомысленный, но — основанный на сравненіи текстовъ, на критикѣ свидѣтельствъ. Изслѣдывайте, сомнѣвайтесь, изъясняйте сами, если имѣете довольно мужества; ибо нѣтъ необходимой надобности вѣрить всему даже въ Исторіи Ромула.

Однакожъ, отъ чего нѣкоторые благонамѣренные судьи были слишкомъ строги къ сей книгѣ? Это не потому, что Авторъ нападаетъ на ихъ школьныя предубѣжденія:

(*) Histoire romaine de B. G. Niébuhr, traduite de l'allemand par M. de Golbéry; première livraison; 2 vol, in 8.

Крітика не столько къ онымъ привязаны, чтобы ставить ихъ выше вѣроятности, а тѣмъ паче выше истины. Можно бы подумать, что они не любятъ рѣзкаго и повелительнаго тона Сочинителя въ его догадкахъ, его догматизма въ сомнѣніи, тона превосходства, принятаго имъ въ отношеній къ симъ бѣднымъ древнимъ, которые всему его же научили. Но нѣтъ: какъ не извинить ученому писателю етой смѣлости во мнѣніи, етой самонадѣянности, етой увѣренности въ достиженіи истины — побужденій, кои однѣ могли воодушевлять и подкрѣплять его въ продолженіе тяжкаго труда двадцатилѣтняго? Что жъ не нравится Крітикамъ? Ето, скажемъ прямо, услужливые восторги нѣкоторыхъ почитателей, не имѣющихъ ничего подобнаго представить въ свое извиненіе.

Не лишняя ли однако же будетъ и снисходительность съ нашей стороны, если предоставимъ г-ну Нибуру честь перваго открытія, что всѣ чудеса о Ромулѣ и Нумѣ суть единственно басни; что щиты не падали съ неба; что кремень Тарквинія могъ и не поддаться бритвѣ Авгура; что боги едва ли низходили съ неба при озерѣ

Регилльскомъ сражаться между смертными. Намъ было бы не менѣе пріятно, если бы воздали должную справедливость и другимъ, давно осмѣлившимся сомнѣваться въ безчисленныхъ басняхъ, которыя въ героическій вѣкъ всѣхъ народовъ смѣшиваются съ нѣкоторыми истинными происшествіями; если бы отдали справедливость Мезерею за то, что онъ не представилъ Франка, сына Гекторова, основателемъ Франціи, и доброму Паскье за то, что онъ ни какъ не хотѣлъ вѣрить, безъ нѣкотораго ограниченія, ни Сткляницѣ съ муромъ, ни Орифламѣ, хотя историческое сомнѣніе въ тѣ времена было не въ безопасности. Онъ говоритъ: „Прилично всякому благонамѣренному гражданину допускать подобныя происшествія ради величія Государства." Такъ разсуждали въ Римѣ во время Цезаря и даже прежде его.

Народы отмѣнно любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествіями, божественными посредничествами или даже и одними лишь темными воспоминаніями о доблести и славѣ, которыя какъ бы возвеличиваютъ судьбу отечества; но рано

или поздно настанетъ минута, въ которую безжалостная крітика, углубляясь въ прошедшее, не устрашится ужѐ таинственнаго мрака. Эта роковая минута для Рима настала задолго до того времени, когда Берлинскій Ученый предпринялъ исторгнуть ту смоковницу, подъ которою волчица питала Ромула съ Ремомъ, и ниспровергнуть олтарь Аія Локуція.

Правда, сіи древнія повѣствованія были вообще уважаемы, по крайней мѣрѣ во время Республики, потому что онѣ составляли часть вѣроисповѣданія; но онѣ тогда же утратили нѣсколько своей достовѣрности, какъ скоро начали приводить въ порядокъ хаосъ первоначальныхъ преданій. Сей духъ кріпики начался на зарѣ временъ прямо историческихъ. Кому одолженъ г-нъ Нибуръ — не мыслію, которая могла ему придти о нашихъ новыхъ лѣтописяхъ, но — главнымъ доказательствомъ сихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ онъ нашелъ зародышъ Римской Исторіи? Старшему Катону, одному изъ древнѣйшихъ Латинскихъ творцевъ лѣтописей въ прозѣ, который, въ своихъ Origines, упоминаетъ о пѣсняхъ, ко-

ими Римляне, за столомъ, при звукахъ флейты, славили чудеса своихъ мужей великихъ. Изъ сихъ собранныхъ пѣсень, по мнѣнію Нибура, составилась народная Епопея, которую первые Лѣтописцы Римскіе превратили въ Исторію, какъ Діктvсъ Критскій и Даресъ Фрvгійскій переложили въ прозу Пѳемы Гомера. Сохранялось также множество рѣчей надгробныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя могли быть въ стихахъ, и люди просвѣщенные очень знали, что въ сихъ панегирикахъ, для большаго прославленія потомковъ, приписывались предкамъ ложныя родословныя, ложныя консульства, ложные тріумфы. Безъ сомнѣнія, не скупились тамъ и на чудесное; ибо фамиліи не менѣе къ нему жадны, какъ и народы, и Юліи были сынами Венеры, точно какъ Римляне сынами Марса.

Мы полагаемъ, что не было нужды въ древнихъ текстахъ для составленія сvстемы по сей идеѣ о поэтическихъ преданіяхъ, именно потому что она естественно представляется всѣмъ тѣмъ, которые изслѣдываютъ происхожденіе народовъ. Индія не имѣетъ никакой Исторіи кромѣ Поемъ. Іудеи сохранили для себя древній бытъ въ

своихъ пѣсняхъ. Грецiя поставляетъ Гомера главою своихъ Историковъ. Германцы, во время Тацита, воспѣвали еще Арминiя; позже, епопея Niebelungen увѣковѣчила Ерманарихa и Зигфрида. Барды Гальскiе довольно извѣстны. Карлъ Великiй собралъ нацiональныя пѣсни Франковъ — единственныя лѣтописи своего народа. Такiя же пѣсни Сѣвера предавались потомству въ поэзiи Скальдовъ. Въ Испанiи и Шотландiи существуетъ то же обыкновенiе. Будутъ ли Римляне одни изключены изъ сего общаго закона, по коему вездѣ Исторiя въ пѣсняхъ родилась прежде Исторiи письменной, народныя сказанiя предшествовали истиннымъ повѣствованiямъ, а чудеса — истиннымъ происшествiямъ? Сильное возраженiе В. Шлегеля, что Римляне, народъ важный, занимавшiйся законами и завоеванiями, ни когда не предавался поэтическимъ восторгамъ Востока или даже Сѣвера — сiе возраженiе, которое трудно, казалось бы, примѣнить къ древнимъ обитателямъ страны, какова Италiя, само собою разрушается предъ свидѣтельствомъ Катона.

Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ узнать: до какой степени сіи преданія, какія бы ни были онѣ, поетическія или сумволическія, овладѣли Исторіею? имѣли ли первые Римскіе историки сами довольно разборчивости, чтобы разпознавать ихъ, судить объ нихъ, какъ должно?

Катонъ Цензоръ ни мало не запутался въ семъ смѣшеніи истинъ съ баснями: у него были предъ глазами лѣтописи многихъ сосѣдственныхъ городовъ, Пренеста, Кумъ; были Книги Етрусскія, и онъ могъ сравнивать. Одинъ изъ его современниковъ, Семпроній Азелліонъ, о которомъ, по нашему мнѣнію, стоитъ упомянуть, не выражался какъ лѣтописецъ легковѣрный, или рабъ предразсудковъ. „Вотъ" говоритъ онъ въ отрывкѣ, сохраненномъ у Авла Геллія, „вотъ различіе между лѣтописцемъ и Историкомъ: одинъ ведетъ простой журналъ происшествіямъ; другой изыскиваетъ въ нихъ дѣйствія и причины. Сказать, что въ такое-то Консульство началась такая-то война, упомянуть объ успѣхѣ сраженій, объ имени побѣдителя, а пренебречь опредѣленія Сената, законы предложенные народу, побудительныя причины всѣхъ

оныхъ дѣйствій, — это значитъ сочинять сказки для дѣтей; это не значитъ писать Исторію." Такой человѣкъ вѣрилъ, не болѣе Нибура, чудеснымъ приключеніямъ жрицы Сильвіи или бесѣдамъ нимфы Егеріи.

Спрашиваемъ ученаго Профессора: которому вѣку приписываетъ онъ сіи пѣсни, изъ коихъ составилъ три или четыре большія поемы до сраженія при озерѣ Регилльскомъ? Не понимаемъ, какъ и почему онъ относитъ ихъ только лишь къ половинѣ пятаго столѣтія послѣ построенія Рима. Какъ! ко времени, столь близкому отъ Фабія Пиктора и Цинція, Семпронія и Катона! Какъ! сіи пѣсни, исполненныя чудесъ, почти современны прозѣ, прозѣ философской и суровой! Ѳукидидъ, даже Геродотъ, писали не въ то время, когда пѣлъ Гомеръ. Намъ кажется, не худо бы вспомнить, что вскорѣ потомъ родился Енній — Енній, правда называвшій себя Гомеромъ Римскимъ, но который своимъ переводомъ безбожнаго Евгемера, ненавидимаго даже въ самой Греціи за его святотатство, ознакомилъ народъ съ невѣріемъ. Не доказывается ли уже и

симъ однимъ давнишнее существованіе литтературы? Вольнодумцы почти ни когда не появляются въ младенческомъ возрастѣ народа.

Послѣ войнъ Пуническихъ, послѣ умерщвленія Гракховъ, когда аристократія, почти духовная, обладала верховною властію, древнія политическія и религіозныя вѣрованія, подъ покровительствомъ патріотизма или егоизма фамилій патриціевъ, владычествовали безъ раздѣла. Пизонъ, Гемина, Валерій, Мацеръ, Туберонъ распространили оныя; Варронъ сообразовался съ ними въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ о Римскихъ древностяхъ; Цицеронъ не уклонялся отъ нихъ въ своей Республикѣ, и даже когда непріязненная партія Сената, партія Цезаря, восторжествовала, Титъ Ливій, привлеченный, можетъ быть, семейственными выгодами и привычками дѣтства къ патриціямъ Помпеевой стороны, еще украсилъ яснымъ повѣствованіемъ и обильнымъ краснорѣчіемъ всѣ древнія басни, освященныя Понтифексами.

Послѣ сего произошла мало по малу въ историческихъ мнѣніяхъ перемѣна, ко-

торую г-нъ Нибуръ, кажется намъ, не довольно замѣтилъ: многіе свѣдущіе писатели, коимъ было позволено справляться съ народными приговорами, союзными трактатами и другими подлинными документами древняго правленія, собранными Веспасіаномъ въ Капитоліи, имѣли болѣе возможности знать истину; менѣе затрудняемые уваженіемъ къ упавшему патриціату, они не столько боялись говорить объ оной. Съ того времени рѣже упоминаютъ объ устарѣлыхъ чудесахъ первыхъ временъ, о небесныхъ явленіяхъ, о сношеніяхъ благородныхъ фамилій съ богами; дерзнули сомнѣваться, болѣе нежели прежде, о героизмѣ и страданіяхъ Регула; начали думать, какъ и Светоній, вслѣдъ за Полувіемъ, что Галлы дѣйствительно получили выкупъ отъ побѣжденныхъ; Тацитъ и Плиній признаются, что Римъ сдался Порсенѣ, deditâ urbe, и что въ мирномъ договорѣ было постановлено — Римлянамъ впредь употреблять желѣзо единственно для земледѣлія. Вотъ какъ мы удалились отъ Тита Ливія!

Безъ сомнѣнія, древнія лѣтописи, ближе изслѣдываемыя, избавили бы другихъ

отъ заблужденій, которыми хитрая політика умѣла украшать оныя; но должно признаться, что на сей трудъ было по крайней мѣрѣ тогда указано, хотя онъ и не былъ совершенно исполненъ. Г. Нибуръ не могъ вводить новаго съ тою же увѣренностію; ибо для сего имѣлъ онъ однѣ лишь свои догадки; долженъ былъ видѣть, что лучшіе писатели сего времени не допускаютъ всѣхъ блистательныхъ вымысловъ другаго вѣка, и что, если онъ довелъ до конца, и можетъ быть за предѣлы вѣроятности, критическое изслѣдованіе народныхъ преданій Рима, то Римляне сами начали оное.

По возрожденіи наукъ, труды ученыхъ, которые спѣшили собрать остатки Латинскихъ древностей, не были чужды критическаго изслѣдованія. Положимъ, сначала и приняли все съ полною увѣренностію ентузіазма; пускай великолѣпныя повѣствованія Тита Ливія были предметомъ безусловнаго удивленія и даже непоколебимой вѣры, которую славный Ролленъ еще сохранялъ въ душѣ своей: за то уже вскорѣ, не менѣе уважая писателя, начали судить историка. Сигоніо, желая согласить противо-

рѣчащія свидѣтельства, догадался, что позволено и сомнѣваться; Глареанъ, другъ Еразма, былъ смѣлъ и разсудителенъ въ своихъ предположеніяхъ; другіе напримѣръ ученые, коихъ археологическими сочиненіями пользовался Гревій, объясняя подробности, бросаютъ новый свѣтъ на цѣлое.

Въ 1685 году Перизоній, въ своихъ Animadversiones historicae, написалъ почти вотъ что: „Пѣсни, о коихъ говорилъ Катонъ Старшій, сіи пѣсни первыхъ вѣковъ, когда еще не было другихъ памятниковъ литтературы — или хотя и были, но недостаточные каковы Лѣтописи первосвященниковъ — сохраняли память о происшествіяхъ; но они должны были, равно какъ и надгробныя рѣчи, измѣнять исторію. Дѣло людей мудрыхъ, постигающихъ духъ человѣческій — вооружаться противъ повѣствованій, изобрѣтенныхъ любовію къ чудесному или тщеславіемъ.“ Бель, двѣнадцать лѣтъ спустя, говоритъ то же: „Почему знаютъ, что большая часть сихъ старинныхъ басней не обязана началомъ своимъ какому нибудь обычаю хвалить древнихъ Героевъ въ день ихъ рожденія, и сохранять от-

рывки, которые казались лучшими?« И ссылается на то, что онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ о легендахъ.

Пуильи, въ 1722 году, читалъ въ Академіи Изящныхъ наукъ свое разсужденіе (противъ котораго тогда горячо вооружались) объ исторической неизвѣстности первыхъ четырехъ вѣковъ отъ основанія Рима: онъ думаетъ, подобно г-ну Нибуру, что дѣянія, сохраняемыя только въ памяти людей, легко измѣняются аллегоріями и вымыслами. Около того же времени появились замысловатыя бредни, часто справедливыя и основательныя, Неаполитанца Вико; но онѣ во Франціи неизвѣстны.

Величайшимъ и наиболѣе скептическимъ трудомъ Французовъ по сему предмету была книга Бофора, изданная въ свѣтъ 1738 года; а самымъ забавнымъ сочиненьицемъ есть замысловатая шутка, изобрѣтенная Аббатомъ Бартелеми, быть можетъ для увеселенія сообщества г-на Шуазеля; титулъ ея: *Опытъ Новой Римской Исторіи.* Авторъ описалъ здѣсь только преплытіе Троянцевъ въ Италію и царствованіе Ромула: »Въ сіе

время жилъ человѣкъ, по имени Еней; онъ былъ незаконнорожденный, пустосвятъ и трусъ. Сіи качества возбудили къ нему почтеніе Царя Пріама, который, не зная что подарить ему, выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. .„ О похищеніи Сабинокъ повѣствуется такимъ образомъ; „Ромулъ повелѣлъ своимъ воинамъ похитить дочерей сихъ чужестранцевъ, но не прикасаться къ ихъ женамъ." Прекрасной былъ бы предметъ для задачи: какимъ образомъ, въ столь ужасномъ смятеніи, похитители могли исполнить приказъ своего начальника! Однако они были столь осмотрительны въ выборѣ, что изъ 30 или 683 плѣнницъ (ибо древніе нѣсколько разнорѣчатъ въ числѣ) находилась одна только замужняя; ее захватили по ошибкѣ, и Ромулъ, по странности происшествія, женился на ней." Вотъ происхожденіе кліентства: „Ромулъ не переставалъ заниматься правленіемъ и законами. Однажды, собравъ всѣхъ жителей Рима, однимъ сказалъ: будьте патриціями и покровителями; а другимъ: будьте плебейцами и покровительствуемыми. Такъ и сдѣлалось."

Болѣе важности имѣетъ *Римская Исторія* Левека, который, въ 1807 г.,

рѣшась на удачу подвергнуть сильнымъ нападеніямъ нѣсколько слабую свою ученость, поступилъ очень строго съ Римлянами, съ ихъ правленіемъ и съ ихъ Историками.

Изъ сихъ ученыхъ, которые всѣ, болѣе или менѣе, отказывали въ уваженіи своемъ Титу Ливію, г. Нибуръ ссылается только на Глареана, Беля, Бофора и Перизонія — послѣдняго онъ провозглашаетъ человѣкомъ съ геніемъ, и видно почему; на другихъ же, въ особенности на Французовъ и нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ критиковъ, Мейерота, Рамбаха, Крузе, Лахмана и пр. даже и не указано.

Вздумавъ передѣлать вновь, что̀ прежде столь часто ужѐ было обработываемо, имѣлъ ли сочинитель новыя Записки? Ужь не при помощи ли текстовъ, какъ можно видѣть изъ его предисловія, вновь открытыхъ въ Италіи, онъ основалъ и поддерживалъ систему, или лучше различныя системы, составляемыя и передѣлываемыя имъ въ продолженіи двадцати лѣтъ? Напротивъ, онъ нашелъ тамъ единственно возраженія. Важнѣйшими изъ сихъ текстовъ для древней Римской Исторіи, суть отрывки изъ Цицеронова творенія *о рес-*

публикѣ, столь мало согласные съ поэтическими изобрѣтеніями ученаго Нѣмца, что, по его мнѣнію, Римскій Консулъ »не иначе взиралъ на святилище древняго Рима, какъ сквозь завѣсу предубѣжденій.«

Дѣйствительно, какую извлечь можно пользу отъ писателя, который — вмѣсто того, чтобы находить епическую поэму въ преданіяхъ своей отчизны о Царѣ Сервіи — взялся разсказывать со множествомъ подробностей, намъ дотолѣ вовсе неизвѣстныхъ, о раздѣленіи народа по центуріямъ, какъ будто бы онъ говорилъ о событіи во время своего консульства! Особенно есть многія мѣста, на которыя г. Нибуръ не смѣетъ и сослаться (ибо не говоритъ о нихъ), на примѣръ, фразы, какія употребилъ ученый Консулъ, упоминая о законодателѣ Нумѣ; онъ говоритъ, что законы сего Царя *еще существуютъ*, quas scitis exstare, quas in monumentis habemus. Вотъ подлинно человѣкъ, который ни когда не думалъ о Римской Іліадѣ! Правъ ли онъ или виноватъ? Надобно будетъ обратиться къ сему систематическому новосоставленію Исторіи многихъ вѣковъ, защищаемому необычайнымъ усиліемъ ума, и даже

время отъ времени богатствомъ воображенія — такимъ богатствомъ, какое не всегда встрѣчаемъ въ подобныхъ занятіяхъ.

Во всякомъ случаѣ сказать можемъ, что сіи предположительныя идеи о неизвѣстныхъ поетахъ, историкахъ первыхъ пяти вѣковъ отъ основанія Рима — идеи, кои ничуть не новы и не всегда непоколебимы противу возраженій — въ нашихъ глазахъ не составляютъ главнаго достоинства въ сочиненіи Нибура, хотя симъ-то преимущественно оно и знаменито. Авторъ не для того трудился, чтобы только разрушать; нѣтъ, онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ смѣлостію возсозданія храма Исторіи, стараніемъ замѣнить поетическія или аллегорическія лжи истинными (по своему разумѣнію) событіями, извлекая изъ басенъ нѣкоторую существенность. Вотъ чего надобно искать въ его книгѣ: если ему не всегда съ успѣхомъ удавалось вводить новое; по крайней мѣрѣ, въ сей первой части будутъ удивляться его глубокимъ изслѣдованіямъ о древнихъ племенахъ Италіи, и — когда онъ доходитъ до основанія Рима — множеству

истинъ въ подробностяхъ, кои онъ открываетъ мимоходомъ. . .

(Изъ Journ. d. Dèb. B. P.)

Нѣчто о фигурахъ.

Послѣдняго вѣка писатель, Мармонтель, желая доказать, что фигурный слогъ свойственъ людямъ самаго низкаго состоянія, вздумалъ собрать почти всѣ риторическія фигуры въ простой рѣчи мужа, сердитаго на жену свою:

„Когда я говорю да, она говоритъ нѣтъ; вечеромъ и поутру, днемъ и ночью ворчитъ (antitése, *противоположеніе*). Никогда, никогда нѣтъ съ нею покоя (repetition, *повтореніе*). Это настоящая фурія, сущій дьяволъ (hyperbole, *увеличеніе*). Но скажи негодная, что̀ я тебѣ сдѣлалъ. (interrogation, *вопрошеніе*)? Ахъ, какую сдѣлалъ я глупость, что женился на тебѣ (exclamation, *восклицаніе*)! Для чего лучше не бросился я съ камнемъ въ воду (optation, *желаніе*)! Не стану упрекать тебя ни въ томъ, чего ты мнѣ сто̀ишь, ни въ досадахъ, какія долженъ отъ тебя сносить (prétérition,

прохожденіе) ; но прошу, умоляю тебя, оставь меня въ покоѣ (obsecration, *моленіе*) ; лучше умереть, нежели . . . бойся довести меня до отчаянія (réticence et imprecation, *умолчаніе и заклинаніе*)! Плачетъ! ахъ, моя радость! стало быть, я виноватъ (ironie, *насмѣшка*)! Пусть такъ, положимъ, я слишкомъ горячь, слишкомъ чувствителенъ (concession, *уступленіе*). Стократъ желалъ я, чтобы ты была гадка; ругалъ, клялъ твои лукавые глаза что свели меня по тебѣ съ ума (astéisme) (*). Но скажи, не гораздо ли бы лучше расположить меня къ себѣ ласкою (communication, *сообщеніе*)? Дѣти, друзья, сосѣди, всѣ видятъ наше разстройство, слышатъ крикъ твой, жалобы, ругательства, которыми осыпаешь меня; со сверкающими глазами, огненнымъ лицомъ, съ растрепанными волосами бѣгаешь за мною, грозишь; съ отвращеніемъ говорятъ о тебѣ; приходитъ сосѣдка, все ей пересказываютъ; прохожій вслушивается, и распускаетъ вѣсти (hypotypose, *предположеніе*): подумаютъ, что я золъ, что я жестокъ,

---

(*) Родъ ироніи или насмѣшки, подъ видомъ похвалы скрывающей хулу, и наоборотъ.

что я оставляю тебя ни при чемъ, бью, тираню (gradation, *постепенность*.) Но нѣтъ знаютъ, что я тебя люблю, имѣю доброе сердце, желаю тебя видѣть спокойною и довольною (correction, *поправленіе*). Нѣтъ, люди не несправедливы: виноватъ тотъ, кто виноватъ (sentence, *изреченіе*). Ахъ, бѣдная мать твоя такъ увѣряла меня, что ты будешь на нее похожа! Теперь что̀ скажетъ? Что̀ говоритъ? Она все видитъ; да, я думаю, она слышитъ, бранитъ тебя, что дѣлаешь меня несчастнымъ. Ахъ, бѣдный зять! говоритъ она, ты лучшей судьбы сто́илъ (prosopopée, *заимословіе*)."

Я.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письма.

I.

Анна Болейнъ Генриху VIII, своему супругу.

Гнѣвъ Вашего Величества и заключеніе мое въ темницѣ кажутся мнѣ такъ странными, что я не знаю, что̀ писать должна, или въ чемъ должна извиняться. Вы прислали мнѣ сказать съ человѣкомъ, котораго знаете издавна злобнымъ мнѣ врагомъ, что для полученія милости должна я сознаться въ нѣкоторой истинѣ. Не успѣлъ онъ исправить своего посольства, какъ я намѣреніе ваше усмотрѣла. Но если, какъ говорите вы, сознаніе въ истинѣ можетъ мнѣ доставить свободу: послушна повелѣніямъ вашимъ отъ всего моего сердца и съ полною покорностію. Не думайте, Ваше Величество, чтобы бѣдная жена ваша могла когда нибудь доведена быть до сознанія въ такомъ проступкѣ,

о которомъ и одна мысль во умъ ей не входила. Никогда не имѣлъ Государь жены, всему долгу своему болѣе вѣрной, болѣе полной искренней любви, какъ та, которую нашли вы въ лицѣ Анны Болейнъ, которая могла бы удовольствоваться и симъ именемъ и состояніемъ своимъ, если бы угодно было Вашему Величеству оставить её при оныхъ. Но среди моего возвышенія и царственнаго сана, къ которому вы меня допустили, никогда я не забылась до того, чтобы не страшиться пробужденія — подобнаго тому, какое воспослѣдовало со мною нынѣ. Возвышеніе мое какъ не имѣло другаго, болѣе прочнаго основанія, кромѣ непостоянной вашей ко мнѣ склонности; то и несомнѣвалась я, чтобы и самое малое измѣненіе въ чертахъ моихъ не могло обратить васъ къ другому предмету.

Изъ низшаго состоянія извлекли вы меня, возвысили до Царскаго величества и высокаго званія подруги своей. Величіе сіе было выше моего достоинства и правъ моихъ. По сему, когда вы почли меня достойною сей чести, не допустите, Государь, чтобы несправедливое непосто-

янство, или злые совѣты враговъ моихъ лишили меня царской вашей милости; не допустите, чтобы толь недостойное и гнусное пятно — нарушеніе вѣрности — помрачило честь вашей жены и честь юной Принцессы, дочери вашей.

Прикажите же, Государь, разсмотрѣть мое дѣло, но такъ, чтобы законы справедливости наблюдаемы были, и враги мои непримиримые не были бы моими доносчиками и судіями. Прикажите разсмотрѣть дѣло мое открытымъ образомъ; вѣрность моя не страшится быть постыженною. Вы увидите невинность мою оправданною, подозрѣнія ваши уничтоженными, духъ вашъ успокоеннымъ, клевету умолкнувшею, или преступленіе мое откроется предъ лицемъ всего свѣта. Посему что̀ бы ни было угодно вамъ повелѣть обо мнѣ, Ваше Величество можете себя предохранить отъ народнаго сужденія; и какъ преступленіе мое доказано будетъ по справедливости, вы будете вольны предъ Богомъ и людьми, не только наказать меня, какъ невѣрную супругу, но еще и слѣдовать склонности своей къ той, которая причиною несчаст-

наго моего состоянія настоящаго, и которую давно бы уже могла я вамъ наименовать, потому что Вашему Величеству не безъизвѣстно, до чего подозрѣнія мои простирались.

Впрочемъ, если вы рѣшились погубить меня, и если смерть моя, основанная на безчестной клеветѣ, должна вамъ доставить желаемое счастіе; молю Бога, чтобы простилъ вамъ сіе великое злодѣяніе, равно какъ и врагамъ моимъ, орудіямъ онаго, и чтобы по восшествіи въ послѣдній день на престолъ Свой, предъ которымъ должны вы я и предстать, когда невинность моя, чтò бы о томъ ни говорили, откроется явно; — молю, говорю я, чтобы тогда не потребовалъ строгаго отъ васъ отчета въ жестокомъ и недостойномъ вашемъ со мною поступкѣ.

Послѣдняя и единая милость, о которой прошу, та, чтобы только я одна понесла всю тяжесть вашего гнѣва, и чтобы бѣдные невинные дворяне, содержимые изъ-за меня въ тѣсной темницѣ, не претерпѣли никакого бѣдствія. Если когда находила я у васъ милость, ес-

ли когда приятно было слуху вашему имя Анны Болейнъ; не откажите мнѣ въ сей прозьбѣ, и я не буду уже васъ безпокоить, о чемъ бы то ни было; напротивъ всегда буду возсылать къ Богу теплыя молитвы о сохраненіи вашемъ и управленіи путей вашихъ.

II.

Марія Стуартъ, Шотландская Королева, Елисаветѣ, Англійской Королевѣ.

Хотя должна я умереть по опредѣленію, подписанному вашею рукою, не думайте, чтобы я умерла врагомъ вашимъ. Я исповѣдую такую вѣру, которая поучаетъ сносить всѣ въ свѣтѣ напасти, какъ ваша вѣра позволяетъ вамъ дѣлать зло ненаказанно. Хотя и осуждена я, какъ преступница; тѣмъ не менѣе я невинна. Не за то буду я обезглавлена, будто бы хотѣла лишить васъ жизни; но за то, что носила корону, которой вы желали. Вѣра, повелѣвавшая Святому Павлу молиться о Неронѣ, повелѣваетъ и мнѣ молиться о васъ. Притомъ незаконная Королева недостойна гнѣва Коро-

левы, получившей скипетръ отъ справедливости и своей породы.

Такія слова безъ сомнѣнія для васъ оскорбительны; но осужденной на смерть, чего мнѣ бояться о жизни? Казнь моя, которую почитаете вы позорною, составитъ верхъ моей славы. Не думайте, чтобы вы ненаказанно меня умертвили; вспомните, что нѣкогда будете вы судимы, какъ и я. Но я не только не желаю быть отмщенною, хотя бы мщеніе и было справедливо; напротивъ почла бы себя весьма счастливою, когда бы временная смерть, которую имѣю претерпѣть, могла васъ наставить на путь той жизни, которая будетъ продолжаться столько же, какъ и вѣчность.

Прощаюсь, съ вами Государыня; помыслите, что Корона весьма опасное благо, когда лишаетъ жизни сестру.

III.

Марія Антуанета, Французская Королева, Елисаветѣ, сестрѣ Лудовика XVI.

Отъ 16го Октября; въ четыре часа съ половиною по утру.

Къ вамъ, любезная сестра, пишу я въ послѣдній разъ; я приговорена — не къ постыдной смерти; постыдна она для однихъ злодѣевъ, но — къ возсоединенію съ вашимъ братомъ. Подобно ему будучи невинна, надѣюсь оказать ту же твердость, какъ и онъ, въ сіи послѣднія минуты. Я спокойна, какъ спокоенъ тотъ, кого ни въ чемъ не укоряетъ совѣсть. Крайне только горестно оставить бѣдныхъ дѣтей. Вы знаете, что я и жила для нихъ; и вы, добрая и милая сестра, изъ дружбы пожертвовавшая всѣмъ, чтобъ быть съ нами, въ какомъ положеніи я васъ оставляю! Отъ самаго адвоката по дѣлу моему узнала я, что дочь моя разлучена съ вами; ахъ, бѣдное дитя! Не могу къ ней писать; она не получитъ моего письма; не знаю даже, дойдетъ ли къ вамъ и сіе. Примите для нихъ обѣихъ благословеніе мое. Надѣюсь, что современемъ, какъ возрастутъ, могутъ съ вами соединиться, и вполнѣ пользоваться нѣжными вашими попеченіями. Пусть помнятъ то, что непрестанно я имъ внушала: что правила и точное исполненіе обязанностей — главное основаніе жизни; что дружба и взаимное къ себѣ довѣріе составятъ благо-

получіе ихъ; пусть помнитъ дочь, что въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ находится, должна помогать брату совѣтами, которые опытность, какую предъ нимъ будетъ имѣть, и дружба могутъ ей внушить; сынъ съ своей стороны долженъ оказывать сестрѣ всѣ возможныя попеченія, услуги, какія можетъ вдохнуть дружба; словомъ, оба должны знать, что въ какомъ бы положеніи ни находились, не инако будутъ прямо благополучны, какъ согласіемъ; пусть возьмутъ примѣръ съ насъ. Сколько утѣшеній давала намъ дружба наша въ напастяхъ! И въ благополучіи сугубо наслаждаешься, когда можно дѣлить оное съ другомъ; а гдѣ найти его нѣжнѣе, милѣе, какъ не въ собственномъ семействѣ! Сынъ никогда не долженъ забыть послѣднихъ словъ отца, которыя имянно ему повторяю: чтобы не думалъ мстить за нашу смерть. Съ сердечнымъ прискорбіемъ хочу вамъ сказать: я знаю, сколько дитя сіе нанесетъ вамъ безпокойствъ; простите ему, любезная сестра; посудите о лѣтахъ его, и какъ легко заставить дитя говорить то, что хочешь, даже и того чего не понимаетъ. Придетъ время, надѣюсь я, онъ лучше будетъ понимать

цѣну вашего добродушія и любви къ обѣимъ. — Остается еще ввѣрить вамъ послѣднія мои мысли. Хотѣла бы я написать ихъ съ начала процесса; но кромѣ того, что не давали мнѣ писать, ходъ его такъ былъ быстръ, что я дѣйствительно не имѣла къ тому времени.

Я умираю въ Католическомъ, Апостольскомъ и Римскомъ законѣ, въ Законѣ предковъ, въ Законѣ, въ которомъ воспитана, и которой всегда исповѣдала. Не имѣя въ виду никакого духовнаго утѣшенія; не зная, есть ли еще здѣсь священники сего закона, и даже мѣсто, въ которомъ нахожусь, не опасно ли для нихъ, еслибъ вошли однажды, — искренно молю Бога о прощеніи всѣхъ прегрѣшеній моихъ, содѣланныхъ отъ начала жизни. Уповаю, что въ благости Своей благоволитъ принять послѣднія мои моленія, какъ и тѣ, которыя уже давно возсылаю, да пріиметъ душу мою въ милосердіи и благости. Прошу прощенія у моихъ знакомыхъ, а въ особенности у васъ, любезная сестра, въ огорченіяхъ, которыхъ противу воли моей могла бы я быть причиною. Прощаю врагамъ нанесенное мнѣ зло. Прощаюсь

здѣсь съ тетками, братьями и сестрами. Я имѣла друзей; мысль о разлукѣ съ ними навсегда и огорченія ихъ — одно изъ самыхъ чувствительныхъ прискорбій, которыя увлекаю съ собою, умирая; пусть хотя знаютъ, что до послѣдей минуты я думала о нихъ. Прощай, моя милая и добрая сестра! Дойдетъ ли къ вамъ сіе письмо! Думайте всегда обо мнѣ. Отъ всего сердца моего обнимаю васъ, какъ и милыхъ бѣдныхъ дѣтей. Боже мой, какъ горько оставить ихъ навсегда! Прости! прости! Теперь ни чѣмъ инымъ не могу заняться, кромѣ долга моего духовнаго. Какъ не вольна я въ своихъ поступкахъ, то можетъ быть приведутъ ко мнѣ инозаконнаго священника; но увѣряю, что не скажу ему ни слова, и приму его какъ вовсе ненужнаго человѣка.

IV.

Вольтеръ Графу Шувалову.

Я получилъ карты, которыя Ваше Сіятельство благоволили мнѣ прислать. Вы предупреждаете желанія мои, облегчая мнѣ способы написать исторію *Петра Великаго* и дать познаніе о Россійской Имперіи. Письмо, которымъ вы меня

почтили, усугубляетъ мое ревеніе. Слогъ, какимъ изъясняетесь вы на нашемъ языкѣ, заставляетъ меня думать, что я буду писать для своихъ соотечественниковъ, сочиняя для васъ и для вашего Двора. Не сомнѣваюсь, чтобы Ея Величество, Императрица, не соизволила одобрить намѣренія, къ славѣ Отца ея предприятаго вами.

Съ удовольствіемъ вижу я, милостивый государь, что вы судите, какъ и я: что недовольно описать дѣянія и предприятія, во всякомъ родѣ, *Петра Великаго*, которыя большею частію извѣстны. Просвѣщенный умъ, царствующій нынѣ въ главныхъ Европейскихъ государствахъ, требуетъ того, чтобы вникнуть въ подробности — о чемъ прежде историки едва слегка намѣкали.

Желательно знать, сколько государство возрасло; какое было его народонаселеніе до той епохи, о которой говорится; какое отъ сей епохи число регулярныхъ войскъ, которыя содержало, и которое содержитъ; какая была его торговля, и какъ она распространилась; какія науки родились въ государствѣ; какія науки призваны отъинуду и усовершен-

ствованы; какой примѣрно былъ государственный доходъ, и до чего простирается нынѣ; какое было начало и приращеніе флота; какая сразмѣрность числа дворянъ съ числомъ бѣлаго духовенства и монаховъ, и какое число сихъ въ отношеніи къ земледѣльцамъ, и пр.

О всѣхъ сихъ частяхъ, составляющихъ государство, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Испаніи есть свѣденіе довольно исправное; но такое изображеніе Россіи было бы еще любопытнѣе, потому что было бы оно новѣе; потому что дало бы познаніе о Монархіи, о которой другія государства не имѣютъ надлежащихъ понятій; потому что, наконецъ, подробности сіи могли бы служить къ приведенію *Петра Великаго*, Императрицы, дщери Его и правленія вашего, въ большее уваженіе. Слава всегда почиталась между настоящими государственными силами. Я не льщусь умножить сію славу; сдѣлаете сіе вы, милостивый государь, присылкою записокъ, полученія коихъ благоволите мнѣ отъ васъ надѣяться, а я только буду орудіемъ вашимъ къ славѣ Великаго мужа и великой Имперіи.

Признаюсь, милостивый государь, что медали излишни. Щедрость ваша устыжаетъ меня, и я не знаю, какъ изъявить вамъ свою благодарность. Всю цѣну вашего подарка я чувствую; но подарокъ не менѣе драгоцѣнный будетъ — доставленіе записокъ, необходимо нужныхъ для сочиненія Исторіи, которая будетъ сочиненіемъ вашимъ.

V.

Лудовикъ XV Императрицѣ Елисаветѣ.

(Сочинено Вольтеромъ.)

Великодушное намѣреніе Вашего Величества быть миротворицею воюющихъ Державъ достойно Великаго Вашего сердца, и чувствительно трогаетъ мое сердце. Новый для меня предметъ удивляться Вамъ; благодарностію Вамъ обязаны всѣ Государи, а я обязанъ Вашему Величеству тѣмъ болѣе, что сладостнѣйшія желанія моего сердца вижу согласными желаніямъ вашего.

Могу вамъ клятвою утвердить, Государыня, что никогда не принималъ я оружія иначе, какъ только съ тѣмъ, чтобы водворить миръ; и успѣхи укрѣпили меня

въ сей мысли, которую одна безуспѣшность не могла бы сдѣлать столь живою. Я такъ думаю.

Съ радостію вижу, что Государыня, которой наиболѣе обязанъ я почтеніемъ, хочетъ быть благодѣтельницею государствъ. Государи могутъ у себя искать только той славы, чтобы подданныхъ содѣлать благополучными; но вы составите благополучіе Царей и подданныхъ. Подданные ваши, Государыня, видя попеченіе ваше о благоденствіи другихъ, ощутятъ въ себѣ усугубленнымъ, если возможно, благоговѣніе къ своей Государынѣ, и царствованіе ваше еще благополучнѣе будетъ, когда радостные клики Европы умножатъ благословенія, возсылаемыя во владѣніяхъ вашихъ.

Не только, Государыня, съ живѣйшею признательностію приемлю сіе славное миротворство; но чѣмъ благоуспѣшнѣе для меня война, тѣмъ паче умоляю васъ употребить всѣ попеченія о прекращеніи оной. Но подданные мои, которыхъ люблю, и которые, надѣюсь, меня любятъ, Вамъ будутъ обязаны сохраненi-

емъ крови, которую всегда за меня пролить готовы.

Начните и совершите сіе великое дѣло; оно покроетъ васъ безсмертною славою. Не ограничтесь, Государыня, простыми предложеніями, благородною душею вашею вамъ внушаемыми; отвратите всѣ препятствія, и будьте увѣрены, что не найдете во мнѣ никакого.

Безъ сомнѣнія, всѣ Государи должны содѣйствовать сему благородному предприятію. Человѣколюбіе, бѣдствія толикихъ провинцій, уваженіе къ добродѣтелямъ вашимъ, заставятъ ихъ провозгласить Ваше Величество заступницею Европы; титло изящное, какое получить можетъ вѣнценосная глава, и одно, котораго къ славѣ вашей не доставало.

Но никто лучше меня не можетъ ощущать цѣну, какую Ваша Особа къ тому присовокупляетъ, и какое счастіе быть Вамъ обязану тѣмъ, чего всѣ Государи должны желать наиболѣе.

(Изъ Manuel Epistolaire.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Моръ или Черная смерть.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ:
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

Изъ Екклезіаста Карамзинъ.

Постой враждебный духъ, народовъ истребитель!
Останови свой мечь, невинныхъ душъ губитель!
Откуда ты, скажи, и кто тебя послалъ?
Кто въ здѣшнюю страну тебѣ путь указалъ?
За чѣмъ ты грозный мечь поднялъ на умерщвленье?
Гдѣ ходу твоему предѣлъ и совершенье?
И злобѣ мстительной гдѣ положенъ конецъ?
Отвѣтствуй, тартара губительный бѣглецъ!
Ирана житель ты, иль грознаго Кавказа?
Откуда истекла, скажи, твоя зараза?
Роскошна Индія, Бухарія, Китай,
Или тебя родилъ Медины знойный край?
Но ты молчишь, злодѣй! И взоръ твой разъяренный

Вращаяся змѣей, горитъ огнемъ геенны;
И жертвы вкругъ себя несчастныя слѣдитъ;
Селеньямъ, городамъ и царствамъ всѣмъ грозитъ.
Народовъ тысячи твой алчный зѣвъ глотаетъ;
Трепещетъ міръ, и стонъ вселенну потрясаетъ!
Ахъ! малоль жертвъ тебѣ отъ гибельныхъ страстей,
Отъ гнѣва, зависти и роскоши сластей,
Отъ безразсуднаго веселій пресыщенья,
Или безмѣрнаго душевныхъ силъ смущенья!
Отъ злости внутренней и пагубной вражды,
Отъ нужды, голода, презрѣнной нищеты!
О сколько жертвъ взяла война, сей бичь ужасный!
Колики тысячи пожралъ мятежъ безстрашный!
Коликихъ сокрушилъ убійственный Орканъ! —
Коликихъ поглотилъ бездонный Океанъ!
Коликихъ огненна стихія истребила,
И прахъ ихъ приняла безвременна могила!
О бѣдный человѣкъ! Вода, огонь и мечь
Стремятся дни твои здѣсь краткія пресѣчь!
И даже жизни сей невинны наслажденья
Не рѣдко для тебя готовятъ ядъ мученья!

Еще ли, о злодѣй, твой алчный зѣвъ не сытъ!
Чудовище! твой слѣдъ убійствами покрытъ.
Взгляни: тамъ сынъ отца ко гробу провожаетъ,
О дочери здѣсь мать несчастная рыдаетъ!
А тамъ единый сынъ, надежда позднихъ лѣтъ,
Сномъ смерти пораженъ, завялъ, какъ нѣжный цвѣтъ!

Здѣсь домъ сталъ пустъ, твоимъ дыханьемъ зараженный,
Лишь воплемъ жалобнымъ младенца оглашенный,
И дружбой, и родствомъ оставленъ и забытъ,
Какъ мрачный, хладный гробъ въ безмолвіи стоитъ!
Не слышно болѣ въ немъ вечернихъ ликованій,
Ни родственныхъ бесѣдъ, ни дружбы призываній,
Ни сладкострунныхъ лиръ не раздается звонъ,
Ни пѣсней радостныхъ не внемлетъ болѣ онъ!
И тамъ, гдѣ прежде пиръ веселій разливался,
Твой ядъ невидимо, какъ злобный духъ закрался,
И жертвы ждетъ своей, какъ мрачной ночи тать:
Еще младенца онъ надѣется пожрать!
Но ангелъ жизни щитъ къ младенцу приставляетъ
И пламеннымъ мечемъ злодѣя отражаетъ.
Чудовище свой ядъ губительный беретъ,
И далѣе стремитъ свой гибельный полетъ.

А тамъ надъ грудой тѣлъ, еще непогребенныхъ,
Изъ мертвенныхъ жилищъ баграми извлеченныхъ,
Льетъ слезы, горестью истерзанный старикъ,
Внимая жалобный несчастныхъ стонъ и крикъ!
Его оставили друзья, сыны и внуки:
Онъ пережилъ ихъ всѣхъ; однѣ сердечны муки
Остались для него, и въ сей ужасный часъ
Не слышенъ никому его плачевный гласъ!
Не встрѣтитъ онъ нигдѣ призывныхъ восклицаній
Подруги нѣжныя, дѣтей своихъ лобзаній!

И только блѣдная на облакахъ луна
Средь тихой полночи тоскуетъ съ нимъ одна!
Печальный міръ въ бѣдахъ ужасныхъ оставляя,
О погубленіи родной страны рыдая,
Онъ въ горестныхъ слезахъ гласитъ Творцу мольбы,
И проситъ милости разгнѣванной судьбы!
Но милость отъ земли навѣки удалилась,
И благость Божія для смертныхъ затворилась!
Чу! слышенъ врана крикъ на кровли вышинѣ,
Чу! вторитъ колоколъ въ безмолвной тишинѣ,
Служитель олтаря зоветъ во храмъ священный,
О мірѣ гибнущемъ приноситъ *Даръ нетлѣнный!*
Но къ утренней мольбѣ никто не поспѣшитъ,
Почившихъ вѣчнымъ сномъ никто не пробудитъ.
И пѣнію псалмовъ никто съ нимъ не внимаетъ,
И голосъ жалобный лишь своды оглашаетъ!
Повсюду мертвая простерлась тишина;
Въ глубокомъ снѣ лежитъ обширная страна;
Смерть острою косой живущихъ истребила;
Въ безмолвьи градъ стоитъ, какъ мрачная могила (*)!
Довольно! все тобой поверженно во прахъ,
Въ безлюдномъ мірѣ семъ исчезъ и самый страхъ;

(*) При Вел. Кн. Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ моръ въ Россіи проходилъ и возвращался нѣсколько разъ; въ Смоленскѣ онъ свирѣпствовалъ три раза; наконецъ 1387 г. осталось въ немъ 5 чел., которые, по словамъ Лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами. *Соч.*

Никто теперь твоей угрозы не трепещетъ:
Все мертво, лишь тебѣ адъ злобный рукоплещетъ!

Взгляни на мрачныя поля, луга, сады:
Не зрятся болѣ тамъ живыхъ существъ слѣды;
Не слышно среди рощъ пастушеской свирѣли,
Ни на поляхъ златыхъ оратая веселій.
И ниву, и свирѣль и благотворный плугъ
У селянина все похитилъ злой недугъ!
И онъ въ послѣдній разъ на ясный день взирая,
Прости, гласитъ, навѣкъ, о родина святая!
Простите милыя, родимыя поля!
Прости, святая Русь, драгая мнѣ земля!
И ты, семья моя, друзья мои любезны,
Простите навсегда, иду въ края небесны!
Не узритъ болѣе мой взоръ полей родныхъ
Не встрѣчу я зари на нивахъ золотыхъ,
И въ знойный полдня часъ подъ тѣнью древъ вѣтвистыхъ
Не буду я вкушать прохлады водъ сребристыхъ!
Все кончилось теперь; мой ясный меркнетъ зракъ,
Хладъ сердце оковалъ; простерся вѣчной мракъ!

Утѣшься, злобный духъ, смотри на все созданье:
Убило всѣхъ твое злотворное дыханье!
Повсюду пустота: въ селеньяхъ, городахъ;
Безмолвье на земли и мракъ на небесахъ.
Довольно! Что еще ты медлишь, злой губитель!

Куда еще полетъ готовишь, ада мститель!
Ужель и праведный служитель олтаря,
Молящійся за всѣхъ, за царство и Царя,
Незлобный инокъ сей, пощеньемъ изнуренный,
Отшельникъ мирныхъ странъ, вселенною забвенный,
Ужель и онъ въ своей обители святой
Не будетъ пощаженъ косою смерти злой (*)?
О непостижное, святое Провидѣнье!
Ужель ты обрекло на страшно погубленье
И вѣру чистую, и святость олтарей,
Невинныхъ пастырей и праведныхъ мужей?

Что слышу! . . . Грянулъ громъ, и твердь
земли трепещетъ,
Съ востока молнія огнеперната блещетъ;
Раздался въ воздухѣ глухой подземный стонъ:
Всемощнаго рукой духъ смерти пораженъ!
И бездна тартара, губителя сокрыла,
Адъ вздрогнулъ, стонъ его вселенна повторила!
Отверзлись небеса, и въ огненныхъ лучахъ
Я зрю Спасителя, грядуща въ облакахъ.
Пади предъ Нимъ во прахъ, смирися червь пре-
зрѣнный,
И съ трепетомъ внемли гласъ Господа священный!

(*) 1466 и 1467 г. Въ Новгородскихъ и Псковскихъ областяхъ, язва, называемая желѣзою, истребила 250,652 чел. — Въ одномъ Новѣгородѣ 48,402, въ монастыряхъ 8000 чел. *Сог.*

— »Обитель гордости, земля, разврата храмъ!
»Почто не слѣдуешь благимъ Моимъ словамъ?
»Почто *законъ святой* съ презрѣньемъ отвергаешь
»И въ буйной роскоши безумно утопаешь?
»Не Я ль тебя создалъ, лелѣялъ и хранилъ,
»Своею жизнію отъ клятвы искупилъ,
»Всегда любилъ тебя, какъ дочь свою родную?
»Но ты назначила себѣ стезю иную,
«И слѣпо предалась влеченію страстей:
»Недугъ тебя постигъ, и тысячи смертей
»Обстали вкругъ тебя, какъ тигры разъяренны,
»И злобный духъ, изшедъ изъ мрачныя геенны,
»Всѣ прелести твои такъ страшно измѣнилъ,
»И чистой жизни токъ злымъ ядомъ заразилъ!
»Взгляни вокругъ себя, о дочь Моя любезна!
»Какая предлежитъ тебѣ ужасна бездна!
»Гдѣ мнила ты себѣ найти блаженства садъ,
»Тамъ встрѣтила ты смерть и всѣхъ мученій адъ.
»Гдѣ съ жадностію ты глотала наслажденья,
»Тамъ страшныя тебя постигнули томленья.
»Гдѣ рай утѣхъ тебя надеждою манилъ,
»Тамъ мечь губительный цвѣтъ жизни подкосилъ.
»И всѣ дары твои, сокровища драгія
»Истлѣли, какъ древа изсохшія, гнилыя.
»Блистанія одеждъ, богатство, красота
»Разсѣялись, какъ дымъ, исчезли, какъ мечта.
»Опомнись, дочь Моя, Моей любви созданье!
»Приди ко Мнѣ опять, внемли Мое призванье;

»И сердце Мнѣ свое съ *любовію* отдай,
»Моей *надеждою* живи и процвѣтай,
»Моею *Вѣрою* небесной утѣшайся,
»Живи, и счастіемъ неложнымъ наслаждайся.
»Я истинный твой Богъ, вселенныя Творецъ,
»И строгій Судія, и милостивъ Отецъ.
»Прощаю днесь твое минутно заблужденье:
»Будь счастлива, прими Мое благословенье!

Сентября 25.

Иванъ Милашевичъ.

Примѣчаніе. Губительный моръ неоднократно посѣщалъ Россію въ теченіе 8 послѣднихъ столѣтій. Начиная съ 1092 до 1771 года страшныя его вторженія опустошали наше Отечество болѣе 27 разъ. Но изъ всѣхъ его нападеній ужаснѣйшее было при Великомъ Князѣ Симеонѣ Іоанновичѣ Гордомъ 1346 г. Сей моръ извѣстенъ въ Исторіи подъ именемъ *Черной смерти*, которая опустошила тогда три части свѣта: Азію, Африку, Европу. Начало ея полагаютъ въ Китаѣ, гдѣ она истребила болѣе 13 милліоновъ людей; прошедши всю Азію, она достигла Египта и Греціи. Генуезскіе корабли завезли ее въ Италію, откуда она разошлась по Франціи, Англіи, Германіи, и обхватила весь сѣверъ Европы. Цѣлые города опустѣли, и въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 ч. Можно полагать, что язва сія вторглась тогда въ Россію съ съ двухъ сторонъ: съ востока чрезъ Кавказ-

скій перешеекъ въ Астрахань и Сарай; и съ запада на корабляхъ Ганзейской торговли во Псковъ (весною 1352) и Новгородъ. Скоро появилась она и въ другихъ областяхъ Россіи: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Словомъ, вся Россія испытала тогда гнѣвъ Небесный, слѣдственно и Москва; ибо тамъ въ короткое время скончались Митрополітъ Ѳеогностъ, Великій Кн. Симеонъ Іоанновичь (1353), два сына его и братъ. Такимъ образомъ, говоритъ Карамзинъ, отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и государства опустѣли.

Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинаяхъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровью, и на другой или на третій день умиралъ. Историки замѣчаютъ, что сія смертоносная зараза, названная послѣ *желѣзою*, нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго и такъ часто, какъ въ нашемъ Отечествѣ: въ продолженіи почти одного XV столѣтія она возобновлялась въ Россіи 12 разъ. Причина сему извѣстна: тогда не было въ Россіи Медицинскихъ Академій и Университетовъ; не было такого устройства політическаго, какъ нынѣ; не было столь дѣятельной полиціи; словомъ, не было Петра I, Екатерины II, Александра I. Россія, благословляй нынѣ свой жребій! Провидѣніе даровало тебѣ НИКОЛАЯ I.

И. М.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Состояніе нынѣшняго Британскаго Министерства.

Лондонскій журналъ *The Times* содержитъ въ себѣ слѣдующія извѣстія о теперешнихъ Британскихъ Министрахъ.

„Чрезвычайно любопытно было знать, будутъ ли, и въ какой степени будутъ имѣть силу и вліяніе Министры Его Величества въ скоро имѣющемъ воспослѣдовать собраніи Парламента. Никто, сколько мы запомнить можемъ, не производилъ государственныхъ дѣлъ при столь маломъ большинствѣ голосовъ въ обѣихъ Палатахъ, какъ Герцогъ Веллингтонъ. Впрочемъ мы уже много разъ обнаруживали наше безпристрастное мнѣніе: что, если только правительство въ состояніи приводить въ движеніе весь механизмъ государства; то тѣмъ болѣе должно желать продолженія онаго, чѣмъ менѣе оно опирается на Парламентѣ. Союзное Министерство (Coalitions Ministerium), соединяющее въ себѣ вѣсъ

двухъ большихъ партій, вообще не годится по двумъ причинамъ. Члены онаго по большей части не согласны между собою въ политическихъ видахъ, и сходятся развѣ только по отношеніямъ частнымъ. Такое Министерство слабо само въ себѣ по недостатку единодушія; въ отношеніи же къ Королю и государству оно будетъ дѣйствовать смѣло, но сильно. Единственная выгода такого правительства состоитъ въ томъ, что оно, принявъ однажды полезныя мѣры, и положивъ привести ихъ въ исполненіе, легко можетъ отразить оппозицію; равно какъ единственная невыгода слабо подкрѣпляемаго Парламентомъ Кабинета состоитъ въ весьма медлительномъ исполненіи дѣлъ общественныхъ. Управленіе Фокса и Норта было страшнымъ по причинѣ ихъ пронырливаго честолюбія; напротивъ Виги (Whigs) и Лордъ Гренвилъ ослабили силу свою внутренними несогласіями. Веллингтонъ во время своего министерства можетъ быть употреблялъ слишкомъ мало силъ въ обыкновенныхъ спорахъ, и отсюда произошли нѣкоторыя замедленія въ дѣлахъ національныхъ. Впрочемъ важнѣйшія и полезнѣйшія мѣры приведены были въ совершенное

исполненіе. При наступающемъ выборѣ каждый безпристрастный избиратель естественно спрашиваетъ себя: какихъ кандидатовъ поддерживать ему? Мы подаемъ голосъ въ пользу министерства Герцога Беллингтона, о чемъ уже мы говорили болѣе, нежели одинъ разъ; ибо, по нашему мнѣнію, состояніе партій, и теперешній запасъ мужей государственныхъ не представляетъ лучшаго состава правительства, кромѣ Кабинета благороднаго Герцога. Такъ называемая партія Виговъ не могла бы управлять и одного мѣсяца, равно какъ и Торейсы — мы разумѣемъ здѣсь Елдона и Ньюкестлъ Торейсовъ — не въ состояніи были бы владѣть дѣлами правленія и столько времени, сколько потребовалось бы для напечатанія ихъ именъ и чиновъ въ придворной газетѣ. Равнымъ образомъ Ультра-Виги и Ультра-Торейсы не иначе могли бы соединиться, какъ только съ пожертвованіемъ всѣхъ притязаній на собственныя правила; да и оба главы ихъ очень увѣрены, что они никогда даже и не покушались сдѣлать правильной оппозиціи. Какая надежда на такихъ правителей! Естественнѣе всего настоящее критическое дѣло должно, по видимому, кончиться

соединеніемъ умѣренныхъ Торейсовъ съ другими лицами, держащими средину между Торейсами и Вигами, если только есть такіе люди. Условія, которыя, по нашему мнѣнію, должно предложить будущимъ кандидатамъ, суть слѣдующія: уничтоженіе закона о хлѣбѣ, навязаннаго Министрамъ по превратнымъ понятіямъ о выгодахъ земледѣльца; уменьшеніе расходовъ; всеобщая система бережливости во всѣхъ отрасляхъ управленія; право представительства большихъ и многолюдныхъ городовъ въ Парламентѣ. Занятіе приведенными здѣсь общественными дѣлами ни мало не совмѣстно съ политикою нынѣшняго правительства.

Globe опровергаетъ вновь распространившійся слухъ, будто г-нъ Гускиссонъ и его партія вступятъ въ министерство. Теперь, говоритъ упомянутый журналъ, не льзя уже вѣрить, какъ вѣрили годъ тому назадъ, что Гускиссонъ и его друзья опять вступятъ въ должность. Етотъ слухъ, часто возобновляющійся, основывается можетъ быть на мнѣніи, что несогласіе людей государственныхъ, касающееся до однихъ личностей, не можетъ

быть продолжительно. Съ одной стороны всѣмъ извѣстно, что Министерство нуждается въ людяхъ съ талантами, какихъ имѣетъ Гускиссонова партія въ Нижней Палатѣ. Съ другой стороны Гускиссонъ и его друзья обязаны Министерству благодарностію за всецѣлое удержаніе мѣръ, съ коими тѣсно соединено имя Гускиссона: въ самомъ дѣлѣ, весьма трудно было бы яснѣе раскрыть тѣ всеобщія основныя начала, въ которыхъ настоящее Министерство діаметрально противоположно съ Гускиссономъ и его друзьями, такъ какъ вообще и съ тѣми Вигами, которые преобразованіе Парламента не считаютъ вопросомъ непосредственнымъ, практическимъ. Но если насъ спросятъ: отъ чего, не смотря на все это, сіи люди не соединяются съ Министерствомъ? Мы отвѣчаемъ, что причины тому должно искать съ одной стороны въ сопротивленіи Герцога Веллингтона принимать цѣлыя партіи въ Министерство, съ другой въ нехотѣніи людей государственныхъ отставать отъ той партіи, съ которою они соединены были столь долгое время. Противъ Гускиссона съ его друзьями представляютъ вообще то,

что они въ Кабинетѣ составляли партію, внѣ же Кабинета сія партія соединилась еще тѣснѣе, и едва ли можно предположить, чтобы она раздѣлилась, а правительство могло бы дѣлать свободный выборъ между ея членами. И такъ вотъ въ чемъ состоитъ затрудненіе: — Герцогъ Веллингтонъ хочетъ склонить людей на свою сторону по одиночкѣ; ибо такъ онъ естественно надѣется уладить съ ними гораздо лучше, нежели когда бы они присоединились къ какой нибудь партіи. Конечно не трудно быть главою составленнаго такимъ образомъ министерства, если только оно можетъ довольно укрѣпиться; гораздо труднѣе составить столь сильное и крѣпкое министерство, и сія трудность возрастетъ, если только между существующими уже партіями возродится подозрѣніе: тогда строй планы, какъ бы разъединить ихъ, и изъ различныхъ головъ составить собственно Веллингтонову партію.

(Изъ Гамб. Пол. Ж. В. Ч.)

Бурбоны и Стуарты.

Сходство между характеромъ правленія, сходство между судьбою Стуартовъ и Бурбоновъ, между Англійскою и Французскою революціями, такъ разительно, что Исторія очень мало представляетъ подобныхъ примѣровъ. Несчастный Лудовикъ XVI предузналъ будущую свою участь въ участи Карла I, такъ что исторія сего послѣдняго Монарха была главнымъ занятіемъ его во время революціи. Уже при первомъ движеніи Англійскаго народа противъ утѣсненія Стуартовъ, которые тайнымъ и явнымъ покровительствомъ католицизма и неограниченнымъ господствомъ поставили себя въ опасное сопротивленіе духу народа (етому періоду, какъ извѣстно, Англичане даютъ названіе гражданскихъ войнъ — civil wars, — и только другой, заключающій въ себѣ безпрерывное отверженіе Стуартовъ, называютъ революціею), воздвиглась арістократическая партія дворянства, епископовъ и католиковъ демократической арміи Парламента и народа подъ начальствомъ Файрфакса и Кромвеля, и въ сраженіяхъ Морстокморскомъ и Назебейскомъ (1644 и

1645) на открытомъ полѣ одержала побѣду стольже рѣшительную, какую послѣ одержала народная партія при взятіи Бастиліи 14го Іюля 1789 года, и Тюльери 10го Августа 1792. Карлъ I, какъ и Лудовикъ XVI, былъ плѣнникомъ побѣдившей партіи; подобно ему неудачно покушался убѣжать изъ подъ стражи; подобно ему былъ приговоренъ къ смерти, и какъ Людовикъ XVI казненъ 21 Января 1793 года въ Парижѣ, такъ онъ 30 Января 1649 въ Лондонѣ. Революціи Англійская и Французская показали тѣ же раздоры побѣдившей партіи; въ обѣихъ брала перевѣсъ партія демократическая (Нивеллисты и Ультра — Индепеденты) домогавшаяся совершеннаго равенства. Англія и Франція были демократическими республиками; и въ той и въ другой послѣ взаимныхъ преній между партіями, высшая власть переходила въ руки преобладающаго генія, которую употреблялъ онъ съ воинскимъ деспотизмомъ. Какъ Наполеонъ Буонапарте возвелъ Францію на высочайшую степень славы и могущества, такъ и Кромвель возвысилъ Англію особенно стѣсненіемъ Нидерландской торговли и мудрыми законами для блага такъ называ-

емой республики; а въ 1652 славнымъ *Актомъ мореплаванія* положилъ основаніе великой торговли Англіи и теперешняго господства ея на моряхъ. Сходство характеровъ обоихъ похитителей престола подавало уже поводъ ко многимъ подробнымъ сравненіямъ, и даже къ особенному сочиненію о семъ предметѣ; но если Кромвель не обладалъ столь обширнымъ геніемъ, какъ Наполеонъ, если не имѣлъ его исполинскаго честолюбія, стремившагося утвердить владычество надъ земнымъ шаромъ — послѣднее не возможно было для Англіи какъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ, такъ и по ея географическому положенію — за то обладалъ онъ тѣмъ большею прозорливостію и благоразуміемъ, и презиралъ суетный блескъ короны, которою владѣлъ въ полной мѣрѣ. Кромвель умеръ въ 1658 году, и сынъ его не чувствуя въ раменахъ своихъ достаточной силы къ перенесенію наслѣдованнаго отъ отца бремени, черезъ полгода отказался отъ управленія въ 1659. Англія стенала подъ желѣзнымъ ярмомъ Кромвеля, какъ послѣ Франція подъ Наполеоновымъ; по смерти перваго, и по разрушеніи могущества послѣдняго, про-

тивоположная партія естественнымъ переворотомъ, который легко изъяснить изъ природы человѣческой и Исторіи народовъ, опять брала преимущество, и — новый Парламентъ Роялистовъ въ 1660 году призвалъ убѣжавшаго во Францію Карла II, сына и наслѣдника Карла I, равно какъ партія роялистовъ во Франціи призвала на престолъ удалившагося въ Англію Людовика XVIII, брата и наслѣдника Лудовика XVI.

Исторія правленія Стуартовъ отъ ихъ возстановленія до вторичнаго совершеннаго изгнанія представляетъ множество предметовъ для сравненія. Въ Англіи и Франціи управляли одинъ за другимъ по два брата изъ возстановленной старой династіи, имянно Карлъ II и Іаковъ II, оба вмѣстѣ 28 лѣтъ, отъ 1660 до 1688; а Лудовикъ XVIII и Карлъ X, оба только 16 лѣтъ, отъ 1814 до 1830; за то новая Французская Исторія представляетъ 100 дневный епизодъ, заключающій отступленіе, низверженіе и изгнаніе Наполеона въ 1815 году, и многолѣтнее занятіе Франціи войсками иностранными. Безсиліе, недовѣрчивость, своевольство воз-

обладавшей снова партіи въ обоихъ государствахъ подавали поводъ къ многократнымъ противодѣйствіямъ и внутреннимъ безпокойствамъ; но осторожный Лудовикъ XVIII, давъ утихнуть буйному, кровавому, ничѣмъ неукротимому самоуправству въ 1815 году, умѣлъ владѣть браздами правленія съ бóльшимъ благоразуміемъ и умѣренностію, нежели легкомысленный Карлъ I. Добровольно далъ онъ Французской націи Хартію при восшествіи своемъ на престолъ, между тѣмъ какъ Англійскій народъ самъ долженъ былъ ограждать противу Карла I свою политическую и религіозную свободу государственными грамапіами, каковы на прим. акты Habeas corpus въ 1679 году. Если бы Лудовикъ XVIII, любимый народомъ до революціи и въ началѣ оной, когда онъ еще былъ Графомъ Прованскимъ, почитаемый всегда свободномыслящимъ — если бы онъ ранѣе взошелъ на престолъ, если бы управлялъ болѣе времени, и въ послѣдніе годы силы его не окованы были старостію и болѣзнями; то теперешній великій переворотъ если и остался бы не избѣжнымъ, покрайней мѣрѣ былъ бы отсроченъ еще на нѣсколько времени. Но подъ управле-

ніемъ Карла X, бывшаго въ началѣ революціи главою партіи, съ чрезвычайною ревностію и рѣшимостію сопротивлявшейся всякаго рода перемѣнамъ, возстали другъ противу друга составившіяся еще во времена Лудовика XVIII партіи Ультра-Роялистовъ и Либераловъ съ такимъ же упорствомъ и враждебнымъ духомъ, какъ придворная партія Торейсовъ, и народная — Виговъ во времена Карла II и Іакова II. Послѣдняя ставила въ жестокую укоризну Іакову II его католицизмъ; партія Либераловъ укоряла Карла X въ покровительствѣ Іезуитскихъ сходбищь, и даже утверждала, что онъ и самъ посвященъ былъ въ орденъ Іезуитовъ. Какъ, наконецъ, Виги возвели на престолъ зятя Іакова II, супруга дочери его Маріи, Вильгельма Оранскаго, Штатгальтера Нидерландскаго; такъ партія Либераловъ наименовала главнымъ правителемъ государства Принца Королевской крови, Герцога Орлеанскаго, извѣстнаго по своимъ отличнымъ талантамъ и свободному образу мыслей, который, бывъ еще республиканскимъ Генераломъ, носилъ трехцвѣтную кокарду.

Постановленія Палаты, такъ называемой introuvable въ 1815 году, кровавыя сцены *de Tereur blanche* въ южной Франціи, гдѣ умерщвляемы были Протестанты, въ числѣ которыхъ былъ храбрый Маршалъ Брюнъ, и гдѣ достойный проклятій Трестальонъ дерзалъ презирать всѣ кары законовъ, изгнаніе такъ называемыхъ цареубійцъ (Régicides) или депутатовъ Конвента, которые осудили на смерть Лудовика XVI, а въ стодневное правленіе опять получили мѣста — насильственное изгнаніе Мануеля изъ Палаты Депутатовъ, не смотря на торжественное увѣреніе въ совершенномъ забвеніи и прощеніи всѣхъ дѣйствій, бывшихъ до возстановленія — нападеніе на Испанію, соглашеніе нѣкоторыхъ богатыхъ людей вознаградить убытки емигрантовъ, внезапное распущеніе Парижской національной гвардіи, опредѣленіе Виллелевыхъ Перовъ, возрастающее вліяніе духовныхъ Обществъ и Іезуитовъ, и явное имъ покровительство, учрежденіе и вопреки видимому нежеланію народа, упорное поддержаніе Полиньякова Министерства, коего глава и нѣкоторые члены, особенно Бурмонъ, предъ битвою при Ватерлоо перешедшій къ непріятелю, смертельно нена-

вистны были народу, наконецъ постановленія 25го Іюля 1830, имѣвшія непосредственнымъ слѣдствіемъ вторую революцію, — все это могло бы подать поводъ ко многимъ сравненіямъ съ дѣлами правленія двухъ послѣднихъ Стуартовъ, если бы тѣсные предѣлы журнала позволяли это. Довольно сказать, что отъ подобныхъ причинъ происходятъ подобныя слѣдствія.

Вторая Французская революція подаетъ поводъ къ весьма важнымъ разсужденіямъ. Лудовикъ XVI, какъ извѣстно, съ самаго начала революціи имѣлъ безпрестанно предъ глазами участь Карла I. Сего послѣдняго несчастнаго Монарха обвиняли въ насиліи и въ пролитіи крови своихъ подданныхъ; на этомъ преимущественно основывалось его обвиненіе и его приговоръ. Лудовикъ XVI, по своему кроткому характеру, употреблялъ безпрестанныя усилія избѣгать кровопролитія; въ ужасную ночь въ началѣ Октября 1789, во время отъѣзда своего въ Варенну, при нападеніи на Тюльери 21 Іюня, и при штурмованіи оной 10 Августа 1792, онъ строжайше запретилъ своимъ приверженцамъ и тѣлохранителямъ употреблять

насиліе, и это чрезмѣрное смиреніе бунтовщики сочли признаніемъ въ его виновности! Полиньяково Министерство въ правленіе Карла X рѣшилось идти противоположнымъ путемъ, уничтожило однимъ ударомъ всѣ опоры постановленій, отринуло всѣ предложенія условій, и само воззвало гражданъ къ войнѣ междоусобной. Слѣдствіемъ была революція еще быстрѣе, рѣшительнѣе и кровопролитнѣе прежней. Да послужитъ это благодѣтельнымъ урокомъ, и да удержитъ двѣ великія партіи, волнующія народъ, въ предѣлахъ умѣренности, ибо дѣйствительно только правосудіе ограждаетъ миръ; несправедливость съ своимъ неразлучнымъ, кровавымъ спутникомъ — насиліемъ, вызываетъ сама противу себя насиліе, и ведетъ за собою ужасы, которыхъ мы недавно были свидѣтелями.

(Оттуда же В. Ч.)

СМѢСЬ.

Отзывы гробокопателей.

Одинъ Лондонскій гробокопатель спрашиваетъ въ Mechanics magazine: какъ ему копать могилы на своемъ кладбищѣ? Земля не держится, а ему круглымъ числомъ надобно готовить по 8 могилъ каждодневно. Лишь только онъ дороется до нѣкоторой глубины — стѣны могилы обваливаются съ обѣихъ сторонъ, и многіе изъ его работниковъ не одинъ ужè разъ были засыпаемы по самую грудь; копать еще глубже значило бы подвергаться явной опасности. Часто цѣлый день онъ никакъ не справится съ одною могилою, и погребеніе по недостатку въ могилѣ откладывается. Обыкновенной способъ обставлять яму досками не годится при такой землѣ рыхлой.

Другой гробокопатель въ Германіи, коего кладбище смѣжно съ рѣкою, спрашивалъ у насъ: какъ ему копать могилы, когда прибываетъ вода? Часто, копая

могилу, онъ принужденъ по колѣна стоять въ водѣ! — Такова наша медицинская полиція! Напрасно безсмертный Іосифъ подалъ Европѣ первый примѣръ медико-полицейской осторожности, или лучше бы сказать, необходимости имѣть кладбища внѣ городовъ, рынковъ и проч.: въ величайшемъ изъ Европейскихъ городовъ, въ Лондонѣ, мертвые погребаются и теперь еще въ самомъ городѣ! То же дѣлается въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ городахъ въ настоящее время, и даже во многихъ изъ тѣхъ, въ которыхъ кладбища нѣсколько лѣтъ предъ симъ находились внѣ городскихъ стѣнъ; быстро увеличившаяся смертность внесла оныя опять въ окружность городовъ. Многія Нѣмецкія кладбища почти таковы же какъ и упомянутое Лондонское, а въ продолженіи времени всѣ онѣ дойдутъ до того, что не удержится на нихъ ни одна могила. Какое же отсюда слѣдствіе? Успѣхи образованности доведутъ ли насъ до того, къ чему приводила она классическіе народы древности, по крайней мѣрѣ до благоразумнаго и сообразнаго съ природою сохраненія земныхъ останковъ людей, любезныхъ сердцу нашему, которые теперь далеко отъ насъ гніютъ

въ могилѣ, тогда какъ язычникъ посвящалъ имъ первое мѣсто въ своемъ домѣ, и прахъ своихъ ближнихъ сохранялъ въ памятникахъ искусства, коимъ удивляемся мы и теперь еще — спустя болѣе двухъ тысячь лѣтъ? Что сожиганіе тѣлъ есть приличнѣйшее средство удалять трупы, и менѣе отвратительный способъ сохранять останки земли, изъ коей сотворенъ былъ человѣкъ — то ясно показываетъ Исторія вѣковъ классическихъ. Только у дикихъ находимъ мы могилы, выкопанныя въ землѣ, и онѣ со многими другими слѣдами невѣжественнаго быта, въ которомъ находились Нѣмцы около 16 столѣтій передъ симъ, остались и въ теперешнемъ нашемъ состояніи. Чрезъ сожиганіе труповъ мы избѣгли бы того вреда, который замѣчала опытность врачей въ продолженіе столь многихъ столѣтій, и который происходитъ отъ закапыванія въ землю труповъ вблизи жилыхъ строеній. Нынѣшняя Пуротехника научила бы насъ сожигать трупы и скорѣе и съ меньшими издержками, нежели какъ то бывало на кострахъ. Сожиганіе стоило бы менѣе нежели гробъ и могила. Не надобно забывать, что человѣческое и вообще жи-

вотное тѣло содержитъ въ себѣ довольно горючихъ веществъ, — можно сказать: нужно только зажечь, чтобы оно само горѣло.

Болѣе двухъ тысячь лошадиныхъ труповъ сожжено при послѣднемъ впаденіи во Францію предъ стѣнами Парижа въ двои сутокъ, и то на открытомъ огнѣ. Здоровье жителей ни сколько не пострадало отъ етаго сожиганія; но оно весьма бы много потерпѣло, если бы двѣ тысячи лошадей зарыть въ землю въ недалекомъ разстояніи отъ обитаемыхъ зданій.

Императоръ Іосифъ имѣлъ дѣйствительно мысль ввести опять въ своей Монархіи сожиганіе труповъ, какъ законный способъ погребенія; но одинъ, тогда еще молодой человѣкъ — котораго мы не хотимъ называть по имени, ибо онъ еще живъ, можетъ быть и ему не пріятно былобъ, если бы мы назвали его — сдѣлалъ ему слѣдующее замѣчаніе; „Нѣмецкій народъ, Ваше Величество, еще не способенъ ни къ какой древней Римской мысли. Онъ сожигаетъ только еретиковъ, и колдуновъ.“ Іосифъ, потрепавъ его по плечу,

сказалъ: ты правъ; люди еще не отстали отъ своей . . . робости —

(*Изъ* Morgen. Bl. *В. Ч.*)

Описаніе рукописей, находящихся въ Библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи (*).

Если нѣкоторыя печатныя книги, по своей рѣдкости, почитаются драгоцѣнными: то рукописи-подлинники, хотя бы онѣ были уже изданы и не относились ко временамъ отдаленнымъ, имѣютъ предъ всѣми печатными книгами преимущество, по своей единственности. Кромѣ сего, онѣ навсегда остаются обличителями какъ погрѣшностей неумышленныхъ, неизбѣжныхъ и при печатаніи, такъ и измѣненій, дѣлаемыхъ съ намѣреніемъ, можетъ быть, добрымъ въ извѣстномъ отношеніи, но не всегда позволительнымъ, ибо чрезъ нихъ многіе вовлекаются въ заблужденіе (**) и во зло употребляется общественное довѣріе. Симъ я намѣкаю на поправки, сдѣланныя въ изданныхъ сочиненіяхъ Св. Димитрія Ростовскаго. Мнѣ кажет-

---

(*) Отрывокъ изъ *Критическаго описанія Библіотеки Кіевской Дух. Академіи*, еще составляемаго.

(**) Такъ въ *Опытѣ Кратк. Истор. Руск. литтературы*, стр. 105, сказано безъ всякаго ограниченія, что *сочиненія его* (Св. Димитрія) *писаны языкомъ богослужебнымъ*.

ся, что всякъ, истинно уважающій труды сего Пастыря, желалъ бы не только знать его мысли, но читать самыя слова его. Память его добродѣтелей ничего не потеряла бы чрезъ то, что въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ языкъ былъ бы менѣе чистымъ и менѣе близкимъ къ языку богослужебному; между тѣмъ какъ въ литтературномъ отношеніи мы имѣли бы объ нихъ болѣе справедливое понятіе; видѣли бы въ нихъ, какъ сей Учитель Церкви, для пользы поучаемыхъ, не щадилъ славы проповѣдника краснорѣчиваго, какъ онъ измѣнялъ языкъ свой, соображаясь съ мѣстнымъ нарѣчіемъ (*). Ниже я это докажу, сличивъ нѣкоторыя мѣста печатнаго изданія съ рукописнымъ подлинникомъ. — Чтожь касается до рукописей еще не изданныхъ: то онѣ безцѣнны, развѣ самое содержаніе лишаетъ ихъ сего достоинства. — Въ описаніи рукописей, находящихся въ Библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, я буду слѣдовать тому порядку, по какому онѣ означены въ каталогѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что начну съ Грамотъ.

Въ Исторіи Іерархіи Россійской (**) указывается на грамоты Королей Польскихъ, которыми они давали или только подтверждали преиму-

(*) Слова, говоренныя Св. Димитріемъ въ Малороссіи, и Великороссіи, очень ясно различаются между собою по языку.

(**) Перваго изданія Кн. I, стр. 473, 477 и 485.

щества Кіевской Академіи, и на Универсалы Малороссійскихъ Гетмановъ; но ни тѣхъ, ни другихъ въ Академической Библіотекѣ не имѣется; не сдѣлались ли онѣ жертвою пожаровъ, отъ которыхъ Кіевская Академія много потерпѣла? Пожалѣвъ о погибшемъ, обратимъ наше вниманіе на то, что доселѣ сохранилось, а именно:

1) Грамота, пожалованная Великими Государями, Царями и Великими Князьями Іоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ Кіевскаго Богоявленскаго Братскаго монастыря Игумену и Ректору Іоасафу Кроковскому съ братіею. Дана въ Москвѣ въ лѣто отъ С. М. 7202 (1694) Января гі дня. Подписано: *Великихъ Государей, ихъ Царскаго Величества Дьякъ Василей Бобининъ;* на оборотѣ вверху, кажется, рукою того же Дьяка написано: *Божіею милостію Пресвѣтлѣйшие и Державнѣйшие Великие Государи Цари и Великие Князи Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы;* а внизу: *справилъ Кондратъ Никитинъ.* — Сія грамота писана полууставомъ на пергаминѣ, который украшенъ золотыми, довольно искусно отдѣланными гирляндами. Къ ней, на желтомъ шелковомъ снуркѣ, переплетенномъ позлащенными нитями, привѣшенъ серебряный позлащенный ковчегъ; въ него втиснута красная восковая печать, по окружности коей въ трехъ строкахъ помѣщенъ весь Царскій титулъ; по сторонамъ орла

изображены шесть церквей, изъ коихъ каждая имѣетъ надъ собою букву, именно: в, м, с, б, з, в; подъ орломъ представлено нѣсколько воиновъ вооруженныхъ. — Содержаніе сей грамоты (*) есть слѣдующее: 1) позволяется обучаться въ Кіевской Академіи не только Россіянамъ всякаго званія, но и иностранцамъ, только бы они были православнаго исповѣданія; 2) назначается изъ казны для жалованья всѣмъ учащимъ въ сей Академіи 50 рублей и столько же четвертей ржи на годъ; наконецъ 3) учащіе и учащіеся въ оной ограждаются отъ обидъ со стороны Кіевскихъ мѣщанъ двойнымъ взысканіемъ съ виновныхъ.

2) Грамота, пожалованная Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Кіевскаго Богоявленскаго Братскаго монастыря Игумену Ректору Прокопію Калачинскому съ братіею. Дана въ Москвѣ въ лѣто отъ С. М. 7210, а отъ Р. Х. 1701, Сентября 26 дня. Подписано: *Государственнаго Посольскаго Приказу Дьякъ Михайло Р. . . . становъ* (**), а на обо-

(*) Она напечатана въ *Ист. Іер. Росс. кн.* I, стр. 487 — 489, со многими пропусками и съ нѣкоторыми измѣненіями; посему я почитаю нужнымъ полный и точный списокъ съ нея (также и съ другихъ грамотъ) представить при изданіи вполнѣ *Критическаго описанія Библіот. Кіев. Дух. Академіи;* а въ семъ отрывкѣ ограничиваюсь показаніемъ содержанія грамотъ.

(**) Выпущенныя буквы такъ крючковато написаны, что ихъ не льзя разобрать.

ротѣ: *справилъ Федотъ Роговъ.* Сія Грамота писана полууставомъ на пергаминѣ и украшена по сторонамъ въ два ряда цвѣтами; печать и снурокъ такіе же, какъ и у предыдущей Грамоты, только ковчегъ жестяный. Содержаніе ея (*) таково: по случаю жалобъ отъ Преосвященнаго Варлаама, Кіев. Митрополита, учащихъ и учащихся въ Кіев. Академіи на Войта и мѣщанъ Кіевскихъ, подтверждается прежняя независимость учащихъ и учащихся въ Кіевской Академіи отъ гражданскаго суда, а за нарушеніе сего и причиненныя имъ обиды угрожается Царскою опалою.

3) Грамота, пожалованная Императрицею Елисаветою Петровною Кіевскаго монастыря Архімандріту (**) съ братіею. Дана въ Москвѣ 1742 года Декабря 11 дня. Писана полууставомъ на пергаминѣ, сложенномъ въ видѣ книги и не имѣющемъ никакихъ украшеній. Къ сей грамотѣ на шелковомъ снуркѣ, переплетенномъ серебряными нитями, привѣшенъ серебряный позлащенный ковчегъ, въ который втиснута красная восковая печать отлично искусной отдѣлки, но она уже повреждена. Въ ней (***) подтвержда-

(*) Въ *Ист. Іер. Росс.* кн. 1. стр. 489 — 491 напечатана только послѣдняя половина, впрочемъ самая главная.

(**) Въ Грамотѣ имя не означено; но извѣстно, что тогда Ректоромъ Кіевской Академіи былъ Сильвестръ Кулябка.

(***) Въ *Ист. Іер. Росс.* кн. 1. стр. 492 показано только содержаніе сей Грамоты.

ются прежнія грамоты, повелѣвается отпускать ежегодно изъ Малороссійскаго войсковаго скарбу 200 рублей на содержаніе Кіевской Академіи, и наконецъ учащіе и учащіеся въ оной ограждаются отъ обидъ и притѣсненій со стороны Военныхъ и Гражданскихъ чиновниковъ. На сей Грамотѣ подписались:

Ѳелтьмаршалъ Князь Долгорукой.

Князъ Н. Трубецкой Генералъ Ѳелтъмаршалъ и Кавалеръ.

Генералъ Гравъ Григорей Петровъ сынъ Чернышевъ.

Генералъ и Подполковникъ Гвардіи Андрей Ушаковъ.

Оберъ Шталмейстеръ і Кавалеръ Князь А. Куракинъ.

Вицеканцлеръ Дѣйствительной Тайной Совѣтникъ і Кавалеръ Гравъ Алексѣй Бестужевъ Рюминъ.

Действительной Тайной Совѣтникъ і Кавалеръ Александръ Нарышкинъ.

Генералъ Леитенантъ и Сенаторъ Князь Михайла Голицынъ.

Генералъ Лейтенантъ и Сенаторъ Князь Григорей Урусовъ.

Генералъ Лейтенанъть Сенаторъ і Ковалеръ Іванъ Бахметевъ.

Тайной Советникъ і Кавалеръ Василей Новосилцовъ.

Штацкой Действительной Советникъ и Сенаторъ Князь Алексѣй Голицынъ.

Оберъ Секретарь Павелъ Севергинъ.

Секретарь Михайло Новоторжцовъ (*).

4) Рескриптъ Екатерины II, данный 1787 года Марта 15 дня въ Кіевѣ на имя Преосвященнаго Самуила, Кіевскаго Митрополита, и собственноручно Ею подписанный. Писанъ на золотообрѣзной Голландской бумагѣ и раздѣленъ на 11 пунктовъ (**), изъ которыхъ большая часть касается Академической економіи; болѣе же замѣчательное состоитъ въ слѣдующихъ повелѣніяхъ: 1) завесть при Академіи Гражданскую типографію для печатанія книгъ какъ на Россійскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ; 2) Священническихъ и Діаконскихъ дѣтей изъ высшихъ классовъ Академіи отпускать въ народныя училища для занятія учительскихъ мѣстъ, въ Медицинскія Академіи и въ Университеты; наконецъ 3) посылать Студентовъ въ иностранные Университеты для дальнѣйшаго образованія.

(Продолженіе обѣщано.)

(*) При семъ почитаю нужнымъ замѣтить, что въ списываніи подписокъ я соблюдалъ строжайшую точность; выключая только то, что иногда ставилъ прописныя буквы — по употребленію.

(**) Въ *Ист. Іер. Рос.* кн. 1. стр. 494—496 сей рескриптъ помѣщенъ подъ названіемъ Имяннаго указа; при чемъ совершенно опущенъ послѣдній, т. е. 11й пунктъ.

Иностранныя книги.

1.

Zweite Reise des Kapitän John Franklin an die Küsten des Polarmeers in den Jahren 1825 bis 1827. Aus dem Englischen. Mit einer Charte und einer Tafel Abbildungen. Weimar, Landes-Industrie-Comptoir, 1829.

(Второе Путешествіе Джона Франклина къ берегамъ Ледовитаго моря и проч.)

Сколько Англичане употребили издержекъ, отыскивая Сѣверный полюсъ! Одинъ изъ отважнѣйшихъ и счастливѣйшихъ въ семъ предпріятіи путешественниковъ, послѣ Капитана Парри, есть Капитанъ Франклинъ. Между тѣмъ какъ первый уже въ третій разъ пускался на произволъ бурной стихіи, Франклинъ во второй разъ пролагалъ дорогу въ туманныя страны полюса. Описываемая здѣсь експедиція Франклина въ планѣ предпріятія имѣла связь съ двумя другими. Парри долженъ былъ отправиться съ востока въ Баффиновъ заливъ, Капитанъ Бичей съ запада, чрезъ Берингъ проливъ, а Франклинъ съ юга, рѣкою Маккензи, текущею изъ Канады въ Ледовитое море, къ не открытымъ еще сѣвернымъ краямъ Америки. Но имъ не возможно было соединиться на предпринятыхъ путяхъ своихъ. Франклинъ прибылъ осенью 1825 года къ устью рѣки Маккензи,

уже́ прежде открытому, но возвратился въ къ Медвѣжьему озеру и експедиція прозимовала въ ново-построенной крѣпостцѣ, названной по имени Франклина. Въ сихъ ужасныхъ странахъ обитаютъ разсѣянныя племена Индѣйскія и только при рѣкѣ Маккензи находятся станціи Канадскихъ, мѣхами торгующихъ купцевъ, въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи: это единственные указатели, ведущіе такъ далеко на Сѣверъ. Весною 1826 года Франклинъ опять пустился внизъ по рѣкѣ Маккензи, при устьѣ коей общество его раздѣлилось; самъ онъ поплылъ вдоль морскаго берега на западъ, чтобы встрѣтить Капитана Бичея, а спутникъ его, Докторъ Ричардсонъ, отправился на востокъ, имѣя въ виду соединиться съ Капитаномъ Парри и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскать устье рѣки Мѣдныхъ рудниковъ, прежде уже открытой, и вверхъ по сей рѣкѣ возвратиться до зимы въ крѣпостцу Франклинъ. — Франклина ограбили Ескимосы и онъ только расторопностію своею спасъ себя и екипажъ свой. У Ескимосовъ нашелъ онъ Европейскіе товары Россійскаго издѣлія, которые вымѣнивали они у Индѣйскихъ племенъ, далѣе къ югу живущихъ. Сіи послѣдніе такъ дорого цѣнили свою транзитную торговлю, между Русскими и упомянутыми Ескимосами, что предприняли воинственный походъ, съ намѣреніемъ поймать Франклина; ибо они опасались, чтобъ Англичане не склонили послѣднихъ къ прекращенію сей тор-

говли. — Франклинъ избѣжалъ однако же опасности посредствомъ дружественныхъ предостереженій со стороны нѣкоторыхъ Ескимосовъ и заблаговременно возвратился. Онъ далеко проникъ на западъ, и находился во 160 морскихъ миляхъ отъ Капитана Бичея; но оба они были удержаны ледяными массами, кои вращались туда и сюда около берега и безпрестанно угрожали гибелью ботамъ. Франклинъ опасался примерзнуть здѣсь, среди племенъ враждебныхъ, или по крайней мѣрѣ потерять свое судно; посему и возвратился въ началѣ осени, открывъ западную часть сѣвернаго берега Америки почти до Ледянаго мыса. Ричардсонъ весьма счастливо объѣхалъ доселѣ еще неизвѣстную западную часть сѣверовосточнаго берега и открылъ его до рѣки Мѣдныхъ рудниковъ, но не напалъ на слѣдъ Капитана Парри. Онъ назвалъ одинъ изъ новооткрытыхъ прибрежныхъ острововъ именемъ Клаппертона, не знавши, что сей славный путешественникъ только что въ семъ году умеръ въ Африкѣ. Осенью Франклинъ и Ричардсонъ сошлись при Медвѣжьемъ озерѣ, гдѣ они въ другой разъ провели зиму, и на слѣдующій годъ рѣшились возвратиться въ Англію.

Наблюденій по части естественныхъ наукъ въ описаніи сего путешествія мало; говорится только о боковыхъ солнцахъ, о сѣверныхъ сія-

ніяхъ и о замѣчательномъ преломленіи солнечныхъ лучей въ сихъ сѣверныхъ странахъ, посредствомъ коего маленькія предметы вдругъ показываются огромными. Франклинъ замѣтилъ также, что магнитная стрѣлка была въ нѣкоторой соотвѣтственности съ солнечными лучами по ихъ направленію. Любопытно также, что̀ сообщаетъ онъ о миѳологіи Индѣйцевъ, часто посѣщавшихъ его зимою. »Первый человѣкъ назывался,« по словамъ предковъ ихъ »Хапеве. Онъ нашелъ на землѣ обиліе въ жизненныхъ потребностяхъ, породилъ дѣтей, которымъ представилъ плоды двоякаго роду, черные и бѣлые, но запретилъ ѣсть черные; потомъ простился съ ними на время и отправился въ дальній путь съ тѣмъ, чтобы принести солнце на землю. Въ его отсутствіе дѣти его кушали одни только бѣлые плоды; но когда Хапеве отлучился въ другой разъ, чтобы принести мѣсяцъ, то они забыли приказъ и по недостатку бѣлыхъ плодовъ принялися за черные. Отецъ возвратясь изъ путешествія, ужасно разгнѣвался; онъ сказалъ имъ, что впредь земля не будетъ производить хорошихъ плодовъ, и что къ нимъ придутъ болѣзни и смерть — наказаніе, которому и доселѣ подвержено его потомство. — Тотъ же или другой Хапеве жилъ съ родомъ своимъ при проливѣ между двумя морями: тутъ построилъ онъ себѣ плотину, для ловли рыбы; ры-

ба появилась въ такомъ множествѣ, что заперла проливъ, и вода потопила землю. Хапеве вынужденъ былъ съ семействомъ своимъ помѣститься въ ковчегѣ, взявъ съ собою всѣ роды четвероногихъ и птицъ. Земля нѣсколько дней покрыта была водою. Хапеве вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: не всегда же намъ такъ жить; надобно поискать земли, и поручилъ бобру развѣдать о ней. Бобръ утонулъ; трупъ его носился по водѣ. Хапеве для той же цѣли отправилъ другаго звѣрка, который долго былъ въ отлучкѣ, и наконецъ, замученный до смерти, возвратился и принесъ въ лапахъ не много земли. Хапеве, взглянувъ на нее, обрадовался и поспѣшилъ воврашить къ жизни ревностнаго своего служителя; тихо погладилъ его руками, приложилъ къ своему сердцу, и звѣрокъ пришелъ въ чувство, потомъ взялъ землю, свернулъ ее въ комокъ и положилъ на воду, гдѣ онъ мало-по малу разширялся, увеличивался и потомъ образовалъ на Океанѣ островъ. Волкъ былъ первый, котораго Хапеве высадилъ на єту новую землю; но онъ былъ слишкомъ тяжелъ для ней и опасался свалиться въ воду, почему и получилъ приказаніе безпрестанно бѣгать по краямъ острова, и бѣгалъ цѣлый годъ. Въ продолженіе сего времени пространство земли столько увеличилось, что всѣ животныя, находившіеся въ ковчегѣ, одно за другимъ, переправились на нее. Наконецъ самъ Хапеве вышелъ на островъ,

и воткнулъ въ землю кусокъ дерева, мигомъ превратившійся въ ель, и съ удивительною скоростію выросшую до неба. Бѣлка, за которою Хапеве гонялся, прибѣжала къ етому дереву и взобралась на него; Хапеве за нею, выше и выше, и наконецъ очутился между звѣздами. Тутъ нашелъ онъ прекрасную равнину, а на ней протоптанную тропинку. На сей тропинкѣ поставилъ онъ силокъ, сдѣланный изъ волосъ сестры своей, и потомъ возвратился на землю. Солнце по обыкновенію показалось утромъ на небѣ, но въ полдень попало на силокъ, который Хапеве поставилъ для бѣлки, и тотъ часъ на землѣ стала ночь. — Дѣти Хапеве сказали ему: ты какъ-нибудь согрѣшилъ на небѣ, ибо мы не видимъ дневнаго свѣта. Правда, отвѣчалъ онъ, только неумышленно. Засимъ Хапеве старался загладить ошибку свою, и послалъ многихъ звѣрей на вершину дерева, освободить солнце. Но чрезвычайный жаръ превратилъ всѣхъ ихъ въ пепелъ. Послѣ сей неудачной експедиціи кротъ пустился на небо, всползъ и прогрызъ изъ-подъ земли силокъ, въ которомъ запуталось солнце. Но когда онъ высунулъ рыльцо свое, то лишился глазъ и носа; съ того же времяни и зубы его кажутся обгорѣлыми.«

2.

Neue Reise um die Welt, in den Jahren 1823 — 1826. Von Otto von Kotzebue, russischkais. Flott-Kapitän und Ritter. Zwei Bände mit zwei Kupfern und drei Charten. Weimar bei Hoffmann und St. Peterburg bei Brief, 1830.

(О новомъ путешествіи вокругъ свѣта, 1823 — 1826 г., Оттона Фонъ Коцебу, Россійскаго флота Капитана, и проч.)

Капитанъ Фонъ-Коцебу получилъ повелѣніе доставить грузъ различныхъ матеріаловъ въ Камчатку, а оттуда плыть къ Россійскимъ селеніямъ, находящимся на сѣверозпадномъ берегѣ Сѣверной Америки, чтобы прекратить тамъ контрабанду. Онъ сперва направилъ путь въ Бразилію, потомъ мимо мыса Горна въ Хили. Послѣдняя земля менѣе извѣстна, чѣмъ Бразилія, а потому и записки его о пребываніи на Консепціонѣ любопытнѣе сказаній о Ріо-Янейро. Въ Хили его почитали за Русскаго лазутчика и боялись, чтобы Россія не возъимѣла видовъ на западные берега Америки. Отсюда Капитанъ поплылъ въ открытое море, прогонялъ скуку матросовъ своихъ театральными представленіями и остановился не ближе какъ въ Отагаити. Уже многіе описывали сей островъ; но извѣстія о немъ г-на Коцебу тѣмъ не менѣе замѣчательны. Можно видѣть изъ слѣдующаго, какъ Европейская цивилизація дѣйствовала на любезныхъ

жителей онаго. »Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ съ 1797 года, наконецъ посчастливилось Англійскимъ миссіонерамъ ввести между жителями Отагаити такъ называемое ими Хрістіанство и даже склонить самаго Короля ихъ Тайо, мирно государствовавшаго на обоихъ полуостровахъ, къ принятію онаго. Симъ брошена была искра, произведшая взрывъ ужасный. Новую религію вводили силою; идолы и все, что могло напоминать о божествахъ сихъ, вдругъ истреблено, по приказанію государя; того, кто не хотѣлъ принять новой вѣры, немедленно казнили смертію. Такой порядокъ дѣлъ обратилъ кроткой до того времени народъ въ свирѣпыхъ тигровъ. Кровь полилася; цѣлыя племена истреблены; многіе мужественно шли на смерть, предпочитая ее новой вѣрѣ; нѣкоторые избавлялись отъ оной бѣгствомъ на высокія необитаемыя горы, гдѣ и теперь живутъ, пребывая вѣрными прежнимъ богамъ своимъ. Человѣкъ ужасенъ въ бѣшенствѣ, сказалъ Шиллеръ. Это подтвердилось и здѣсь гнуснѣйшимъ образомъ. Съ фанатизмомъ соединилась, какъ и всегда, страсть ко владычеству. Государь Тайо, недовольный тѣмъ, что оставшіеся съ нимъ подданные его приняли уже вѣру, рѣшился войною ввести ее и на островахъ сосѣдственныхъ. Уже замыслы его большею частію исполнились, когда выступилъ противъ него молодой герой Помарегъ, Государь не большаго острова Табуа. Недостатокъ въ людяхъ

вознаграждалъ онъ безпримѣрною храбростію и воинскимъ искусствомъ. Такимъ образомъ отнималъ у государя Тайо островъ за островомъ, а наконецъ покорилъ и самый Тагаити, взялъ въ плѣнъ кровожаднаго убійцу невинныхъ единовѣрцевъ своихъ и принесъ его въ жертву ихъ тѣнямъ. Въ послѣдствіи онъ покорилъ себѣ и всѣ до того времени независимые сосѣдственные острова и избралъ мѣстопребываніемъ своимъ, какъ властелинъ всего Архіпелага, Тагаити. Онъ оставилъ правленіе островами ихъ же владѣльцамъ, подъ своимъ надзоромъ; наложилъ ни нихъ ежегодную дань свиньями и плодами. Дабы болѣе утвердить власть свою родственными связями, онъ женился на дочери сильнѣйшаго изъ подвластныхъ ему владѣльцевъ, которая именовалась Уліетеа; по древнему обычаю и прочія три сестры ея вмѣстѣ съ нею сдѣлались его супругами.

Тогда снова воцарилась тишина въ Тагаити и во всемъ Архіпелагѣ. Помарегъ былъ государь мудрый и кроткій; онъ не возставалъ противъ новаго вѣроученія, хотя самъ и не признавалъ его. Миссіонеры умѣли удержать народъ въ своей вѣрѣ, такъ что бѣжавшіе на горы лучше хотѣли жить отдѣльно, нежели быть между земляками предметомъ ненависти и презрѣнія. Наконецъ и самъ Помарегъ со всѣмъ своимъ семействомъ принялъ святое крещеніе, по убѣжденію миссіонера

Нотта и умеръ хрістіаниномъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отъ неумѣреннаго употребленія спиртовыхъ напитковъ, которые онъ получалъ съ кораблей новыхъ своихъ единовѣрцевъ; имъ овладѣла непреодолимая страсть къ симъ напиткамъ, хотя онъ и чувствовалъ вредное вліяніе оныхъ и часто говаривалъ, довольно подгулявши: »о Государь! сегодня жирныя свиньи твои могутъ управлять лучше тебя!« Старшій Форстеръ полагаетъ населеніе Тагаити по крайней мѣрѣ во 130,000 человѣкъ. Положимъ, что онъ 50,000 ошибся; и тогда останется 80,000. Теперь на семъ островѣ только 8000 жителей; слѣдовательно народонаселеніе уменьшилось по крайней мѣрѣ девятью десятыхъ. Европейцы и Американцы, введя сюда спиртовые напитки и болѣзни, конечно увеличили смертность; но они посѣщаютъ и множество острововъ Южнаго Океана, на коихъ однако же не примѣтно уменьшенія жителей. Чтобы оспа или какая-либо язва тамъ свирѣпствовала, о томъ нѣтъ никакого извѣстія. Слѣдственно опустошительная зараза у нихъ есть введеніе обычая обращать въ новую вѣру кровопролитными средствами, вопреки ученію спасительной вѣры — вѣры истинно-хрістіанской.

Изъ Отагаити Коцебу отправился къ Питткайринскимъ островамъ. Здѣсь поселились взбунтовавшіеся матросы корабля Бруннти; но были умерщвлены туземцами, за то что жены сихъ по-

слѣднихъ предпочитали Европейцевъ землякамъ своимъ. Любовь женщинъ къ бѣлымъ столь была пламенна, что онѣ отмстили за смерть милыхъ, погубивъ всѣхъ мужей своихъ въ одну ночь. Одинъ изъ матросовъ, именемъ Адамъ, былъ только сильно раненъ; онъ остался живъ и сдѣлался мужемъ всѣхъ женщинъ и главою острова. Отсюда Коцебу посѣтилъ еще малоизвѣстные острова Навигаторскіе и Радакиновы, открытые имъ въ первое путешествіе вокругъ свѣта. Потомъ отправился въ Камчатку, коей излагаетъ Исторію и нравы, отсюда въ Ново-Архангельскъ — цѣль путешествія. Поелику въ сей Русской колоніи ему не было надобности долго оставаться, то онъ отправился въ Калифорнію, коей сѣверная часть принадлежитъ Россіи, а южная Испаніи. Онъ нашелъ, что Русскіе смѣшались тутъ съ Индѣйцами, жили весьма весело и счастливо, а Испанцы напротивъ держали Индѣйцевъ въ строжайшемъ монашескомъ рабствѣ. За симъ Коцебу посѣтилъ Сандвическіе острова. Изъ того, что онъ говоритъ о нихъ, особенно любопытны нѣкоторыя древнія преданія, и также визитъ его толстой, но любезной Королевѣ Номаханнѣ, коей прилагаетъ изображеніе, и еще рѣдкое явленіе въ природѣ, именно: онъ видѣлъ, какъ внезапно образовалось на небѣ черное облако, и съ ужаснымъ трескомъ выпалъ изъ него большой метеорный камень, отломки коего найдены были еще теплыми.

Потомъ Коцебу объѣхалъ острова Пескадорскіе, Ладронскіе, Филиппинскіе и новую группу островов же, названную имъ по имени спутниковъ своихъ, Римско - Корсаково - Ехшольцо - Бронусовыми. На возвратномъ пути остановился онъ при островѣ Св. Елены, гдѣ посѣтилъ смиренную могилу Наполеона. Къ сему путешествію приложенъ обзоръ зоологическаго собранія Ехшольца.

(*Изъ* Litter. Bl. *М. Г.*)

Политическія и другія происшествія.

Франція.

По сдѣланному отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ предложенію въ Палатѣ Депутатовъ, Октября 9 (н. с.), долженствуетъ быть учреждена національная гвардія, назначенная для подкрѣпленія арміи, для защиты Государства, охраненія границъ, отраженія внѣшняго нападенія и сохраненія внутренняго порядка. — Всѣ граждане, имѣющіе отъ 20 до 60 лѣтъ отъ роду, обязаны службою въ неподвижной гвардіи; иностранцы, пользующіеся гражданскими правами и владѣющіе имѣніями, также могутъ быть призваны къ оной. Не подвергаются сей службѣ духовные всѣхъ вѣроисповѣданій, военные, состоящіе въ дѣйствительной службѣ, чиновники Военнаго и Морскаго Министерствъ; также исключаются бродяги и наказанные по суду. — По исчисленіямъ Генерала Дюмаса, народ-

ная гвардія простирается до полутора милліона человѣкъ, изъ коихъ 500,000 вооружены; сіе число раздѣляется на 2,500 батальоновъ, подъ начальствомъ 50,000 офицеровъ, большею частію старыхъ служивыхъ.

— Палата Депутатовъ, въ засѣданіе 27-го и 28-го Сентября (н. с.) опредѣлила предать суду бывшихъ Министровъ: Г. Полиньяка, Перонне, Шантлоза, Гернонъ-Ранвиля, д'Оссе, Капелля и Монбеля. Они обвиняются въ томъ что: 1) употребляли во зло власть свою для произведенія произвольныхъ выборовъ, и препятствовали гражданамъ пользоваться своими правами; 2) насильственно и произвольно перемѣняли законы государственные; 3) въ умыслѣ на внутреннюю безопасность государства, и 4) что произвели междоусобную войну, вооруживъ гражданъ другъ противъ друга, причинивъ опустошенія и убійства въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ. —

— Палата Депутатовъ, въ засѣданіе 8 го Окт. (н. ст.) опредѣлила большинствомъ 225 голосовъ противъ 21, представить адресъ Королю объ отмѣнѣ смертной казни. Вскорѣ послѣ того Министръ Юстиціи, во уваженіе, что въ Палатѣ Депутатовъ занимаются разсужденіями объ упомянутомъ выше предметѣ, предписалъ Генералъ-Прокурорамъ остановить исполненіе смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ Уголовными Судами. Сіе послужило поводомъ къ преступнымъ неистовствамъ. Вечеромъ 18 го Октября, собрались толпы черни предъ дворцомъ Короля, требовали каз-

ни прежнихъ Министровъ, прибивали къ стѣнамъ возмутительныя прокламаціи; часть ихъ пошла на Венсенскій замокъ, съ намѣреніемъ умертвить прежнихъ Министровъ, содержащихся тамъ подъ арестомъ. Національная гвардія разогнала толпища и взяла подъ арестъ до 200 человѣкъ.

— Испанскіе выходцы, вторгшись въ прежнее свое отечество со стороны Франціи, подъ начальствомъ Вальдеса, были разбиты; увѣдомляютъ, что Мина двинулся къ нему на помощь.

Испанія.

Въ ночи съ 24 на 25е Сентября (н. с.) спокойствіе столицы нарушено было на нѣкоторое время. Толпа мущинъ и женщинъ изъ простаго народа передъ окнами Его Величества начала кричать: »Да здравствуетъ неограниченный Король! Прочь Министровъ!« Но вскорѣ сія буйная чернь разсѣяна была карауломъ, который захватилъ 14 человѣкъ изъ зачинщиковъ.

— Издано, отъ 1 Октября, весьма строгое Королевское постановленіе противъ мятежниковъ, съ назначеніемъ каръ по мѣрѣ преступленія.

— Король повелѣлъ, чтобы новорожденной дочери Е. В ва оказываемы были тѣ самыя почести, какъ Принцу Астурійскому, поелику она есть законная наслѣдница его короны, доколѣ Богъ не даруетъ ему сына.

Великобританнія.

Октября 21 го числа Карлъ X вмѣстѣ съ Дюкомъ Бордоскимъ прибылъ въ Единбургъ. Дюшесса

Беррійская 10го числа поѣхала въ Винчестеръ къ Неаполитанскому Посланнику, Графу Лудольфу, откуда также отправится въ Единбургъ въ слѣдъ за высокими родственниками.

— Въ Ирландіи то же требуютъ уничтоженія союза съ Англіею, не только О'Коннель и приверженные ему Католики, но и бо́льшая часть жителей различныхъ религій, политическихъ мнѣній и сословій.

Германія.

Нѣкоторые безпокойные шалуны вздумали было въ Берлинѣ разыграть фарсъ по примѣру своей братіи, отличившейся наглостями въ другихъ городахъ Германіи. Правительство увидѣло надобность въ рѣшительныхъ мѣрахъ, и войску приказано было разогнать негодяевъ фухтелями. Послѣ 17 го Сентября спокойствіе въ Берлинѣ не нарушалось болѣе, и жители съ благодарностію признаютъ умѣренность и благоразумную распорядительность начальства. Около того же времени и въ Брауншвейгѣ порядокъ возстановлялся. — Въ Дрезденѣ 2-го Октября опять происходили безпорядки, причиненные пьяными мастеровыми. Изъ нихъ человѣкъ двадцать захвачено и тишина возстановлена. — Въ воззваніи Бамберскаго Архіепископа къ духовенству между прочимъ упомянуто, что тайные заграничные агенты стараются возбудить простой народъ ложными обѣщаніями разныхъ выгодъ и раздачею денегъ. — Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Собранія Германскаго Союза, положено вызвать Правительства Баварское, Баденское и Нассауское, чтобы они

выставили отряды войскъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ для защищенія собственныхъ ихъ земель, такъ и для скорѣйшаго поданія помощи тамъ, гдѣ оная могла быть потребована отъ другихъ Правительствъ.

Венгрія.

Россійскій Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ и Прусскій Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Цитенъ присутствовали въ Пресбургѣ, при торжественномъ обрядѣ коронованія Его Высочества Ерцгерцога Фердинанда, Наслѣдника Престола Австрійскаго, Королемъ Венгерскимъ.

— Новый Венгерскій Король назначилъ поднесенные ему въ подарокъ Сеймомъ 50,000 червонныхъ на облегченіе состояній, платящихъ подати, и на умноженіе капитала Венгерской Академіи.

Турція.

Сентября 11 го (н. ст.) прибыли отъ Верховнаго Визиря къ Портѣ два гонца, съ извѣстіемъ, что почти вся Албанія усмирена и покорена; крѣпости Превеза, Парга и нѣкоторыя другія заняты Решидъ-Пашею, и почти всѣ старѣйшины казнены. 9 го Привели въ Столицу отъ Верховнаго Визиря 200 человѣкъ плѣнныхъ. Ихъ немедленно заключили въ оковы и препроводили въ лагерь.

— Въ половинѣ 16 го Сентября обнародовано въ Бѣлградѣ извѣстіе о признаніи Портою Князя Милоша наслѣдственнымъ Владѣтелемъ Сербскимъ.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ.

№ 19 и 20.

ОКТЯБРЬ 1830.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О вспомогательныхъ наукахъ для Исторіи (*).

Всеобщая Исторія, имѣющая въ виду изображать жизнь шара земнаго и человѣка въ возможной точности и полнотѣ, должна основываться на памятникахъ и свидѣтельствахъ вѣрныхъ, обработанныхъ Критикою. Сіи памятники и свидѣтельства весьма различны между собою; отъ сего и основывающіяся на нихъ науки столь же многоразличны. Всѣ онѣ способствуютъ къ разсмотрѣнію, познанію историческихъ источниковъ; объясняютъ,

(*) Вступительная лекція, читанная въ И. М. Унив. при открытіи курса для первогодичныхъ Студентовъ.

оцѣниваютъ ихъ и тѣмъ открываютъ средства къ опверженію ложнаго и къ сохраненію истиннаго; слѣдственно вспомоществуютъ совершенствованію Исторіи, а посему и называются вспомогательными историческими науками.

Симъ именемъ въ обширномъ смыслѣ можно назвать многія науки философскія, математическія, физическія, языки, изящныя искусства, и т. д. но обыкновенно подъ историческими вспомогательными науками разумѣются тѣ только, кои тѣснѣе соединены съ Исторіею, кои можно назвать отдѣльными, самостоятельными частями ея, приведенными въ порядокъ, болѣе другихъ служащими къ объясненію, исправленію и дополненію оной.

Сіи науки раздѣляютъ еще на приуготовительныя и собственно вспомогательныя. Такое раздѣленіе болѣе или менѣе произвольно, а потому не рѣдко одну и ту же науку иной относитъ къ приуготовительнымъ, а другой ко вспомогательнымъ; многіе же безъ различія называютъ ихъ вообще вспомогательными. Ето разногласіе происходитъ, кажется, отъ

того, что онѣ не опредѣлены еще какъ должно. Справедливо, нужно такое раздѣленіе или нѣтъ — отъ сего онѣ ничего не теряютъ, и мы назовемъ ихъ на сей разъ, не входя въ безполезныя для насъ раздѣленія, вообще вспомогательными науками.

Важнѣйшія изъ нихъ суть: 1, *Географія*, она необходима для изученія человѣка, для познанія нравовъ, постановленій, политическихъ наукъ, натуральной исторіи и т. п., вообще для образованія и просвѣщенія ума. При изученіи Исторіи она необходима, потому что указываетъ всѣ мѣста, гдѣ случилися происшествія, изображаетъ въ неподвижномъ образѣ движимыя картины оной, цѣлый міръ, сей вѣчный ѳеатръ, на коемъ являются и проходятъ творенія Природы и человѣка, государства и народы.

Географія есть наука непостоянная, ибо предметъ ея — земля — безпрестанно измѣняется въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ, особенно въ политическомъ состояніи. Сверхъ того она основывается на опытѣ, отъ коего зависитъ болѣе или менѣе обширный и точный взглядъ на зем-

ли и народы. Посему всѣ описанія шара земнаго раздѣляютъ на древнія, среднія и новыя.

Древняя Географія въ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ изображеніе сосостоянія исторически извѣстнаго шара земнаго, съ первыхъ правдоподобныхъ историческихъ извѣстій до паденія Западной Римской Имперіи. Къ ея области принадлежатъ всѣ древніе народы, степень знакомства ихъ между собою, и дѣленіе занятаго ими пространства. Она должна описывать древній свѣтъ такъ, какъ онъ дѣйствительно былъ и какъ знали его тогдашніе образованные народы; должна изложить Исторію Географіи тѣхъ временъ, справедливыя сказанія и погрѣшности или басни, остановки и успѣхи Географіи, какъ науки. И естественное состояніе земли, большею частію постоянное, неизмѣняющееся, и ея обработанность, для насъ важны; мы можемъ исправлять ошибки древнихъ географовъ и доставить себѣ несравненно полнѣйшія свѣденія о пространствѣ и положеніи странъ, въ древности обитаемыхъ.

Географія весьма медленно могла содѣлаться наукою. Начало ея скрывается въ глубочайшей древности. Родина, пастбища, мѣста, гдѣ доставали себѣ пищу; примѣты, по коимъ находили оставленныя жилища; положенія и разстоянія обитаемыхъ тогда земель, ссоры и битвы съ сосѣдами, коимъ давали произвольныя названія, равно какъ и самимъ себѣ; замѣчаніе дней пути отъ одного мѣста до другаго; учрежденіе общественныхъ дорогъ — положили основаніе Географіи. Разсказы о томъ, что видѣли въ продолженіе предпріятій по сухому пути и по морю, украшенные живымъ воображеніемъ, содѣйствовали къ ея распространенію и были первымъ матеріаломъ Исторіи и Географіи, состоявшимъ въ сборѣ басней и преданій, основанныхъ на истинѣ. Вообще географическія извѣстія древнихъ писателей очень недостаточны, болѣе хорографическія, нежели географическія. Онѣ проистекаютъ изъ преданій о первобытныхъ переселеніяхъ и случайныхъ знакомствахъ одного народа съ другимъ, часто вовсе незаботившихся о географическихъ наблюденіяхъ. Войны, переселенія и путешествія открывали новыя стра-

ны и новые народы, кои болѣе или менѣе облекаемы были баснословными повѣствованіями.

Опыты удовлетворительной систематической Географіи появились въ продолженіе новыхъ вѣковъ, но болѣе для древнихъ временъ, нежели для среднихъ. Хрістофоръ Целларій первый проложилъ къ тому путь; древняя географія уже обработана д'Авнилемъ, Маннертомъ, Гереномъ и наконецъ Мальте Брюнемъ; но мы не имѣемъ еще руководства, которое было бы написано крітически и съ глубокою ученостію о Географіи среднихъ временъ; ибо лучшее изъ всѣхъ сочиненіе о семъ предметѣ Юнкера очень недостаточно.

2. *Хронологія* научаетъ измѣрять и раздѣлять время, однимъ извѣстнымъ маштабомъ, дабы опредѣлить послѣдованіе явленій и порядокъ, необходимый какъ въ Исторіи, такъ и въ общежитіи. Время, какъ существо отвлеченное и метафизическое, само по себѣ не имѣетъ частей. Оно не есть ни настоящее, ни прошедшее, ни будущее, ибо не имѣетъ ни начала, ни конца, слѣдовательно не под-

лежитъ исчисленію. О продолженіи времени можно имѣть понятіе, отдѣляя только части его и назначая имъ извѣстные предѣлы.

Первое времясчисленіе появилось тогда, когда люди стали жить въ обществѣ, когда оказали нѣкоторые успѣхи въ образованности и почувствовали въ ономъ нужду. Они должны были начинать свое времясчисленіе отъ какого-либо явленія. Такимъ пунктомъ скорѣе всего могло быть какое-либо періодическое явленіе, раздѣляющее время, по видимому, на равныя части; и дѣйствительно всѣ древніе народы начинали свое времясчисленіе отъ періодическихъ явленій.

Моусей говоритъ (Бытія гл. I ст. 14), что великія свѣтила небесныя предопредѣлены служить знаками для годовыхъ временъ, дней и лѣтъ. Естественно, ежедневное обращеніе солнца долженствовало поразить вниманіе людей, даже нимало ни привыкшихъ къ наблюденіямъ. Но сей періодъ оказался по краткости своей не весьма удовлетворительнымъ къ измѣренію времени. Нашли другой, въ движеніи луны относительно къ звѣздамъ, ко-

торый сверхъ большей продолжительности своей имѣлъ еще то преимущество, что могъ быть раздѣляемъ на четыре равныя части, смотря по перемѣнамъ, видимымъ на лунѣ. Послѣ стали замѣчать движеніе солнца въ отношеніи къ землѣ, и такимъ образомъ мало по малу начали составлять годы, подъ коими должно разумѣть всѣ періоды, бывшіе въ употребленіи для измѣренія времени; ибо слово годъ значило вообще *кругъ*, обращеніе — равно какъ и подъ словомъ вѣкъ (коимъ Римляне послѣ многихъ перемѣнъ назвали продолженіе ста лѣтъ, чему и мы нынѣ слѣдуемъ) разумѣли сперва рядъ годовъ, сколько могъ прожить человѣкъ долголѣтній.

Видно, что мѣриломъ времени прежде всего были обращенія солнца и луны, которыя производятъ *естественное* дѣленіе онаго на дни, мѣсяцы, годы. Посему-то Платонъ въ своемъ Тімеѣ говоритъ, что время рождено отъ планетъ, коимъ определено измѣрять оное. Успѣхи въ просвѣщеніи, нужда заставили еще раздѣлять время искуственными средствами, по произволу; на меньшія части, вѣрнѣе и удобнѣе для общежитія: на часы, мину-

ты и т. д. Ето раздѣленіе называется *произвольнымъ*, *искусственнымъ*, *гражданскимъ*.

По сей причинѣ Хронологія раздѣляется на двѣ части: a) *Математическую* или Астрономическую, которая по правильному наблюденію обтеченія свѣтилъ на небѣ опредѣляетъ продолженіе частей времени, разграничиваемыхъ Природою, движеніемъ солнца и луны, и b) на *Историческую*, которая показываетъ гражданское раздѣленіе времени. Обѣ онѣ нуждаются другъ въ другѣ, чтобы быть понятными: Историческая основывается на Математической, а Математическая не можетъ опредѣлить съ достовѣрностію продолженіе частей времени, не употребивъ гражданскаго раздѣленія.

Первые законодатели, учредители гражданскихъ обществъ избирали éры, опредѣляли начало и конецъ года, мѣсяцы, недѣли, дни, и дѣлили ихъ на меньшія части по своему произволу. Они самоуправно поступали и съ естественнымъ дѣленіемъ времени, а именно: одни принимали за начало дня восхожденіе солнца, другіе захожденіе или полдень; одни основывались на обращеніи луны вокругъ

земли, другіе на годовыхъ перемѣнахъ; въ годовомъ обращеніи солнца у однихъ первымъ, начальнымъ пунктомъ былъ должайшій лѣтній день; у другихъ кратчайшій зимній. Такимъ образомъ государства, области, города считали время по своему. У каждаго изъ нихъ была своя ера, свое продолженіе года и т. д. Сія многоразличная мѣра времени опредѣлена была законами, на которыхъ основывался ихъ календарь. —

Посему Историческая Хронологія разсматриваетъ: 1) тѣ событія, которыя у разныхъ древнихъ народовъ избраны были епохами или первоначальными пунктами, съ коихъ они вели свое времясчисленіе; 2) видъ, форму ихъ періодовъ или годовъ, мѣсяцовъ, недѣль, дней, и частей ихъ. Таковая многообразность для насъ затруднительна; посему должно избрать 3) одну форму года и епоху; примѣнить къ нимъ Хронологію всѣхъ прочихъ народовъ и временъ, и такимъ образомъ привести въ легко понятный порядокъ всѣ случившіяся событія.

3. Подъ *Генеалогіею* должно разумѣть ученое изложеніе начала, распространенія и родства фамилій.

Это краткая исторія родственныхъ связей какого-либо лица, или дома, какъ въ прямой, такъ и въ боковыхъ линіяхъ. Она причисляется ко вспомогательнымъ наукамъ Исторіи, потому что подтверждаетъ и объясняетъ отдѣльныя части ея. Генеалогическія свѣденія важны по двумъ отношеніямъ; личному и историческому. Для лицъ онѣ необходимы въ тѣхъ случаяхъ, когда выводятся посредствомъ родства какія нибудь права, признаваемыя законными. Для Исторіи онѣ важны тогда, когда дѣло идетъ о родственныхъ связяхъ, исторически достопримѣчательныхъ лицъ, хотя слово достопримѣчательный должно принимать здѣсь всегда относительно, какъ потому что иныя сами по себѣ незначительныя фамиліи иногда по одному лицу дѣлаются извѣстными, такъ и потому что самыя значительныя лица часто имѣютъ историческую важность только для одного округа, или для одной земли.

Ученое изложеніе Генеалогіи раздѣляется на двѣ части: на теоретическую, содержащую вообще Генеалогическія правила, по коимъ должно поступать, отыскивая начало и продолженіе каждаго чле-

на порознь достопримѣчательныхъ родовъ, также при начертаніи или разсмотрѣніи таблицъ генеалогическихъ; во вторыхъ на практическую, которая излагаетъ исторически достопримѣчательные роды. Обыкновенно сія послѣдняя ограничивается только разсмотрѣніемъ правительствовавшихъ фамилій, имѣвшихъ большее или меньшее вліяніе на судьбу государствъ и народовъ.

Знаніе степеней родства весьма важно въ Исторіи. Лица, происходящія отъ одного общаго отца, составляютъ родъ. Рядъ многихъ лицъ, происшедшихъ отъ одного прародителя, называется линіею. Линія бываетъ или прямая (linea recta) или боковая (linea obliqua, collateralis). Прямая линія раздѣляется на восходящую и низходящую. Для седми колѣнъ по восходящей и низходящей линіи есть особыя названія (Pater, avus, proavus, abavus, atavus, tritavus, protritavus; filius, nepos, pronepos, abnepos, atnepos, trinepos, protrinepos). Прочіе предшественники вообще называются предками, а послѣдователи потомками. Боковая линія вмѣщаетъ въ себѣ сторонниxъ родственниковъ, происшедшихъ не другъ отъ друга, но отъ одного общаго отца. Она бываетъ

или равная или неравная, смотря по большинству членовъ въ той или другой сторонѣ. Сторонніе родственники съ отцовой стороны называются agnati, а съ матерней cognati. Дабы удобнѣе понять происхожденіе и родство исторически замѣчательныхъ фамилій, составляются Генеалогическія таблицы, коихъ расположеніе и объемъ зависитъ отъ предположенной цѣли. Собственно родословныя таблицы начинаются обыкновенно первымъ родовымъ отцомъ, отъ котораго идутъ всѣ извѣстныя лица одной фамиліи мужескаго и женскаго рода, по низходящей и боковымъ линіямъ. Для объясненія происхожденія одного или многихъ лицъ приводится 4, 8, 16 и т. д. предковъ. Таблицы наслѣдственныхъ престоловъ содержатъ только происхожденіе особъ, которыя послѣдовательно принимали правленіе, или имѣютъ право но оное. Съ ними соединяются наслѣдственно спорныя таблицы, которыя показываютъ многія линіи или многія фамиліи, одну за другой, дабы можно было вывести наслѣдственное право по степени родства. Сунхроническія таблицы составляются изъ родословныхъ таблицъ, одна за другой, многихъ фамилій.

Въ обыкновенной формѣ генеалогическихъ таблицъ старшій въ родѣ ставится вверху; однако же есть таблицы и въ видѣ древа, именуемаго arbor consanguinitalis, гдѣ родовой отецъ, на подобіе корня, поставляется внизу. Сей формѣ слѣдовали въ особенности старинные Генеалоги.

Познаніе Генеалогіи содѣлалось важнымъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда дворянство, отдѣлившись отъ прочихъ сословій, овладѣло высшими должностями, и когда всякій, желавшій достигнуть оныхъ, долженъ былъ указать на извѣстное число предковъ. Тогда-то возродилась страсть отыскивать корни Европейскихъ царствовавшихъ домовъ въ отдаленнѣйшей древности, или по крайней мѣрѣ между Римскими фамиліями. Такъ одинъ Испанецъ, желавшій польстить Филиппу II, произвелъ родъ его по прямой линіи отъ Адама, отъ котораго онъ насчиталъ 118 поколѣній безъ перерыва. Ето злоупотребленіе искоренено въ послѣдствіи Историческою Крітикою.

Ученое обработываніе Генеалогіи усовершенствовалось только тогда, когда начали писать Исторію, соотвѣтствен-

но ея цѣли. Въ 17мъ столѣтіи Андрей Дюгесне (1640) первый исправилъ Генеалогическую методу; за нимъ замѣчательны Риттерхузій и Имгофъ, жившіе въ томъ же столѣтіи. Въ 18 вѣкѣ Генеалогія начала приходить въ совершенство. Гебгартъ, Гюбнеръ и Сам-Ленцено весьма много подвинули впередъ сію науку; но до высшей степени совершенства она была доведена Гаттерероmъ, Пюттеромъ, Кохомъ и Фонгтелемъ. Миѳологія составляетъ часть Генеалогіи относительно древнихъ вѣковъ. Геральдика тѣсно соединена съ сею послѣднею относительно и временъ новыхъ.

4. *Геральдика* научаетъ познавать гербы знатныхъ фамилій, правила начертанія ихъ и права съ ними соединенныя. Она разсматриваетъ ихъ по происхожденію, составнымъ частямъ ихъ, по отличію и отмѣнамъ. Гербы суть извѣстные, почетные и отличительные знаки, принятые верховною властію, или жалованные Государями извѣстнымъ лицамъ, областямъ, городамъ и обществамъ; посему они бываютъ государственные, родовые, соединенные съ должностями, и пр.

Государственные гербы означают или настоящее владѣніе землею, или бывшее, или спорное право, или будущія права на владѣніе по наслѣдству.

О времени введенія гербовъ часто бывали споры. Знаки и изображенія на щитахъ и шлемахъ конечно существовали и въ древнѣйшія времена. Уже въ 4й Книгѣ Моусея повелѣвается каждому изъ сыновъ Израиля жить въ родительскомъ домѣ подъ своимъ знаменемъ и знакомъ; Греческіе и Римскіе писатели часто упоминаютъ объ изображеніяхъ разнаго рода на щитахъ и шлемахъ. Достовѣрно, что сіи сумволы были даже наслѣдственными. Такъ разсказываетъ Ксенофонтъ, что Мидійскіе Государи имѣли золотаго орла на своихъ щитахъ; Светоній говоритъ, что Домиціанъ имѣлъ гербомъ золотую бороду; Германцы, по словамъ Тацита, носили предъ собою на сраженіяхъ различные значки, шлемы свои отличали разными цвѣтами, щиты свои украшали разнаго рода изображеніями, означавшими какіе-либо военные случаи (напр. оружіемъ, частями стѣнъ, башней, звѣрями и т. д.), служившими емблемою ихъ воин-

ской храбрости. Сіи изображенія на щитахъ первоначально были только отличіями тѣхъ, къ подвигамъ которыхъ они относились.

Посему надобно согласиться, что въ древнемъ мірѣ извѣстны были нѣкоторые слѣды гербовъ. Однако начало Геральдики относится къ установленію турнировъ (къ 10 му или 11 му вѣку). Въ сихъ боевыхъ упражненіяхъ могли участвовать единственно люди благороднаго происхожденія; они-то и начали по сему случаю употреблять наружные знаки, посредствомъ коихъ можно бы было видѣть преимущество ихъ рожденія. Для сего служили щиты съ изображеніями. Благородный выставлялъ на турнирахъ свой щитъ, какъ знакъ права своего на турниры, и рисовалъ на немъ свой шлемъ съ украшеніями. Отъ сего-то вѣроятно шлемъ и украшеніе его сдѣлались частію и нынѣ употребительныхъ гербовъ. Тогда же начали и изобрѣтать гербы по извѣстнымъ правиламъ. Ето начало Геральдики можно утвердить еще слѣдующими доказательствами: 1 е, мы не знаемъ гробницъ и памятниковъ съ гербами, которые были бы ранѣе 11 го

столѣтія. Древнѣйшая гробница сего рода находится въ Регенсбургѣ; на ней видѣнъ гробъ извѣстнаго Вармунда, Графа Фонъ Валербурга. Щитъ его раздѣленъ поперегъ; одна половина онаго серебряная, а другая черная; надъ нимъ левъ и надпись Anno Domini MX. Большая часть прочихъ гробницъ 11 го столѣтія не имѣютъ гербовъ, коихъ употребленіе распространилось, кажется, только въ 12 мъ столѣтіи. Первый Папа, о коемъ можно доказать, что онъ имѣлъ гербъ, есть Бонифацій VIII, управлявшій Западною церковію съ 1294 до 1303 г. Всѣ древнѣйшіе Папскіе гербы суть не что иное, какъ изобрѣтеніе позднѣйшихъ лѣсшецовъ. 2е Доказательство есть слово *blason*, которымъ на Французскомъ, Англійскомъ, Италіянскомъ и Испанскомъ языкахъ означается Геральдика. Сіе названіе производили отъ *latio, laos sonare;* но гораздо вѣроятнѣе, оно происходитъ отъ Нѣмецкаго слова *blasen* трубить, ибо когда новый рыцарь являлся на турнирахъ, то герольдъ долженъ былъ трубить; а такъ какъ рыцарь представлялся съ опущеннымъ забраломъ, то герольдъ предлагалъ и объяснялъ емблему щита или гербъ. Такимъ образомъ

отъ слова герольдъ и самая наука названа Геральдикою; по той же причинѣ Нѣмцы говорили: выптрубить гербъ (das Wappen ausblasen). Ето обыкновеніе на турнирахъ можно доказать стихотвореніями древнихъ трубадуровъ 12го и 13го вѣковъ. Оно перешло отъ Нѣмцовъ къ Французамъ, ибо несомнѣнно, что въ Германіи турниры получили свое начало при Генрихѣ Птицеловѣ (919 — 936), и слѣдственно гораздо прежде были въ употребленіи у Нѣмцевъ, нежели во Франціи; они только были усовершенствованы Французами, равно какъ и все Рыцарство. Въ послѣдствіи времени когда Французскій языкъ сдѣлался господствующимъ при Дворѣ Нормандскихъ Королей въ Англіи, и въ Британской Геральдикѣ удержались только Французскія выраженія для сей науки. Такимъ образомъ Англичане называютъ зеленую тинктуру vert, раздѣленный щитъ coupé; употребляютъ слова passant, regardant, couchant и т. д. Напротивъ того въ Нѣмецкой Геральдикѣ почти всѣ техническія выраженія взяты изъ чистаго Нѣмецкаго языка. Цвѣты, или какъ ихъ называютъ, тинктура щитовъ получила начало свое отъ обы-

чая Германцевъ, украшать щиты свои разными красками. Сей обычай на турнирахъ получилъ даже нѣжное значенiе, когда Рыцари, обязываясь сражаться въ честь дамъ и посвящать себя ихъ охраненiю, носили на щитахъ своихъ и цвѣты ихъ. Мало по малу произошло дѣленiе щитовъ; рыцарь, посвящая подвиги свои многимъ дамамъ, долженъ былъ имѣть и многiе цвѣты на щитѣ своемъ, который по сему случаю надобно было дѣлить на поля. Отсюда произошло различiе цвѣтовъ на щитахъ.

Гербы сдѣлались употребительнѣе и нужнѣе въ концѣ 11 го столѣтiя, когда воинственное юношество влекомо было благочестивою ревностiю къ завоеванiю Святой земли. Дабы различить нацiи, войска, отдѣленiя ихъ и роды, Государи и полководцы избирали себѣ сvмволы, которые относились или къ героическимъ дѣянiямъ и приключенiямъ похода, или къ достоинству предводителя, а иногда были порожденiемъ фантазiи. И такъ всѣ они суть емблемы аллегорическiя и историческiя, т. е. знаки, напоминающiе извѣстныя приключенiя, дѣянiя, или харак-

теристическія черты; потому-то они суть любопытные историческіе памятники и источники, коихъ истолкованіе объясняетъ многія темныя мѣста въ Исторіи и дополняетъ многіе въ ней пропуски. Ко времени Крестовыхъ походовъ принадлежитъ и начало употребленія на гербахъ крестовъ во многоразличныхъ видахъ. Вѣроятно съ сей же епохи появились и наслѣдственные гербы. Начало государственныхъ гербовъ должно производить отъ изображеній на военныхъ значкахъ или знаменахъ, кои въ каждой землѣ были особенные. Когда владѣніе землями сдѣлалось наслѣдственнымъ; изображенія знаменъ перенесены на гербы владѣтелей и остались въ городахъ ихъ.

Можно привести множество примѣровъ тому, что Геральдика тѣсно соединена съ Исторіею и Генеалогіею и что онѣ объясняютъ одна другую. — Посему предметъ Геральдики составляетъ:

1. Истолкованіе или искусственное описаніе герба; при семъ должно, подобно герольду на турнирахъ, разобрать щитъ по его цвѣтамъ, фигурамъ и отдѣленіямъ; истолковать принадлежности

герба, а именно: шлемъ съ украшеніями его, состоящими въ трубахъ, крыльяхъ, перьяхъ, людяхъ, животныхъ и т. д.; забрало шлема, цвѣты его, корону, подпоры шлема, и проч.

2. Описать или объяснить гербъ, т. е. изложить исторію его, начало и перемѣны, съ нимъ происшедшія. Здѣсь представляется Геральдику обширное поле, на коемъ онъ можетъ раскрыть богатство историческихъ свѣдѣній своихъ и доказать основательность въ историческихъ розыскахъ. Объясняя гербъ исторически, не довольно показать только, почему такая или иная фигура входитъ въ оный; надобно доказать, что сія фигура есть именно гіероглифъ какой либо земли или фамиліи. На пр. изъ историческихъ источниковъ можно вывести доказательство, что двуглавый Орелъ Римскаго Государя появился только въ 14мъ вѣкѣ, въ царствованіе Албрехта Іго, и что съ Оттона II государственный Орелъ былъ одноглавымъ; что три Леопарда въ Англійскомъ гербѣ встрѣчаются сперва въ Норманскомъ домѣ, въ 1127 г., при Генрихѣ I. Геральдикъ, отыскивая происхожденіе и измѣненія гербовъ,

не долженъ придерживаться свидѣтельствъ, представляемыхъ позднѣйшими гербами; ему надобно найти истинные источники, показывающіе то время, въ которое они возникли и измѣнялись. Таковые источники суть: нумизмы, печати, надгробныя надписи и другіе памятники; фамильныя доказательства (documenta), описанія подвиговъ воинскихъ и современныя историческія свидѣтельства, относящіяся къ гербамъ. На сихъ же источникахъ основывается объясненіе Генеалогіи, распространенія и родства фамилій.

3. Критически разсмотрѣть гербъ, настоящій ли онъ и сообразенъ ли съ Геральдическими правилами. Наконецъ 4, начертаніе герба, состоящее въ выдумкѣ и составленіи новыхъ гербовъ. Геральдикъ изготовляетъ ихъ или по предписанію верховной власти, или по собственному произволу, выдумывая, или изъ многихъ гербовъ составляя одинъ новый.

Гербовыя правила, установленныя герольдами, долгое время сохранялись изустно. Геральдика перестала быть собственностію герольдовъ не прежде 14 стол.

Италіянецъ Bartolus de Saxo Ferrato († 1359) первый началъ писать о гербовѣдѣніи. За нимъ писали о немъ Шпангенбергеръ, Гепингетъ и Гарсдереферъ, жившіе въ концѣ 16 и началѣ 17 столѣт. Лучшее сочиненіе для сей науки есть Гаттерерово.

5. *Нумизматика* научаетъ познавать монеты и разнаго рода медали въ техническомъ и въ историческомъ отношеніи. Она разсматриваетъ: 1) матеріальное достоинство ихъ: вещество, смѣшеніе его, механическую обработку, и т. д. 2) историческое: изображенія, емблемы, надписи и проч. Она не обращаетъ вниманія на измѣняющуюся цѣну монетъ, предоставляя ето теоріи ихъ, равно какъ и на всѣ деньги неметаллическія.

Нумизматика, какъ наука занимающаяся познаніемъ и объясненіемъ великой части историческихъ источниковъ, представляетъ Историку обширнѣйшіе виды. Она обнимаетъ множество вѣковъ и показываетъ различіе ихъ во многихъ отношеніяхъ. Предметъ ея, медали и монеты, доставляетъ многоразличную пользу; грудныя изображенія, фигурные и ре-

лигiозные знаки, надписи, означенный годъ, событiя видимыя на нихъ — суть надежныя историческiя свидѣтельства; самое вещество или металлъ, составъ его, ведутъ къ весьма любопытнымъ замѣчанiямъ о богатствѣ или бѣдности, торговлѣ, вкусѣ, образованности народовъ. Историкъ, умѣющiй вѣрно оцѣнивать ихъ, вознаграждается за трудное занятiе свое множествомъ богатыхъ открытiй, коими могутъ быть разрѣшаемы спорные историческiе пункты.

Нумизмы (такъ можно назвать монеты и медали) всегда дѣлаются изъ металла. Нѣкогда были употребляемы для сего: желѣзо, цинкъ, олово, а болѣе всего золото, серебро и мѣдь. Золото обыкновенно сохранялось въ высочайшей чистотѣ, рѣдко съ примѣсью; серебро испытало различныя степени смѣшенiя, мѣдь также.

Великое количество памятниковъ, завѣдываемыхъ Нумизматикою, раздѣляемы были различно: по веществу монетъ, по формѣ ихъ, по изображенiямъ и достоинству искусства. Лучше всего дѣлить ихъ по времени: на монеты и медали древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Первый классъ

нумизмъ продолжается отъ начала чеканенія монетъ до паденія Западной Римской Имперіи, а въ Восточной до паденія дома Комниновъ. Начало сего класса теряется въ отдаленной древности, подобно многимъ другимъ изобрѣтеніямъ.

Второй содержитъ въ себѣ нумизмы среднихъ вѣковъ. Къ нему можно отнести еще доски деревянныя или металлическія (incunabel), на которыхъ въ старину гравировали разныя изображенія.

Нумизматика болѣе всего занимается монетами и медалями древнихъ и среднихъ временъ. Древнія нумизмы, т. е. нумизмы городовъ, странъ, государей, между коими былъ въ употребленіи Латинскій или Греческій языкъ, также странъ, покоренныхъ Римлянами, особенно важны для Историка; ибо онѣ суть преимущественный источникъ свѣдѣній нашихъ относительно сихъ странъ. Всѣ онѣ ничего не могутъ объяснить безъ строгаго ихъ изслѣдованія, а сему много способствуетъ знаніе обыкновеній и обрядовъ Миѳологіи, связей политическихъ между государями, знаніе епохъ и еръ и вообще событій.

Нумизмы среднихъ вѣковъ чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ менѣе интересны. Онѣ важны въ такихъ только случаяхъ, когда сомнительны письменныя свидѣтельства, или когда вовсе ихъ нѣтъ. Магометанскія нужны еще для познанія магометанскаго лѣтосчисленія и династій.

Всѣ онѣ отличаются своею тонкостію, грубостію изображеній, надписей и вообще отдѣлки; а магометанскія замѣчательны тѣмъ, что Христіане, коимъ поручаемо было чеканить ихъ, ввели на нихъ грудныя изображенія правительствующихъ лицъ и принимая въ образецъ древнія Греческія и Христіанскія монеты, представляли на оныхъ предметы изъ Греческой Миѳологіи, Христіанской религіи и Корана. Нумизмы трехъ послѣднихъ вѣковъ, подъ коими преимущественно должно разумѣть медали въ память какихъ-либо важныхъ событій, болѣе любопытны нежели полезны. Разсматривая ихъ, должно обращать вниманіе на чистоту обработки; онѣ въ совокупности могутъ быть надежными доказательствами измѣненій вкуса. Сей классъ нумизмъ въ разныхъ странахъ начинается въ разныя

времена и вездѣ появленія его можно принимать за епоху. Открытіе Американскихъ рудниковъ имѣло великое вліяніе на состояніе денегъ; искусство чеканить ихъ усовершенствовалось, гербы на нихъ стали красивѣе, начали съ большею тщательностію наблюдать соразмѣрность въ металлахъ и подводить ихъ подъ единообразныя значенія.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ умѣли дѣлать подложную монету, покрывать низкіе металлы, олово и желѣзо, золотыми, серебряными и даже мѣдными пластинками (pelliculati, subaerati). Когда съ жадностію начали отыскивать старинные памятники; то нашли способъ, подражать древнимъ узорамъ и поддѣлывать такъ искусно, такъ сходно съ антиками, что легко можно было обмануться. Кавино, Белли и нѣкоторые другіе искусные граверы, переселившіеся въ Падую, Парму, Виченцу, начали дѣлать нумизмы, подражая въ точности древнимъ нумизмамъ и вовсе не думая симъ подражаніемъ обманывать другихъ; но скоро потомъ они обратили свое занятіе въ выгодный для себя промыслъ. Съ теченіемъ времени фальшивыя нумизмы

такъ размножились, что отклонили многихъ отъ Нумизматики, отняли охоту собирать даже и подлинныя; однакожъ Вальянтъ, Шпангеймъ, Геснеръ, Пелле-ринъ съ большимъ жаромъ принялись познавать и объяснять тѣ и другія. Сочиненія ихъ, въ коихъ видна великая по тогдашнему времени ученость, и нынѣ могутъ быть достойны вниманія. Въ послѣдствіи число нумизмъ такъ увеличилось, что крітическое очищеніе ихъ было уже необходимымъ. За ето принялся съ великимъ успѣхомъ Іосифъ Енгель. Онъ строгою географическо-хронологическою методою вдругъ освѣтилъ Нумизматику, объяснилъ ею множество историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, до того времени весьма темныхъ. Онъ доказалъ систему свою практически при учрежденіи Вѣнскаго кабинета и послѣ еще распространилъ ее въ своемъ сочиненіи: Doctrina nummorum veterum, Vindobonae, 1792 — 8. VIII, 4. Всѣ нумизматическія сочиненія, появившіяся скоро потомъ, были приняты за прибавленія, распространенія или повѣрки сего важнаго труда его.

Древніе кажется вовсе не обращали вниманія на Нумизматику, какъ на ученое

занятіе; по крайней мѣрѣ ни у кого изъ древнихъ писателей не видно и слѣдовъ, чтобы охотники до искусствъ, даже во времена Августа или Антоніновъ, собирали монеты, хотя тогда многія изъ нихъ должны были обратить на себя вниманіе какъ по древности своей, такъ и по красивой отдѣлкѣ. За то въ 15, и особенно въ половинѣ 16, вѣкѣ, столь ревностно стали собирать нумизмы, что всѣ страны Римскаго свѣта едва могли удовлетворить желанію. Правители и частные люди, особенно въ Италіи, Франціи и Германіи, заводили у себя мюнцкабинеты, преимущественно для того чтобы узнать главныя лица Римской Исторіи изъ достовѣрныхъ источниковъ. Вслѣдъ за сими собраніями появились ученыя объясненія нумизмъ. Испанецъ Антоніо Агостино первый издалъ въ 1577 г. руководство къ Нумизматикѣ въ разговорахъ, которые переведены на многіе языки. Іаковъ и Октавій Страда еще бо̀льшую возбудили охоту къ собиранію монетъ своими сочиненіями съ приложенными при нихъ изображеніями. Вольфгангъ Лацій, Лейбъ-медикъ Фридерика I, первый началъ объяснять Исторію посредствомъ монетъ.

Фульвіо Ользини и Ад. Окко начали обрабатывать Римскія фамильныя и государственныя монеты. Вообще литтература Нумизматики очень богата и безпрерывно умножается трактатами. Однако нѣтъ еще сочиненія, въ коемъ была бы собрана сумма всего, что́ достойно знанія; нѣтъ еще въ полномъ смыслѣ хорошаго сочиненія и для древнихъ нумизмъ.

6. *Діпломатика* научаетъ правильно читать и понимать діпломы (т. е. граматы, изготовленныя по извѣстнымъ формамъ, установленныя торжественнымъ и обязательнымъ образомъ, служащія къ утвержденію правъ, преимуществъ, условій), познавать ихъ невредимость, изъяснять, цѣнить ихъ и пользоваться ими. Въ обширнѣйшемъ смыслѣ она объемлетъ всю письменность, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе для ней важную (въ наши времена преимущественно отечественную), содержащую событія, дѣянія, договоры, лѣтописи и т. п. Слѣд. знаніе Діпломатики, какъ науки, разсматривающей многочисленнѣйшіе и главнѣйшіе историческіе источники, необходимо при изученіи Исторіи. Она отличается отъ Діпломатіи,

которая заключаетъ въ себѣ кругъ свѣдѣній, нужныхъ для переговоровъ съ иностранными государствами; сія послѣдняя въ тѣсномъ смыслѣ принадлежитъ къ собственно политическимъ наукамъ, а въ пространномъ также относится къ историческимъ.

Памятники, входящіе въ область Діпломатики и теперь большею частію ужè напечатанные, весьма многочисленны. Естественно, не всѣ они равно важны для Историка и нѣкоторые могутъ быть осуждены на всегдашнее забвеніе. Изъ нихъ тѣ только заслуживаютъ вниманіе, кои способствуютъ историческимъ занятіямъ и облегчаютъ ихъ, и преимущественно тѣ, кои могутъ быть источниками, свидѣтельствами, служащими къ открытію истины, ибо Исторія безъ истины теряетъ достоинство, назначеніе и существо свое.

Діпломатику должно было бы дѣлить, какъ дѣлится Исторія: на древнюю, среднюю и новую. Египтяне, Евреи, Персы, Греки, Римляне, каждый просвѣщенный народъ древняго міра имѣлъ свои акты,

сохранялъ ихъ и пользовался ими въ отношеніи Историческомъ, Юридическомъ и Політическомъ. Однакожь начало Діпломатики не такъ далеко отъ насъ; донынѣ не найдено еще діплома, который былъ бы написанъ на пергаменѣ или Египетскомъ папирусѣ, прежде 5 ст. до Р. X. По сему съ сего времени и начинается Діпломатика.

Прежде дѣлили сію науку на древнюю и новую. Подъ первою разумѣли искусство читать старинное письмо всѣхъ актовъ и книгъ, изъяснять ихъ, судить по сему письму и другимъ признакамъ о времени, къ которому они принадлежатъ, и наконецъ умѣть пользоваться ими. Напротивъ подъ новою Діпломатикою разумѣли искусство вести государственное дѣлопроизводство, знаніе внѣшнихъ отношеній государства вообще, сколько оно зависитъ отъ государственныхъ документовъ, и все что̀ относится къ кругу дѣйствій посольства. Такимъ образомъ между тѣмъ, что̀ при Университетахъ называли Діпломатикою и тѣмъ, что̀ государственный человѣкъ разумѣлъ подъ симъ именемъ, не было инаго сход-

ства кромѣ того, что то и другое производилось перомъ. На самомъ дѣлѣ и отличали ихъ одну отъ другой: древнюю принимали за часть древностей, принадлежащую ученому; новую — за вѣтвь государственной науки, необходимую для політика, неимѣющую съ первою ничего общаго; и наконецъ одну древнюю назвали собственно Діпломатикою.

Первое появленіе Діпломатики въ видѣ науки, происшедшее отъ земельныхъ споровъ въ Германіи, принадлежитъ къ первой половинѣ 17 вѣка. Важность ея прежде всѣхъ замѣтили Циллезій, Веніяминъ Лейберъ и Конрингъ; изобрѣтателемъ ея былъ Антверпенскій Іезуитъ, Доминиканецъ Папебрухъ. Въ продолженіе споровъ, въ коихъ они участвовали, явился, первый, конечно еще грубый опытъ Діпломатики: Папебрухъ и Геншенъ составили (1675) правила цѣнить діпломы. Можетъ быть по строгости сихъ правилъ Папебруха обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду ограничить права̀ Бенедиктинцевъ и Кармелитовъ. Ето побудило одного Бенедиктинца точнѣе изслѣдовать Діпломатику, и тогда появилось первое, подро-

бное и основательное сочиненіе Іоанна Мабильона: De re Diplomatica, lib. VI, 1681 (suppl. 1704). Нововозродившаяся наука приобрѣтала себѣ во всѣхъ земляхъ болѣе и болѣе друзей; появились даже и враги ея. Между сочиненіями, вышедшими о сей наукѣ, отличалось Chronicon Gottwicense, 1732 г.; въ немъ изложено ученіе о внутреннихъ и внѣшнихъ признакахъ діпломовъ. За нимъ появились многія сокращенія, потомъ большое сочиненіе Тустена и Тассина: Nouveau traité de Diplomatique, 6 vol. in 4 съ 100 карт., 1750-1765, переведенное Аделунгомъ (Ерфур. 1769, 9 час. 4). Почти въ то же время Іог. Гейнеманъ Фонъ Тейтшенбруннъ своими превосходными комментаріями, de re Diplomatica Regum et Imperatorum Germanicorum (Нюрнб. 1745-1749), содѣлался творцемъ практическаго обработанія Діпломатики; онъ научилъ, какъ пользоваться ею съ видами політическими, церковными и учеными. Но въ систему привелъ сію науку второй преобразователь ея, Гаттереръ, писавшій о ней въ трехъ различныхъ сочиненіяхъ. Онъ составилъ всю діпломатическую ѳеорію изъ трехъ главныхъ частей: искусства письменнаго (Graphik),

искусства различать признаки (Semiotik) и исскусства познавать форму (Formularia). Ему следовали рабски или съ малыми отступленіями Швабе, Оберлинъ, Швартнеръ и Меро.. За ними появился третій преобразователь, Шенеманъ. Онъ свободнымъ взоромъ окинулъ Діпломатику и писалъ о ней съ тѣмъ же духомъ; однакожъ у него замѣчаютъ слѣды первобытности сей науки.

Такъ какъ Діпломатика возникла отъ споровъ о земельныхъ правахъ, то вниманіе изслѣдователей прежде всего обратилась на тѣ діпломы, которые преимущественно служили къ прекращенію оныхъ, слѣдственно на діпломы тѣхъ временъ, когда образовались новыя Европейскія государства и ихъ постановленія. Скоро почувствовали нужду въ знаніи правъ государственнаго и народнаго, въ знаніи отношеній между разными сословіями. Въ слѣдствіе сего установлено было законное имущество, законное владѣніе собственностію и признаніе непрекосновенности оной. Тогда-то сдѣлались важными фамильные договоры царствовавшихъ Домовъ между собою и договоры правительствовав-

шихъ лицъ съ ихъ подчиненными, особенно съ дворянствомъ и духовенствомъ, которыя пользовались большими преимуществами до того времени, когда въ появившихся городахъ образовалось свободное сословіе гражданъ, требовавшихъ себѣ привилегіи, оными присвоенныя. Естественно, что всякое сословіе, занимаясь правами, ревностно старалось защитить или распространить свои и ограничить чужія преимущества. Люди злонамѣренные выдумали для сего средство: они начали не только искажать подлинные документы подложнымъ письмомъ, подскабливаніемъ, приписками, вырѣзываніемъ, вставками, поддѣлываніемъ и привѣшиваніемъ къ діпломамъ чужихъ печатей и другими способами, но даже и сочинять фальшивые акты. Ето зло особенно увеличилось въ XI и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Симъ образомъ множество историческихъ свидѣтельствъ обезображено или уничтожено; составлены еще цѣлыя книги съ ложнымъ показаніемъ времени и сочинителей. Другіе письменные памятники подвержены были порчѣ инаго роду: случаямъ времени и варварству, невѣжеству или нерадѣнію переписчиковъ, которые своими

перемѣнами, поправками пропусками и прибавленіями не менѣе вредили историческимъ источникамъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ ничего не было важнѣе Кріпіики для письменныхъ актовъ. На нее-то обратили особенное вниманіе. Но Кріпика тогда была еще во младенчествѣ; она ограничивалась единственно разсмотрѣніемъ письма, наружныхъ признаковъ и наружной формы діпломовъ, не заботясь о духѣ и сущности ихъ; ограничивалась однимъ пространствомъ времени, за которое не угодно было переступить, хотя употребленіе діпломовъ и простиралось внѣ онаго. На первый разъ и етаго было достаточно; но жаль, что и долго послѣ занимались одною екзегетикою сихъ актовъ.

У насъ въ Россіи письменные памятники болѣе всего потерпѣли отъ невѣжества переписчиковъ, которые имѣли свои причины искажать оные. Одни произвольными перемѣнами думали поправить древній Славянскій языкъ, который въ доставшихся имъ писаніяхъ можетъ быть дѣйствительно былъ испорченъ; другимъ мо-

гли показаться ошибками древнія, правильныя формы сего языка, ужѐ вышедшія изъ употребленія; иные замѣняли невразумительныя для нихъ слова или окончанія другими, употребительными въ ихъ время и на ихъ нарѣчіи; также позволяли себѣ, по какимъ-нибудь причинамъ, поправлять оригиналы или копіи, выбрасывать и вставлять цѣлыя мысли.

Видно, что памятниками письменности не льзя пользоваться до тѣхъ поръ, пока они не разсмотрѣны Критикою. Это давно замѣчено. Но Критика до новѣйшихъ временъ, непросвѣщенная, не имѣла надлежащаго направленія, не знала настоящей цѣли, обширности своей и правъ своихъ; она поправляла, прибавляла или уничтожала по своему соображенію, измѣняла то, чтò ей не нравилось, давала иной оборотъ и смыслъ, желая обнаружить мнимую ученость свою, или мнимые недостатки древнихъ писателей, и тѣмъ увлекала въ новыя заблужденія и ослабляла довѣріе къ старинпымъ, истиннымъ сказаніямъ.

Историческая Критика въ пространномъ значеніи есть здравое сужденіе о

всѣхъ предметахъ, относящихся къ Исторіи и къ историческому познанію. Въ тѣсномъ смыслѣ она оцѣниваетъ только важность, особенно вѣроятность фактовъ. Сія, болѣе самостоятельная вѣтвь наукъ, нежели часть Исторіи, необходима не только Исторіографу, но и каждому любителю Исторіи. Она раздѣляется на низшую и высшую. Первая называется еще грамматическою или філологическою, послѣдняя — філософскою или дѣйствительно историческою.

Низшая Крітика принимаетъ на себя предварительные труды и есть только средство къ достиженію цѣли. Она должна представить письменные памятники въ ихъ подлинномъ видѣ, возстановить тотъ языкъ, на коемъ они писаны, опредѣлить истинное значеніе словъ сего языка, поправить ошибочной переводъ, доказать, посредствомъ грамматическихъ и філологическихъ изслѣдованій, невредимость или поддѣлку ихъ, подвести къ тому времени, къ коему они дѣйствительно относятся, и съ помощію существующихъ манускриптовъ, изданій, или другими средствами, дополнить, испра-

вить и привести въ надлежащій видъ то, что̀ въ теченіе времени потеряно, искажено или подложено. Слѣдственно сія Кріtика требуетъ больше труда, нежели генія, и вѣрно стоила самоотверженія тѣмъ великимъ людямъ, которые, во время возрожденія наукъ, признали за нужное заниматься симъ *бездушнымъ* дѣломъ прежде всего.

Высшая Кріtика имѣетъ предметомъ отыскать истину, раскрыть и очистить ее. Она обязана указать время, сочинителя и назначить мѣсто самому событію, сообразуясь съ ходомъ происшествій, степенью просвѣщенія и многими другими обстоятельствами; вообще съ характеромъ времени и положеніемъ писателя.

Отсюда видно, чѣмъ занимается Діпломатика. Она должна, съ помощію извѣстныхъ діпломатическихъ условій, разсматривать памятники во первыхъ графічески, т. е. разсматривать бумагу или пергаминъ, на чемъ, чѣмъ и какъ они писаны, какими буквами и съ какими знаками, или, если рукопись напечатана, исправить, очистить и отнести ее къ то-

му времени и обстоятельствамъ, къ коимъ она дѣйствительно относится; во вторыхъ она должна показать внѣшнія и внутреннія причины достовѣрности фактовъ, выводя первыя изъ свойствъ повѣствуемыхъ происшествій, вторыя — изъ свойствъ источниковъ.

Ясно, что Исторію можно писать тогда только, когда обработаны матеріалы ея; что Исторія, основанная на памятникахъ, неочищенныхъ Критикою, не заслуживаетъ довѣрія. Слѣдственно, читая Исторію Русскаго Государства, особенно до XIII, даже до XIV ст., не должно довѣрять не только тому, что̀ само по себѣ подозрительно, но даже часто имѣемъ право сомнѣваться и въ томъ, что̀ кажется достовѣрнымъ, ибо источники наши еще не разсмотрѣны Историческою Критикою и истина не отдѣлена въ нихъ отъ басни. Напишутъ еще множество томовъ и мы все не будемъ имѣть Исторіи до тѣхъ поръ; пока не займутся обработкою историческихъ матеріаловъ нашихъ.

М. Гастевъ.

Объ изящныхъ искусствахъ въ Испаніи.

Судя, въ какомъ объемѣ и до какой степени изслѣдованы, объяснены и приведены во всеобщее свѣдѣніе сокровища художествъ Италіянскихъ, Нѣмецкихъ и Нидерландскихъ въ наши времена, весьма горестно видѣть картину бѣдствій, всеобщаго мрака, ослабѣнія умственной дѣятельности и національной силы въ землѣ, столь богато надѣленной природою; — горестно помыслить, что искусства Испаніи донынѣ весьма мало намъ извѣстны, что почва етой земли содѣлалась чуждою для образованнаго Европейца и совсѣмъ не Европейскою по причинѣ гражданскихъ безпорядковъ, духовнаго деспотизма, совершеннаго упадка торговли и промышленности. Г-нъ Фонъ Шепелеръ еще при первомъ вступленіи на діпломатическое поприще посвятилъ себя изученію Испанскаго искусства и обширному собранію сокровищъ по сей части.

(*) Сочинитель книги: Beyträge zu der Geschichte Spaniens и проч. Aachen 1828, 8.

Единственныя нѣсколько полныя Испанскія сочиненія о художествахъ суть: 1) El Museo Pictorico y Escala optica — *Антонія Паломино*, коего 3 томъ подъ названіемъ: El Parnaso Espannol Pintoresco Laureado — заключаетъ въ себѣ реестръ и Исторію Испанскихъ живописцевъ и ваятелей; 2) Diccionario historico de los mas ilustres Professores de las bellas artes en Espanna, *Донъ Жуана Августина Цеана Бермудеца*, въ 6 частяхъ, издан. Королевскою Академіею Санъ Фернанда въ Мадритѣ 1800 года. Оба писателя сердечно принимаютъ любимое мнѣніе Испанскаго народа; то есть, что до шестнадцатаго вѣка искусства не имѣли никакой важности, и слѣдственно не заслуживаютъ вниманія; потому-то и говорятъ о нихъ очень мало и по большей части означаютъ только лишь имена прежнихъ художниковъ. Именно *Цеанъ* въ первой части вышесказаннаго сочиненія объясняетъ, что Готы истребили всѣ искусства, что Арабы запретивъ изображать человѣческія фигуры, изгнали изъ искусствъ все истинное, все высокое. Сочинитель ссылается однако же на славный соборъ Ельвирскій (330 г. по Р. Х.), на кото-

ромъ Готскіе Епископы запретили изображать священные предметы на стѣнахъ церковныхъ. Слѣдовательно у Готскихъ Христіанъ въ Испаніи долженствовало уже быть какое нибудь искусство по предмету живописи. Дѣйствительно мы не можемъ согласиться съ Паломино въ изъясненіи Канона, утвержденнаго Ельвирскимъ Сvнодомъ. Словами Канона весьма ясно запрещаются имѣть въ храмахъ изображенія Бога и Спасителя (а можетъ быть и Святыхъ, коихъ лики, равно какъ и почитаніе оныхъ, уже въ то время начинали быть въ употребленіи); ибо сказано: Placuit picturas in ecclesiis esse non debere, ne, quod colitur aut adoratur, in parietibus depingatur (Mansi, Conc. II pag. 11). Но очевидно, что слова сіи переведены у Паломина совсѣмъ произвольно слѣдующимъ образомъ: „не должно живописать „святыхъ иконъ и вещей на худыхъ стѣнахъ, „чтобы необезобразить ихъ, когда стѣ„ны будутъ обваливаться.“ *О Готскомъ* зодчествѣ г. Шепелеръ такого мнѣнія, что оно получило, можетъ быть, свое названіе отъ Королей Кастильскихъ, которыхъ называли также и *Готскими;* что многіе Нѣмцы и другіе сѣверныхъ странъ

жители еще до Крестовыхъ походовъ посѣщали полуостровъ, чтобы вмѣстѣ съ Испанцами (Готами) воевать противъ Мавровъ; что здѣсь будто бы видѣли они Испанское (*Готское*) зодчество, которое, разумѣется, очень сходно съ Арабскимъ, и яко бы упомянутое зодчество, вмѣстѣ съ названіемъ, перенесли они въ свое отечество; далѣе, что слово „*Готскій*" возобновилось сперва въ Испаніи, а отсюда перешло опять и въ другія земли, въ которыхъ оно уже давно было забыто. Сомнительно, защититъ ли онъ свое предположеніе, стараясь, какъ видно, отыскать въ Испаніи не только имя, но и самое начало Готской архитектуры. Г. Шепелеръ находитъ также слѣды Готской живописи, а именно въ изданныхъ Цеаномъ Письмахъ Живописца, Поэта, Ваятеля и Зодчаго *Пабло Цеспедеса*, который славился въ началѣ второй половины шестнадцатаго столѣтія. Онъ говоритъ въ одномъ письмѣ: „сей родъ живописи, хотя „грубый и жесткій, былъ пепломъ, изъ „коего родился прекрасный, лучезарный „фениксъ, какимъ видимъ его въ наше время."

Г. Шепелеръ свидѣтельствуетъ, что въ Испаніи было много славныхъ произве-

деній Арабской архитектуры, и что въ звѣринцѣ Алгамбры въ Гранадѣ можно видѣть на картинѣ изображенія битвъ, нѣсколько портретовъ, и проч. Справедливо утверждаетъ онъ далѣе, что отвращеніе Магометанъ отъ изображенія фигуръ и всего, не мѣшало Христіанамъ украшать церкви свои всякимъ искусствомъ. Хотя Христіане и заняли у Арабовъ искусство тонкаго, прорѣзнаго и свѣтлаго устроенія и расположенія своихъ зданій, также круглые своды и подобныя особенности; но внутренность своихъ церквей вѣрно украшали они же статуями, особенно рѣзьбою, и даже картинами разнаго рода. „Отъ взаимнаго „соревнованія двухъ господствующихъ въ „Испаніи націй происходило можетъ быть „и то, что ваятельное и рѣзное искус„ство сдѣлали большіе успѣхи, нежели „живопись; что̀ видно изъ самаго сочине„нія Цеанова.“

Исторія искусствъ въ Испаніи отъ временъ Готовъ до XVI столѣтія раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ Королевство Кастильское, другая Аррагонское. Кастилія, отдѣленная Аррагоніею отъ Средиземнаго

моря, и отъ торговыхъ сношеній съ Левантомъ, ограничивалась болѣе собственнымъ, заимствованнымъ отъ Арабовъ, а послѣ даже и отъ Нидерландцевъ образованіемъ; между тѣмъ какъ Аррагонцы брали для себя образцы изъ Леванта. Аррагонія, соединенная съ Каталоніею, имѣла въ Барцеллонѣ соперницу Пизы и Венеціи, кои славились не только торговлею, но и свободнымъ законопостановленіемъ, духомъ промышленности и поэзіею трубадуровъ. Аррагонцы имѣли способы, не только познакомиться съ Италіею, но и войти въ ближайшее соприкосновеніе съ Византіею и съ Греческою Имперіей. Теперь спрашивается: не ужели ни одинъ Греческій художникъ или живописецъ не былъ въ Барцеллонѣ, и не ужели ни одинъ Аррагонецъ не учился искусствамъ въ Греціи, тогда какъ изъ сей послѣдней и изъ Далмаціи въ половинѣ XIV столѣтія художники приходили въ Италію? Г-нъ Шепелеръ доказываетъ, 1) что въ XIV столѣтіи художниковъ было болѣе въ Аррагоніи, нежели въ Кастиліи и 2) что тамъ же въ церквахъ и часовняхъ попадается вообще болѣе образовъ тѣхъ или еще древнѣйшихъ временъ, въ чемъ

онъ преимущественно ссылается на *Кампаніевы* Memorias historicas sobre la Marina, Comercio y Artes de la antiqua Ciudad de Barcelona. — Лучшій періодъ искусства въ Кастиліи начался въ XV вѣкѣ, въ царствованіе Короля Іоанна II. Съ 1418 по 1425 годъ работало 28 художниковъ въ соборной церкви Толедской, и живописецъ Жуанъ Альфонсъ расписывалъ нѣкоторыя часовни. Отцы художниковъ, находившихся при сихъ работахъ, и которые исчислены по именамъ у Цеана, также занимались искусствами — ясное доказательство, подтверждаемое многими старинными произведеніями, что ваяніе и живопись вошли въ Кастилію, какъ уважаемыя художества, еще до сей эпохи, но дѣйствительно (какъ выражается Авторъ) въ грубой одеждѣ того вѣка. Іоаннъ даже вызывалъ иностранныхъ живописцевъ. Въ половинѣ сего столѣтія составилась Школа живописцевъ въ Севиллѣ, потомъ въ Сарагоссѣ и въ Бургосѣ. Искусства цвѣли въ Кастиліи вмѣстѣ съ Поэзіею, и многіе молодые художники (хотя гораздо менѣе числомъ, нежели въ другихъ земляхъ) отправлялись въ Италію смотрѣть и учиться. Это всеобщее движеніе относится ко времени соедине-

нія Аррагонскаго Королевства съ Кастильскимъ, когда Сицилія и Неаполь признали владычество Королей Каѳолическихъ, и новооткрытая часть свѣта преклонилась предъ ихъ скипетромъ; когда и здѣсь уже новое ученіе воспламеняло многихъ умы, которые одинъ Філіппъ могъ опять обратить ко мглѣ Егvпетской; когда Карлъ V ссорился со всею Европою, и когда Испанскіе Нидерланды свергли съ себя свои цѣпи. Етотъ славный періодъ движенія всѣхъ силъ, умственныхъ и фvзическихъ, продолжался отъ конца XV до начала XVII столѣтія. „Потомъ ослабѣлъ „полетъ высокій; своевольство мало по „малу заразило всю массу свободнаго воз„духа, и древа лишились свѣжихъ соковъ. „Хотя изъ опадшихъ сѣмянъ и возникъ „вокругъ него новый кустарникъ; но ни „одна юная отрасль не простирала вѣт„вей своихъ къ высотѣ воздушной; ибо „насильственно гнетома была къ земному „долу.“

Далѣе авторъ говоритъ: „художники, „получившіе свое направленіе и утвердив„шіе свои школы въ прежній періодъ все„общаго движенія, въ половинѣ XVII сто„лѣтія рѣзко отличаются отъ тѣхъ, ко-

„ихъ образованіе принадлежало временамъ „неблагопріятнымъ. Но несправедливо бы„ло бы отнимать у сихъ послѣднихъ все изя„щество, обнаруживающее геній, пареніе „котораго удерживалъ только духъ време„ни и стѣсненность мыслей.“ Испорченность вкуса въ XVII столѣтіи Испанцы, и именно Цеонъ, приписываютъ Болонской школѣ. Впрочемъ справедливо замѣчаетъ Авторъ, что какъ Поезія, такъ Ваяніе и Живопись были ограничены, ослаблены и стѣснены фанатическими правилами Инквизиціи; потому что прекрасная областъ Греческой и Римской миѳологіи, и разнообразный міръ Исторіи свѣтской были для нихъ закрыты, или же потому, что художники, воспитанные въ одностороннихъ правилахъ, не умѣли цѣнитъ ни того, ни другаго. Только съ половины XVIII столѣтія начинается епоха новаго образованія въ Испаніи, и искусства вступаютъ снова на путь изящной природы; изгнаніе Іезуитовъ и раскрытіе умовъ способствовало къ оживленію и литтературы Испанской. Уже Филиппъ V учредилъ въ Мадритѣ собраніе художниковъ, изъ коихъ Фердинандъ VI составилъ теперешнюю Академію искусствъ образовательныхъ. Карлъ III ос-

новалъ подобное общество въ Валенціи и Мексикѣ, а Карлъ IV въ Сарагоссѣ. Карлъ III вызвалъ въ Мадритъ Менгса, образовавшаго новую Школу, которая донынѣ, кажется, не произвела ничего высокаго.

Опровергая мнѣніе тѣхъ, кои отнимаютъ у Испанской живописи до XVI столѣтія свойственный ей, отличительный характеръ, отвергаютъ особенную *Школу*, Авторъ выставляетъ слѣдующія главныя признаки оной: »Колоритъ ея не такъ ярокъ, какъ старинный Нѣмецкій, но въ ней господствуетъ какая-то особенная приятность; изображенія представляются какъ бы подъ тонкимъ покрываломъ, а потому можетъ быть прилично назвать его колоритомъ отдаляющимъ: сіе свойство, выражавшееся въ большей части произведеній даже и позднѣйшаго времени, часто называли *окружающимъ воздухомъ* (ambiente). Въ слѣдующемъ періодѣ пламенный колоритъ, Венеціанскій сильно подѣйствовалъ на Испанцевъ, и возъимѣлъ большее на нихъ вліяніе, особенно потому что *широкая* рисовка сей Школы весьма сообразна была съ вышесказаннымъ свойствомъ живописи Испанской. Присоедините къ нему кисть широкую,

полную, быстро слѣдующую за пылкимъ воображеніемъ, и вы будете имѣть настоящее понятіе о характерѣ картинъ Испанскихъ.«

„Матеріальное въ изящномъ Испанскомъ колоритѣ отличается отъ Нидерландскаго, какъ цвѣтъ жителей и той и другой земли. Бѣлый или красный цвѣтъ Испанской кожи имѣетъ какъ бы основаніемъ своимъ цвѣтъ оливковый, между тѣмъ какъ кожа Нидерландцевъ почти совершенно киноварнаго цвѣта. Для непривычныхъ глазъ Испанскій колоритъ при всемъ своемъ блескѣ кажется очень блѣднымъ; и ета излишняя блѣдность есть, по видимому, недостатокъ — замѣтная принадлежность нѣкоторыхъ мастеровъ знаменитыхъ.“

„Но есть еще нѣчто общее почти всѣмъ Испанскимъ картинамъ, именно — одежда. Даже въ XV вѣкѣ Испанцы не могли привыкнуть такъ ясно и такъ хорошо оттѣнять складки, какъ художники другихъ націй; и всегда можно было видѣть въ той или другой картинѣ, что полу-восточный житель безъ вниманія располагалъ складки легкой одежды во

точной, и что у него никогда не доставало терпѣнія долго трудиться надъ ними. Посему рѣдко можно найти совершенно чистые оттѣнки складокъ въ Испанскихъ картинахъ, и притомъ надобно замѣтить, что въ большихъ композиціяхъ та или другая фигура всегда худо обработана. Пламенная Испанская кровь и сильная страсть къ изображенному лицу препятствовали равнообразной отдѣлкѣ. Могутъ быть исключены очень не многіе художники, особенно тѣ, которые учились въ Италіи.«

Въ выборѣ фигуръ Испанскіе художники слѣдовали свободно и природѣ своей отчизны, и въ семъ отношеніи они занимаютъ среднее мѣсто между грубѣйшими Нидерландцами, и благороднѣйшими живописцами Италіи, которые имѣли предъ глазами образцы древніе. Кромѣ ихъ наивности въ изображеніяхъ священныхъ, замѣчательна отважность ихъ кисти (bravura), которая впрочемъ нерѣдко ввергала ихъ въ большія погрѣшности. Что Испанскіе живописцы не означали именъ на своихъ произведеніяхъ — это приписываютъ ихъ набожности, истинной или ложной, или же боязни.

Произведенія живописи изъ времени до XVI столѣтія вообще столь мало уважаются Испанцами, что ихъ можно видѣть только въ церквахъ, часовняхъ, старыхъ зданіяхъ, или гдѣ нибудь въ углѣ, въ магазинѣ, или между старинною утварью. Даже въ самомъ Мадритскомъ музеѣ и въ другихъ дворцахъ Королевскихъ не видно никакихъ произведеній древнѣйшаго времени. Онѣ извѣстны вообще подъ именемъ картинъ *Алберта Дюрера*, или *Нѣмецкой школы.* Даже Паломино и Цеанъ не чужды сихъ ложныхъ мнѣній. Художники, учившіеся въ Италіи, и въ первой половинѣ XVI стол. имѣвшіе большое вліяніе на Испанскую школу, суть слѣдующіе: *Алонзо Берунгете*, ученикъ Микель Анджело, и также *Гаспаръ Вецерра. Гернанъ Яннецъ* учился или у Леонарда Винчи, судя по сходству ихъ картинъ, или, какъ увѣряетъ Паломино, у Рафаеля. *Луисъ де Варгасъ* образовался въ школѣ Перина де Ваги. Между прочими *Петеръ Торриджоніоне* замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, будучи родомъ изъ Флоренціи, занимался работою, какъ бы путешествуя, въ Севиллѣ, гдѣ онъ объявленъ былъ еретикомъ, и умеръ потомъ въ темницѣ Инквизиціи. Вотъ рѣд-

кій примѣръ, что отличный художникъ въ нѣдрахъ Католической Испаніи склонился къ идеямъ Протестантовъ. Онъ имѣлъ одинакую, равно печальную участь съ Испанскимъ стихотворцемъ *Фраемъ Луисомъ де Леономъ*, который пять лѣтъ долженъ былъ томиться въ заклепахъ Инквизиціи.

Въ заключеніе своихъ очень важныхъ замѣчаній г-нъ Ф. Шепелеръ дѣлаетъ обзоръ различныхъ Школъ такъ называемой епохи возстановленія; при каждомъ имени находятся біографическія краткія свѣдѣнія.

Школа Севилльская:

Жуанъ Санхецъ де Кастро 1462 г.
Жуанъ Нуннецъ 1475.
Гонцало Діацъ 1499.
Франциско Пизанъ 1504.
Луисъ де Варгасъ.
Франциско Пахеко 1571 — 1654.
Жуанъ де Лосъ Руеласъ 1558 — 1625.
Августинъ де Кастило 1565.
Жуанъ де Кастилло 1584.
Алонзо Васкецъ + 1640.
Франциско де Геррера 1576 — 1656.
Франциско Цурбаранъ 1598 — 1662.
Діего Веласкецъ де Сильва 1599 — 1660.

Алонзо Кано 1601 — 1667.
Педро Мойя 1610 — 1666.
Бартоломе Естеванъ Мурилло 1616.
Жуанъ де Валдесъ 1639 — 1690.
Іозефъ Антолинецъ 1639 — 1676.
Игнаціо Иріарте 1620 — 1685.

Послѣдній есть лучшій Испанскій ландшафтный живописецъ. „Кто въ Испанскихъ ландшафтахъ ищетъ отдѣлки Нидерландской; тотъ конечно не найдетъ ихъ прекрасными; но въ нихъ видны большія массы, пламенный колоритъ, смѣлая работа и особенно то, что Испанцы называютъ Ambiente (воздухомъ).“

Кастильская школа.

Жуанъ Фернандецъ Наваррете, прозванный Нѣмымъ (Mudo) 1526 — 1579 г.

Доминико Теотокопули, прозванный Грекомъ, умеръ въ 1625.

Луисъ Тристанъ 1586 — 1649.

Жуанъ Пантойя де Круцъ 1551 — 1610.

Бартоломе Кардухо 1560 — 1638.

Патриціо Каксесъ род. 1612 въ Ареццо въ Италіи, и сынъ его Евгеніо.

Ланхаресъ 1586 — 1658.

Франциско Рици 1608 — 1685.

Антоніо Переда 1590 — 1669.

Франциско Камило.

Жуанъ Баутиста дель Мацо Мартинецъ, † 1687.

Жуанъ Каренно де Миранда 1614—1685.

Матео Карецо 1635 — 1685.

Жуанъ Антоніо Ескаланте 1630—1670.

Клавдіо Коелло, † 1693.

Мигуель Яцинто Менендецъ (или Мелендецъ) род. въ 1679.

Школа Валенціанская.

Пабло Ареджіо и Франциско Неаполи 1506.

Николасъ Фалко 1515.

Виценте Іоанесъ 1523 — 1579.

Франциско Рибальта 1551 — 1628.

Жуанъ Рибальта 1597 — 1628.

Яцинто Джеронимо де Еспиноза.

Педро Орренте 1550 — 1644.

Пабло Понтонсъ, † 1669.

Іозефъ де Рибера (Спаньолетто) 1588—1656. И другіе.

Авторъ представляетъ еще подробную перечень Испанскихъ художниковъ, составленную Цеаномъ, отъ X до XVIII столѣтія.

Изъ новѣйшихъ Испанскихъ мастеровъ справедливо предпочитается Альварецъ, коего произведенія хотя не такъ многочисленны, по крайней мѣрѣ также велики, какъ и произведенія Кановы; Альварецъ младшій напротивъ того очень мало уважается. Авторъ видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Италіи славные фамильные портреты его работы, и весьма удачную пластическую композицію, за которую онъ получилъ награду.

Сей, можетъ быть, слишкомъ уже продолжительный разборъ, подастъ поводъ любителямъ Исторіи искусствъ обратить свое вниманіе на сочиненіе Шепелера, и оцѣнить по достоинству любопытныя примѣчанія, глубокомысленныя историческія и естетическія предположенія Автора. Пусть дальнѣйшія изысканія руководствуютъ его или другихъ по стезѣ уже проложенной; пусть Испанское искусство, равно какъ и поезія Испанская, содѣлаются болѣе и болѣе извѣстными Нѣмецкому (*) сѣверу.

(Изъ Kunst. Bl. B. Ч.).

(*) Того же усердно желаетъ переводчикъ Рускому и Сѣверу и Югу.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Sanctus.

(Повѣсть соч. Гофмана.)

Докторъ съ недовольнымъ видомъ покачалъ головою. — „Какъ!" вскричалъ Капельмейстеръ, отскочивъ отъ своего налоя — „неуже ли простуда Беттины опасна?" Докторъ стукнулъ своею палкою изъ Испанскаго тростника раза два, три, по паркету, вынулъ табакерку, положилъ ее опять въ карманъ, не взявъ табаку, устремилъ глаза въ потолокъ, какъ будто хотѣлъ угадать, сколько на верху перекладинъ, и не сказавъ ни слова, принялся кашлять. Капельмейстеръ вышелъ изъ себя, ибо понималъ уже, что значитъ ета Докторская пантомима. Она говорила ясно: бѣда, — не знаю, что тутъ дѣлать, — попался я въ просакъ подобно Доктору Жилблаза де Сантиланы.

— Да ну-же, говорите яснѣе; скажите безъ всякихъ обиняковъ, опасна ли простуда Беттины, которую она получила выходя изъ церкви, забывъ по небрежности накрыться шалью. Я думаю, что бѣдняжка не умретъ отъ етаго?

„О нѣтъ," сказалъ Докторъ, вынувъ опять табатерку, и на етотъ разъ взявъ уже табаку: „никакъ нѣтъ; но вѣроятно, что не придется уже ей пропѣть ни одной ноты во всю жизнь свою."

При сихъ словахъ Капельмейстеръ вцѣпился обѣими руками въ свои волосы съ такимъ отчаяніемъ, что цѣлое облако пудры разсыпалось вокругъ него; въ большомъ волненіи началъ онъ бѣгать по комнатѣ и кричать: — какъ, она не будетъ пѣть — не будетъ пѣть! — Беттина не будетъ пѣть! — Всѣ етѣ прелестныя, восхитительныя пѣсни, которыя какъ ручьи меда текли изъ устъ ея — всѣ онѣ должны умереть? — Мы не услышимъ болѣе сладостнаго *Agnus* и нѣжнаго *Benedictus!* О — охъ — умретъ и *Miserere,* которое отгоняло отъ васъ всѣ земные помыслы, и восхищало меня въ новый міръ темъ хроматическихъ? — Нѣтъ! ты лжешь,

Докторъ, — навѣрное лжешь! Органистъ соборной церкви, преслѣдующій меня изъ зависти, съ тѣхъ поръ какъ я на чудо всему міру сочинилъ *qui tollis* на восемь голосовъ, знать подкупилъ тебя вредить мнѣ! Онъ хочетъ привести меня въ отчаяніе, и не дать мнѣ кончить новой обѣдни; но ему ето не удается! — Соло Беттины — вотъ онѣ (ударивъ по карману), я ихъ всегда ношу здѣсь, и завтра голосъ ея зазвучитъ пріятнѣе и громче серебрянаго церковнаго колокольчика.

Капельмейстеръ взялъ уже шляпу и хотѣлъ уйти, но Докторъ остановилъ его и сказалъ въ духѣ кротости: „я уважаю ентузіазмъ вашъ, дорогой другъ мой; но будьте увѣрены, что я ничего не преувеличиваю, и совсѣмъ не знаю органиста соборной церкви, каковъ бы онъ ни былъ въ отношеніи къ вамъ. Съ того дня, какъ Беттина пѣла solo въ *Gloria* и въ *Credo*, у нее совершенно не стало голоса — чего моимъ искусствомъ поправить ни какъ не возможно; но и я боюсь, какъ сказалъ и прежде, чтобъ она не перестала пѣть вовсе и навсегда.“

— Очень хорошо! закричалъ Капельмейстеръ, какъ сумасшедшій: — не льзя лучше! такъ давайте ей опіуму — опіуму — столько опіуму, чтобъ она умерла тихою смертію; да и для чего Беттинѣ жить, если она перестанетъ пѣть! Она живетъ, чтобы пѣть; все ея существованіе заключается въ пѣніи! Милый мой Докторъ, сдѣлайте милость, отравите ее поскорѣе. Я знакомъ съ предсѣдающимъ въ Уголовной Палатѣ; мы учились въ Галльскомъ Университетѣ вмѣстѣ съ Президентомъ,ето былъ славный игрокъ на волторнѣ, и мы съ нимъ бывало каждую ночь давали концертъ — на щетъ сего будьте покойны — я готовъ тысячу разъ вамъ побожиться; отравите ее прошу васъ покорнѣйше, почтенный Докторъ!

„Когда люди достигаютъ извѣстнаго возраста" сказалъ Докторъ: „и много лѣтъ уже сыплютъ пудру на свою голову, то не кричатъ такъ громко, какъ вы — не говорятъ объ отравленіи — убійствѣ; а спокойно сидятъ въ своихъ креслахъ и терпѣливо слушаютъ, что скажетъ имъ Докторъ."

Капельмейстеръ вскрикнулъ жалобнымъ тономъ: — что̀ я слышу! И сдѣлалъ, что приказалъ ему Докторъ.

„Да!" сказалъ Докторъ: „дѣйствительно въ положеніи Беттины есть что-то странное, — скажу даже — чудесное. Она вѣдь говоритъ свободно — всею силою своего органа; нѣтъ только признаковъ обыкновенной болѣзни въ горлѣ — она даже въ состояніи дать музыкальный тонъ; но лишь только чуть чуть повыситъ голосъ, какъ что-то непонятное задушаетъ его, прерываетъ; онъ дѣлается непріятнымъ, охриплымъ, и остается, такъ сказать, одна тѣнь его. Беттина, государь мой, весьма умно сравниваетъ свое состояніе съ такимъ сновидѣніемъ, въ которомъ мы тщетно усиливаемся летать по воздуху. Етю отрицательное положеніе болѣзни не подлежитъ моему искусству, и всѣ средства, употребляемыя мною тутъ, не годятся. Врагъ, съ которымъ я долженъ сражаться, ускользаетъ отъ меня какъ привидѣніе; а между тѣмъ вы сказали правду, что Беттина существуетъ только въ своемъ пѣніи; она готова уже умереть отъ страшной

мысли, что она лишится голоса. А какъ ето душевное движеніе усугубляетъ болѣзнь ея, то я основательно заключаю, что недугъ етой молодой дѣвушки болѣе душевный, нежели физическій.

Очень хорошо, Докторъ! вскричалъ третій человѣкъ, сидѣвшій въ углу поджавши руки, котораго назовемъ мы путешественникомъ ентузіастомъ: очень хорошо, дорогой мой Докторъ, вы однимъ разомъ проникли въ самую сущность дѣла! Болѣзнь Беттины есть точно физическое отраженіе впечатлѣнія нравственнаго; тѣмъ-то болѣе она и опасна. Я одинъ, господа̀, могу изъяснить вамъ все ето!

— Что̀ я слышу! сказалъ Капельмейстеръ, еще болѣе плачевнымъ голосомъ. Докторъ подвинулъ стулъ къ путешествующему ентузіасту, и съ улыбкою посмотрѣлъ на него; но путешественникъ, поднявъ глаза къ небу, не взглянувъ ни на Доктора, ни на Капельмейстера, сказалъ:

Г-нъ Капельмейстеръ! я видѣлъ однажды, пестрая бабочка попалась какъ-то въ струны вашихъ двойныхъ клавикордовъ. Бѣдная тварь быстро, весело летала туда

и сюда, и била своими блестящими крылышками по струнамъ то по верхнимъ, то по нижнимъ, и онѣ издавали звуки весьма тихіе, но необыкновенно пріятные, постижимые только для слуха самаго опытнаго. Легкое насѣкомое какъ будто чувствовало какое-то удовольствіе отъ гармоническихъ сотрясеній; однако случалось, что струна, сильнѣе ударенная, какъ бы разсердясь, била по крыльямъ игривой бабочки, и пестрый уборъ ея сыпался мѣлкою блестящею пылью; но она продолжала летать до тѣхъ поръ, пока наконецъ, израненная, изможденная струнами, мертвая упала въ отверстіе деки, среди сладостныхъ — восхитительныхъ аккордовъ.

— Что вы хотите етимъ сказать, спросилъ Капельмейстеръ?

— Сдѣлайте принаровленіе сами, любезный другъ. Я дѣйствительно слышалъ, какъ бабочка играла на вашихъ клавикордахъ, и хотѣлъ етимъ выразить мысль, которая родилась въ моей головѣ, когда услышалъ разсужденіе Доктора о болѣзни Беттины. Мнѣ всегда представлялось, что природа поставила насъ на безпре-

дѣльномъ клавесинѣ — и мы безпрестанно ударяемъ по струнамъ онаго; звуки и аккорды, невольно извлекаемые нами, прельщаютъ насъ — какъ наше собственное произведеніе; но часто мы ударяемъ по струнамъ такъ неосторожно и такъ негармонически, что смертельно уязвленные ихъ отраженіемъ, падаемъ безъ дыханія.

„Ето очень темно!“ сказалъ Капельмейстеръ.

— Охъ, погодите! вскричалъ со смѣхомъ Докторъ: онъ хочетъ осѣдлать своего *конька*, и во всю прыть скакать въ страну предчувствій, сумпатій, мечтаній, и остановится развѣ въ области магнетизма.

„Тише, тише, велемудрый Докторъ!“ сказалъ путешествующій ентузіастъ: „не смѣйтесь надъ такими вещами, коихъ чудную силу вы сами признали за подлинную. Не сей часъ ли вы сказали, что болѣзнь Беттины есть совершенно псухическая, душевная!“

Но какое отношеніе находите вы между Беттиною и бѣдною бабочкою? сказалъ Докторъ.

— Изслѣдовать все въ подробности, осматривать со всѣхъ сторонъ каждую пылинку — работа слишкомъ скучна! сказалъ путешествующій ентузіастъ. Оставимъ прахъ бабочки въ покоѣ внутри клавикордовъ.

Прошедшій годъ, когда я пріѣхалъ сюда, бѣдная Беттина была въ большой модѣ; за нею, какъ говорятъ, всѣ гонялись, и не могли пить чаю, не услышавъ, какъ Беттина поетъ какой нибудь Испанскій романсъ, Италіанскую пѣсенку, или романсъ Французской во вкусѣ: *Часто любовь* и пр. Признаюсь, я искренно боялся, какъ бы бѣдное дитя не погибло въ океанѣ чаю, которымъ ее повсюду угощали. Етого, къ счастію, не случилось, однакожъ она не миновала другаго несчастія. — „Какого несчастія?“ воскликнули вдругъ и Докторъ и Капельмейстеръ.

— Да вотъ видите, господа, продолжалъ ентузіастъ: бѣдная Беттина околдована, какъ обыкновенно говорятъ, и (чего бы ни стоило мнѣ ето признаніе) я тотъ волшебникъ, который сдѣлалъ ето; но подобно ученику колдуна, не умѣю еще разрушить того, что̀ самъ сдѣлалъ.

„Вздоръ! вздоръ!“ вскричалъ Докторъ, поднявшись: „онъ дурачитъ насъ, и мы преспокойно слушаемъ.“ — Да какое несчастіе-то, несчастіе? — перервалъ Капельмейстеръ.

— Молчите только, господа, сказалъ ентузіазтъ: я раскажу вамъ все. Считайте мое волшебство за шутку, если вамъ угодно; однакожь мнѣ весьма горько было сдѣлаться, не хотя, и не зная, причиною болѣзни Беттининой, и безъ сознанія служитъ проводникомъ струи електрической, которой . . . — Но, но, но, сказалъ Докторъ, бѣгая верхомъ на своей палкѣ. Поѣхалъ — и вотъ ужь его скакунъ винтуетъ въ разныя стороны.

— Разсказывайте же, разсказывайте, вскричалъ Капельмейстеръ.

— Прежде всего припомните, г. Капельмейстеръ, тотъ день, когда Беттина пѣла въ послѣдній разъ предъ тѣмъ, какъ она потеряла голосъ въ церкви; вспомните, что ето случилось въ Свѣтлое воскресеніе прошедшаго года; вы одѣты были въ черное Французское платье, и дирижировали въ прекрасной Гайденовой обѣднѣ, бемольной. Голоса *сопрано* пору-

чено было хору молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ однѣ пѣли, а другія только считали себя поющими. Между ними находилась Беттина; небольшія соло она пропѣла голосомъ полнымъ и звонкимъ. Вы знаете, что я былъ тогда между тенорами. Въ ту самую минуту, какъ надобно было начинать *Sanctus*, я услышалъ легкой шумъ позади себя; невольно оборотился, и къ величайшему удивленію моему, увидѣлъ, что Беттина оставила хоръ, и продиралась вонъ между пѣвчихъ и музыкантовъ. — Вы идете вонъ, спросилъ я. — Порà, отвѣчала она, идти въ другую церковь, гдѣ мнѣ надобно пѣть еще кантату; нынѣшній же вечеръ нужно попробовать пару дуетовъ; а тамъ — во дворцѣ будетъ ужинъ: вы туда придете; мы пропоемъ хоры изъ Генделева Мессіи, и первый Финалъ изъ Свадьбы Фигаро.

Въ продолженіе сего разговора величественные аккорды *Sanctus* раздавались подъ сводами церкви, и ѳуміамъ голубымъ облакомъ поднимался до самаго купола. — Не уже ли вы не знаете, сказалъ я, что оставлять церковь во время пѣнія *Sanctus* есть грѣхъ непростительный?

Я думалъ сказать ето въ шутку; но слова мои приняли какъ-то торжественный тонъ. Беттина поблѣднѣла, и молча вышла изъ церкви. Съ етой самой минуты у ней не стало голоса. —

Докторъ, какъ вкопаный стоялъ, опершись на свою трость, и хранилъ молчаніе.

„Ето прекрасно!" вскричалъ Капельмейстеръ.

— Сначала, продолжалъ ентузіастъ, я и не думалъ о томъ, что̀ сказалъ Беттинѣ; но какъ скоро узналъ отъ васъ, г. Докторъ, что Беттина больна, то и вспомнилъ одну исторію, которую читалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ въ какой-то старой книгѣ; она кажется мнѣ столь занимательною, что я хочу разсказать ее вамъ.

— Разскажите, сдѣлайте милость, воскликнулъ Капельмейстеръ: можетъ быть она подастъ мнѣ хорошую матерію для оперы.

— Любезный Капельмейстеръ! сказалъ Докторъ: если вы умѣете класть на музыку всѣ мечтательныя бредни, предчувствія и магнетическія изступле-

нія, то вы найдете весьма богатую матерію въ сей исторіи; ибо въ ней, безъ сомнѣнія, о етомъ только и говорится.

Не удостоивъ Доктора отвѣтомъ, путешествующій ентузіастъ, усѣлся въ своихъ креслахъ, и важнымъ тономъ началъ: „Лагерь Изабеллы и Фердинанда разстилался на необозримомъ пространствѣ предъ стѣнами Гренады. . .“

— Царю небесный! вскричалъ Докторъ — онъ начинаетъ такъ, какъ будто хочетъ разсказывать девять дней и девять ночей сряду; а я сижу здѣсь, между тѣмъ какъ мои больные страждутъ! Я ни сколько не нахожу толку въ вашихъ Арабскихъ сказкахъ на манеръ Гонзальва Кордуанскаго: довольно для меня и того, что я слышалъ, какъ поетъ Бештина. Унеси меня, Господи!

Съ сими словами Докторъ вышелъ.

Капельмейстеръ спокойно оставался въ своихъ креслахъ, и сказалъ: ето, какъ я вижу, вѣрно исторія какой нибудь войны Мавровъ съ Испанцами. Давно хотѣлось мнѣ сочинить что нибудь подобное въ етомъ родѣ: тутъ будутъ сраженія, всеобщее смятеніе, романсы, марши, цим-

балы, хоры, барабаны и литавры — да, да, и литавры. Теперь мы одни; разскажите мнѣ вашу исторію, любезный другъ. Кто знаетъ? можетъ быть отъ етаго и зародится какая нибудь мысль въ моей головѣ.

„Безъ всякаго сомнѣнія, г. Капельмейстеръ! Вы все умѣете повернуть въ оперу, а потому-то умные люди, утверждающіе, что музыкою должно наслаждаться съ большою умѣренностію, считаютъ васъ совершеннымъ дуракомъ. Однакожъ я все таки разскажу вамъ свою исторію, а вы между тѣмъ время отъ времени будете прерывать разсказъ мой не большими аккордами. Тутъ путешествующій ентузіастъ началъ:

„Шатры Изабеллы и Фердинанда Аррагонскаго простирались на необозримой равнинѣ предъ стѣнами Гренады. Тщетно ожидая помощи, стѣсняемый отвсюду болѣе и болѣе, подлый Боабдилъ, въ насмѣшку прозванный своими подданными царькомъ, искалъ утѣшенія въ однихъ жестокостяхъ, которымъ онъ предавался. Но чѣмъ больше уныніе и отчаяніе овладѣвало народомъ и воинами Гренады, тѣмъ болѣе надежда побѣды, и пла-

менное желаніе битвы одушевляло воиновъ Испанскихъ. Штурмъ сочтенъ былъ ненужнымъ. Фердинандъ, мѣшалъ работамъ осажденныхъ. Сіи маленькія стычки походили болѣе на потѣшныя солдатскія игры, нежели на кровавыя битвы, и самая смерть, постигавшая воиновъ, только возбуждала мужество прочихъ сражающихся; ибо жертвамъ оной воздаваемы были почести со всѣмъ Христіанскимъ великолѣпіемъ — какъ мученикамъ вѣры.

„Прибывъ туда Изабелла выстроила среди лагеря деревянное зданіе необычайной величины съ башнями, на вершинахъ коихъ развѣвалось знамя креста. Внутренность онаго была назначена для монастыря и церкви — гдѣ монахини Бенидиктинскаго ордена каждой день отправляли службу. Всякое утро Королева, сопровождаемая своей свитою и рыцарями ходила къ обѣднѣ, которую служилъ обыкновенно ея духовникъ, а ликъ составляли монахини.

„Однажды утромъ Изабелла услышала голосъ, коего гармоническіе звуки отличались отъ всѣхъ прочихъ; и странное произношеніе стиховъ совершенно увѣрило ее, что ета монахиня поетъ въ первый

разъ внутри стѣнъ священныхъ. Изабелла осмотрѣвшись вокругъ себя, замѣтила, что и свита раздѣляла ея удивленіе. Она начинала уже думать, не случилось ли чего нибудь особеннаго, какъ взоры ея упали на храбраго Генерала Агиляра, бывшаго отъ нея не въ далекѣ. Онъ стоялъ на колѣнахъ, сложивъ руки; какое-то пламенное желаніе изображалось въ его глазахъ, — съ величайшимъ вниманіемъ устремленныхъ на рѣшетку хора. По окончаніи обѣдни Изабелла пошла въ комнаты настоятельницы Донны Маріи, спросить ее объ етой странной пѣвицѣ.

»Вспомните, Ваше Величество, сказала Донна Марія, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ, Донъ Агиляръ составилъ планъ атаковать внѣшнее укрѣпленіе съ величественною террасою, которая служитъ мѣстомъ прогулки для Мавровъ. Въ ету самую ночь нечестивыя пѣсни язычниковъ разносились по нашему лагерю, какъ пѣсни сиренъ; и ее то храбрый Агиляръ нарочно выбралъ для разрушенія вертепа невѣрныхъ. Укрѣпленіе было разрушено; женщины, попавшіяся въ плѣнъ, были отведены во время сраженія, какъ

вдругъ новое непріятельское войско заставило побѣдителя отступить въ лагерь. Непріятель не смѣлъ его преслѣдовать — и плѣнницы остались у Испанцевъ. Между ними была одна, коей отчаянная горесть возбудила вниманіе Дона Агиляра; онъ подошелъ къ ней; она имѣла на себѣ покрывало, и какъ будто не находя лучшаго выраженія своей горести, кромѣ пѣнія, сняла съ своей шеи цитру (музыкальный инструментъ своей націи), висѣвшую на золотой лентѣ и сдѣлавъ нѣсколько аккордовъ, запѣла романсъ, въ коемъ изображалось страданіе двухъ насильно - разлучаемыхъ любовниковъ. Агиляръ, чрезвычайно тронутый сими жалобами, рѣшился возвратить ее въ Гренаду; тогда она бросилась къ его ногамъ, и подняла свое покрывало. Не Зюлема ли ты, лучшая пѣвица Гренады? воскликнулъ Агиляръ. Ето въ самомъ дѣлѣ была Зюлема, которую онъ замѣтилъ во время своего посольства къ царю Боабдилу. — Я даю тебѣ свободу, сказалъ Агиляръ. — Но почтеннѣйшій отецъ Агастино Санхецъ, бывшій тогда въ лагерѣ Испанскомъ, съ распятіемъ въ рукахъ, сказалъ ему: вспомни, что ты дѣлаешь зло етой плѣнницѣ, от-

сылая ее къ невѣрнымъ. Можетъ быть здѣсь, между нами, благодать Божія просвѣтила бы ее, утвердила бы въ нѣдрахъ нашей церкви. Агиляръ отвѣчалъ: такъ, пусть останется на мѣсяцъ между нами; а послѣ, если она не почувствуетъ въ себѣ дѣйствія духа Божія, — пусть возвратится въ Гренаду. — Такимъ образомъ, В. В. Зюлема принята была въ нашъ монастырь. Сначала предавалась необыкновенной горести, и наполняла монастырь нашъ пѣснями то странными и дикими, то печальными и жалобными; повсюду слышенъ былъ ея звонкой голосъ. Въ одну ночь, когда мы собрались на хорахъ церковныхъ, и пѣли часы, я замѣтила при сіяніи восковыхъ свѣчь, Зюлему, стоящую у дверей хора, которыя оставались незатворенными; она смотрѣла на насъ съ видомъ важнымъ, и, казалось, о чемъ-то размышляла; и когда мы по двѣ въ рядъ всѣ удалились, Зюлема преклонила колѣна предъ образомъ Богоматери. Въ слѣдующій день она не пѣла романсовъ; она провела его въ молчаніи и размышленіяхъ. — Вскорѣ начала мало по малу пробовать на своей цитрѣ аккорды хора, пѣтаго нами въ церкви, потомъ тихимъ

голосомъ напѣвать его, стараясь даже выговаривать слова, которыя весьма странно отзывались въ ея устахъ.

„Я замѣтила, что духъ Божій является въ етомъ геніи и что онъ готовъ осѣнить душу ея своею благодатію, и послала сестру Еммануеллу, начальницу нашего хора, къ етой молодой язычницѣ, чтобы поддерживать священную искру, затлившуюся въ ней, и среди божественныхъ пѣснопѣній, которыя исполняли онѣ обѣ вмѣстѣ, наконецъ приняла она вѣру. Зюлема не принята еще была въ нѣдра церкви чрезъ таинство крещенія, но ей позволено было вмѣстѣ со мною молиться Богу, и удивительный голосъ свой употреблять во славу нашей святой религіи.

„Королева догадалась теперь, по чему Агиляръ, такъ скоро уступилъ возраженіямъ отца Агостино, и радовалась обращенію Зюлемы.

„Спустя нѣсколько дней Зюлема была крещена, и была наречена Юліей. Сама Королева и Маркизъ Кадикскій, Генрихъ Гузманъ, были восприемниками прекрасной Мавритянки. Надобно было

ожидать, что пѣсни Юліи послѣ крещенія сдѣлаются еще пламеннѣе. Всѣ замѣтили, что она какими-то странными звуками часто смѣшивала цѣлый хоръ. Иногда глухой звукъ ея цитры нѣмо отзывался подъ сводомъ храма, подобно ропоту бури. Юлія становилась часъ отъ часу безпокойнѣе, часто даже прерывала Латинскіе гимны словами Маврскими. Емануелла увѣщавала новообращенную мужественно противиться темному врагу души своей; но Юлія, не обращая вниманія на ея совѣты, часто къ великому соблазну сестеръ, начинала пѣть веселыя Маврскія пѣсни въ то самое время, когда хоры стараго Феррера возвышались до облаковъ. Она сопровождала сіи баллады легкою игрою на своемъ инструментѣ, которая совершенно противоположна была разнообразію священной музыки, и напоминала шумъ маленькихъ флейтъ Маврскихъ.«

— *Flauti piccoli*, октавныя флейты, сказалъ, Капельмейстеръ. Но, любезный другъ, до сихъ поръ я не нахожу въ твоей исторіи ничего, совершенно ничего годнаго для оперы; нѣтъ даже ни одного описа-

нія, а ето-то и есть главное. Однакожь епізодъ объ цитрѣ мнѣ очень понравился. — Скажите мнѣ, любезный другъ, не думаете ли и вы, равно какъ я, что чортъ поетъ тенеромъ, и такъ рознить, какъ... чортъ?

— Боже мой! вы со дня на день приобрѣтаете болѣе и болѣе сатирическаго духа, любезный Капельмейстеръ. Но позвольте мнѣ продолжать мою исторію; теперь разсказъ становится гораздо труднѣе, ибо мы приближаемся къ крітической минутѣ.

„Королева въ сопровожденіи главныхъ начальниковъ арміи пришла по обыкновенію въ монастырь Бенедиктинскихъ монахинь къ обѣднѣ. Нищій въ рубищѣ стоялъ у главныхъ воротъ; когда стражи хотѣли оттащить его, то онъ, какъ бѣшеный, началъ бросаться во всѣ стороны, и толкнулъ даже Королеву. Раздраженный Агиляръ хотѣлъ поразить его своимъ мечемъ, но нищій вынулъ изъ подъ своего плаща цитру, издалъ такіе страшные звуки, которые привели всѣхъ въ ужасъ. Стражи ударили его, а Изабеллѣ донесено было, что ето Маврскій плѣнникъ, лишив-

шійся ума, что ему дали свободу бѣгать повсюду въ лагерѣ, что онъ забавляетъ солдатъ своими пѣснями. Королева вошла въ трапезу и служба началась. Сестры хора пропѣли *Sanctus*, но въ ту самую минуту, какъ Юлія начала̀ звучнымъ голосомъ: Pleni sunt coeli gloria tua, звукъ цитры раздался въ церквѣ, и новообращенная закрывъ книгу, готовилась оставить налой. Тщетно настоятельница хотѣла удержать ее. — Не уже ли ты не слышишь знаменитыхъ аккордовъ мастера? сказала Юлія: я пойду къ нему и стану пѣть вмѣстѣ съ нимъ. Но Донна Емануела, удержавъ ее за руку, сказала торжественнымъ тономъ: грѣшница, оставляющая службу Господню, — въ сердцѣ твоемъ таятся мірскіе помыслы, удались отъ сихъ мѣстъ; голосъ твой умретъ, и звуки, которые даровалъ тебѣ Господь, чтобы славить Его, умолкнутъ навсегда.

Юлія въ молчаніи склонила голову и исчезла.

Во время заутрени, когда монахини опять собрались въ церковь, густой дымъ распространился подъ сводами. Вдругъ пла-

мя съ шумомъ проникло деревянныя стѣны, и зажгло монастырь. Монахини съ большимъ трудомъ спасли жизнь свою. Барабанный бой раздался по всему лагерю — солдаты пробудились — Агиляръ бѣгалъ въ смятеніи — полуобгорѣлый. Тщетно старался онъ спасти Юлію изъ пламени: она исчезла. Чрезъ нѣсколько времени обширный лагерь Изабеллы обратился въ пепелъ. Мавры пользуясь смятеніемъ, атаковали христіанскую армію; но Испанцы показали въ сію минуту мужество блистательнѣйшее, нежели когда либо, и какъ скоро непріятель принужденъ былъ отступить въ свои укрѣпленія, Королева Изабелла, собравъ начальниковъ войска, дала повелѣніе выстроить городъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно былъ ея лагерь. Это значило показать Маврамъ — что осада никогда снята не будетъ.

„Если бы можно было представлять на сценѣ предметы священные," сказалъ Капельмейстеръ: „то роль Юліи могла бы подать поводъ ко многимъ блестящимъ композиціямъ въ двухъ родахъ совершенно различныхъ, — т. е. въ романсахъ и пѣсняхъ церковныхъ. Маршъ Испанцевъ былъ

бы не худъ на сценѣ, а явленіе нищаго весьма бы къ статй прервало оный. Но продолжайте, возвратимся къ Юліи — она, думаю я, вѣдь не сгорѣла.“

— Замѣтьте прежде всего, любезный Капельмейстеръ, что городъ, построенный тогда Испанцами въ продолженіе двадцати одного дня, есть Сантафé, который и теперь еще существуетъ. Ето мимоходомъ; но ваши замѣчанія сбили меня съ надлежащаго тона моей исторіи. Я невольно заговорилъ стилемъ фамиліарнымъ. Чтобы мнѣ поправиться, сыграйте, сдѣлайте милость, что нибудь изъ сочиненій Палестрины, которыя развернитe на вашемъ фортепіано.

Капельмейстеръ исполнилъ желаніе путешествующаго ентузіаста — и сей продолжалъ:

«Мавры не переставали безпокоить Испанцевъ во время строенія ихъ города; въ слѣдствіе чего было много кровавыхъ битвъ, гдѣ Агиляръ являлъ необыкновенное мужество; возвращаясь однажды съ такого сраженія, онъ оставилъ свой ескадронъ у миртовой рощи, и продолжалъ

путь одинъ, предавшись своимъ мыслямъ. Образъ Юліи безпрестанно представлялся глазамъ его. Въ самомъ сраженіи, ему слышался голосъ ея, и даже въ эту самую минуту, казалось, онъ различалъ вдали какіе-то странные звуки, какое-то смѣшеніе напѣва Маврскаго съ церковнымъ; вдругъ стукъ оружія раздался позади его; Маврскій всадникъ на легкомъ Арабскомъ конѣ быстро летѣлъ на Агиляра, и дротикъ просвистѣлъ мимо ушей его. Агиляръ хотѣлъ устремиться противъ наѣздника, но другой дротикъ вонзился въ грудь его лошади — она вскрикнула отъ бѣшенства и боли, и сбила своего всадника. Испанскій Генералъ проворно вскочилъ, но Мавръ былъ уже подлѣ него, въ стременахъ, и занесъ надъ нимъ палашъ. Агиляръ въ мгновеніе ока бросился на него, крѣпко сжалъ его могучими руками, и ударилъ объ-земь, прежде нежели тотъ могъ нанести хоть одинъ ударъ; потомъ прижавъ колѣномъ въ грудь, приставилъ ему къ горлу свой кинжалъ. Онъ готовъ уже былъ пронзить его, какъ Мавръ съ вздохомъ произнесъ имя Зюлемы! — Несчастный! вскричалъ Агиляръ: чье имя произнесъ ты!

— Убей меня! убей! сказалъ Мавръ, убей того, кто клялся убить тебя. Узнай, хрістіанинъ, что я Гишемъ, послѣдняя отрасль Альгамарова, и что я-то похитилъ у тебя Зюлему! Я тотъ нищій, который сжегъ твою нечестивую церковь, чтобы спасти душу моихъ помысловъ! Убей же меня, прекрати жизнь мою, ибо я не могу исторгнуть у тебя твоей.

— Зюлема существуетъ! Юлія жива еще! вскричалъ Агиляръ. Гишемъ началъ изрыгать ужасное богохульство: она жива, сказалъ онъ, но вашъ Богъ поразилъ ее какимъ-то магическимъ проклятіемъ, и цвѣтокъ едва развернувшійся увялъ въ вашихъ рукахъ; ея мелодическій голосъ замеръ въ груди ея, скоро вмѣстѣ съ пѣснями, и жизнь оставитъ Зюлему. Убей же меня, хрістіанинъ, ибо ты у меня отнялъ болѣе самой жизни.

Агиляръ медленно всталъ. — Гишемъ! сказалъ онъ: Зюлема была моею плѣнницею по законамъ войны; просвѣщенная благодатію Божіею, она отреклась отъ вѣры въ Магомета; такъ не называй же душею помысловъ твоихъ ту, которая сдѣ-

лалась моею дамою, или готовься оспорить ее у меня законнымъ порядкомъ, возми твое оружіе!

Гишемъ проворно схватилъ свой щитъ и палашъ, но вмѣсто того, чтобы нападать на Агиляра, пришпорилъ своего коня и ускакалъ съ быстротою молніи.«

Тутъ Капельмейстеръ подражательно выразилъ на фортепіано шумъ удаляющагося всадника; путешественникъ давъ знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ разсказывать, продолжалъ свою повѣсть.

„Безпрестанно поражаемые въ своихъ вылазкахъ, томимые голодомъ, Мавры принуждены были сдаться на капитуляцію, и отворить ворота Фердинанду и Изабеллѣ, которые торжественно вступили въ Гренаду. Священники освятили уже одну большую мечеть, и переименовали ее въ соборную церковь; всѣ отправились туда, пѣли торжественное *Te Deum*, и благодарили Бога браней. Всѣмъ было извѣстно неистовое остервененіе Мавровъ, а потому нѣкоторыя дивизіи войска расположены были въ ближайшихъ улицахъ и прерывали процессію. Агиляръ, командовавшій одною изъ сихъ дивизій,

шелъ прямо къ соборной церкви, какъ вдругъ почувствовалъ себя раненымъ стрѣлою въ лѣвое плечо. Въ ту же минуту толпа Мавровъ вырвалась изъ тѣсной улицы, и напала на христіанъ съ невѣроятнымъ бѣшенствомъ. Гишемъ былъ впереди ихъ; Агиляръ замѣтивъ его, преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока не вонзилъ своего меча въ грудь его. Испанцы преслѣдовали Мавровъ до большаго каменнаго дома, коего ворота отперлись, и опять заперлись за ними. Чрезъ нѣсколько минутъ цѣлое облако стрѣлъ вылетѣло изъ оконъ сего дома; многіе изъ людей Агиляровыхъ были ранены, и онъ приказалъ принести факеловъ и прутьевъ. Приказаніе было исполнено, и пламя возвышалось уже до кровель, какъ вдругъ въ горѣвшемъ домѣ раздался удивительный голосъ. Онъ пѣлъ весьма выразительно: Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth!

— Юлія! Юлія! вскричалъ Агиляръ въ отчаяніи. Ворота отворились и Юлія въ одеждѣ Бенедиктинской монахини выступала впередъ, повторяя: Sanctus, sanctus Dominus Sabaoth! За нею тянулся длинный рядъ Мавровъ съ поникшими главами, сло-

живъ крестообразно руки на груди. Испанцы невольно отступили, а Юлія съ Маврами прошла сквозь ихъ ряды до самой соборной церкви, и при входѣ въ нее запѣла Benedictus, qui venit in nomine Domini. Весь народъ невольно палъ на колѣна! Юлія возведя взоры къ небу, приближилась къ главному олтарю, гдѣ стояли Фердинандъ и Изабелла, и благоговѣйно пѣли молитвы. При послѣдней строфѣ, Dona nobis pacem, Юлія, бездыханная, пала въ объятія Королевы. Всѣ слѣдовавшіе за нею Мавры въ тотъ же день получили святое крещеніе.“

Ентузіастъ окончилъ уже свою Исторію, какъ вошелъ Докторъ съ большимъ шумомъ и закричалъ: вы тутъ только и дѣлаете что разсказываете другъ другу исторіи о другомъ мірѣ, забывъ, что у васъ въ сосѣдствѣ больная, что вы увеличиваете болѣзнь ея.

— Что такое случилось, любезный Докторъ, сказалъ Капельмейстеръ испугавшись.

— Я знаю что̀, сказалъ ентузіастъ, съ спокойнымъ видомъ.

— Ни больше, ни меньше, а вотъ что: Беттина вошла въ боковый кабинетъ, и все слышала. Вотъ слѣдствіе вашихъ сумазбродныхъ исторій и глупыхъ идей; но вы будете отвѣчать за все, если что̀ случится.

— Но г. Докторъ! прервалъ ентузіастъ: вспомните, что болѣзнь Беттины есть совершенно нравственная, что слѣдовательно ей надобно и лѣкарство нравственное, и что можетъ быть моя исторія. . .

— Перестаньте — перестаньте! сказалъ Докторъ. Я знаю, что̀ вы хотите сказать.

— Она совсѣмъ не годится для оперы; впрочемъ можно бы набрать нѣсколько арій, довольно изрядныхъ, сказалъ уходя Капельмейстеръ.

Спустя недѣлю послѣ сего Беттина гармоническимъ голосомъ пѣла Перголезову: Stabat mater.

Окт. 8.
1830 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Волга, символъ могущества Россіи (*).

Яснѣе ль Рейнъ течетъ въ брегахъ своихъ,
Иль далѣе стремится токъ Дуная,
Чѣмъ Волги брегъ среди долинъ родныхъ,
Славянъ отчизну орошая?
Превознесенные, въ Исторіи временъ,
Упившись кровію безчисленныхъ племенъ,
Чѣмъ славу вы свою въ народахъ утвердили?
Тевтоновъ ли набѣгъ на Римъ остановили,
Иль защищали вы Германіи сыновъ? . . .
Вы сблизили между собой враговъ,
И ихъ какъ гробы поглотили! . . .

Римъ палъ . . . явился *Средній міръ*
На Западѣ Европы полудикой;
Низринулся язычества Кумиръ,
И могъ одинъ народъ великой
Надъ Западомъ владѣть, какъ бы семья дѣтей;
Но брани звукъ не умолкаетъ,
И вѣра благости, любви, не прекращаетъ
Убійства, мятежа и бѣдствія людей!

(*) Читано въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ.

Міръ новый наступилъ. . . благое просвѣщенье,
За вѣру, за корысть пресѣкло всѣ вражды;
Но мирныя оратаевъ бразды
Дымятся кровію, и новыя мученья!
Народовъ страхъ, возсталъ Наполеонъ,
И Рейнской Цѣпью ихъ подъ иго подклоняя,
Свободой мнимой обольщая,
Надъ ними утвердилъ свой тронъ . . .
Отъ Волжскихъ береговъ, народъ великодушный
Внявъ жалобамъ низвергнутыхъ Царей,
Монарху своему послушный,
Дунай и Рейнъ прешедъ, далъ миръ Европѣ всей.

Страны, тобой, о Волга! напоенны,
Блистаютъ красотой превыше всѣхъ красотъ:
Всевышняго десницей осѣненны
Струи твоихъ величественныхъ водъ.
При нихъ града̀ и веси процвѣтаютъ,
Не пышнымъ блескомъ тлѣнныхъ благъ;
Но мирнымъ счастіемъ, но вѣрою въ сердцахъ
Россіяне свое величье утверждаютъ.
И утвердятъ его на долгіе вѣка,
Унизивъ гордыя враговъ кичливыхъ выи,
И будешь ты, великая рѣка,
Сѵмволомъ вѣчнаго могущества Россіи!

Твоимъ путемъ прольется чистый свѣтъ
Туда, гдѣ колыбель народовъ въ униженьи,
И шумъ твоихъ валовъ, какъ радостный привѣтъ,
Ей возвѣститъ освобожденье!

И пробудится жизнь въ безмолвіи лѣсовъ,
И нивы процвѣтутъ среди степей забытыхъ;
Источники богатствъ сокрытыхъ
Откроются для счастія градовъ. . .

Какъ изъ безчисленныхъ стекающихся водъ
Едино Волжское сліялося теченье;
Разноплеменныхъ такъ народовъ съединенье
Единый, доблестный составило народъ.
Какъ безпрепятственно, о Волга величава,
Свершаешь должный путь среди бреговъ своихъ;
Такъ ты, великая Держава,
Идешь въ свершеніи намѣреній благихъ:
Не бури, не потопъ, не грозны разрушенья
Твой знаменуетъ, Волга, слѣдъ;
Такъ вы, Россіяне, одно благотворенье
Даруете средь мира, средь побѣдъ.

Пусть славою своей Дунай и Рейнъ гордятся,
Вы, вы любезны намъ, о Волжскія струи,
Въ васъ небеса родимыя намъ зрятся,
Родимыя по васъ несутся ладіи.
Здѣсь драгоцѣнныя для сердца вспоминанья;
Здѣсь нами всѣ свершились ожиданья;
Подъ кровомъ *Мудраго, Великаго Царя*
Мы наслаждаемся спокойствіемъ отраднымъ;
Прекрасная Отечества заря
Смѣнилася днемъ яснымъ, благодатнымъ.

Профессоръ Алексѣй Зиновьевъ.

СМѢСЬ.

Китайскій обѣдъ.

Китайское пиршество есть достопримѣчательность особеннаго рода. Послушаемъ, какъ Англичанинъ, *живущій въ Кантонѣ*, описываетъ одно изъ нихъ.

Панькекуа, называемый обыкновенно Сквайромъ, членъ Гонга, давалъ нѣкоторымъ Англійскимъ факторамъ обѣдъ, при которомъ и я имѣлъ счастіе находиться. Домъ его далъ мнѣ полное понятіе о жилищѣ зажиточнаго Китайца. Въ собственномъ же смыслѣ не льзя было назвать домомъ рядъ особенныхъ, однакожь связанныхъ между собою строеній, между которыми находились цвѣтники и бассейны съ плавающими на нихъ водяными лилеями. Въ семъ лабиринтѣ комнатъ и переходовъ, намъ часто случалось проходить по кругообразнымъ аркадамъ, какія изображаются на Китайскомъ фарфорѣ. Наконецъ мы пришли въ столовую. Насъ было около пятнадцати человѣкъ. Сперва

подали супъ изъ салангановыхъ гнѣздъ въ небольшихъ фарфоровыхъ чашкахъ; для меня показался онъ очень вкуснымъ; всего ближе можно сравнить его съ лапшою; но съ супомъ изъ черепахъ или изъ дикихъ утокъ совершенно не льзя сравнивать его. Было двадцать перемѣнъ, а блюдъ безчисленное множество; за одинъ разъ бы насчиталъ ихъ шестьдесятъ; это были небольшія чашки изъ прекраснаго фарфора, въ три ряда поставленные по срединѣ стола. Намъ дали замѣтить, что мы будемъ имѣть счастіе — не скажу, правда ли это, или нѣтъ — кушать пареныя голубиныя яйца, жареное изъ дикихъ кошекъ, фрикассе изъ лягушекъ, сушеныхъ червей, къ которымъ особенно идетъ десертное вино, перья рыбы аккулы и другія лакомства, которымъ Европейскіе предразсудки вѣрно дали бы совсѣмъ другое названіе; однакожь изъ чего бы ни состояли сіи блюда — но съ небольшою примѣсью Японской сои или ассенціи изъ погребныхъ червей, какой лучше я нашелъ да еще не ѣдалъ, онѣ были чрезвычайно вкусны. Мясное, какъ то фазаны, куропатки, и всякая дичь было изрѣзано на мѣлкіе куски, и поставлено въ маленькихъ

чашкахъ; а такъ какъ вмѣсто ножей и вилокъ, у насъ были только по двѣ не большихъ круглыхъ, и гладкихъ палочекъ изъ слоновой кости, обложенныхъ серебромъ, то мы и не знали, какъ поднести его ко рту; въ первые полчаса я дѣйствительно думалъ, что мнѣ никакъ не удастся пропустить въ голодную гортань свою и кусочка сего драгоцѣннаго мяса; но вдругъ, какъ бы по вдохновенію какому-то я узналъ надлежащее употребленіе сихъ орудій; тутъ все пошло своимъ чередомъ, и къ концу обѣда я такъ искусился, что етими палочками изъ слоновой кости умѣлъ брать самые малые кусочки.

Всѣ кушанья отмѣнно жирны, такъ что надобно пить очень много зеи-гинга, если только онъ не вреденъ. Ето родъ бѣлаго вина, или лучше ликера — не дурнаго вкуса. Чашка, изъ которой пьютъ его, величиною не болѣе тѣхъ чашекъ, какими у насъ играютъ дѣти; церемонія тостовъ состоитъ въ томъ, чтобы, взявъ чашку въ обѣ руки, сдѣлать чинъ-чинъ, т. е. нѣсколько времени другъ другу кланяться и трясти головою; потомъ пьютъ и показываютъ сосѣду своему дно чашки,

въ увѣреніе, что она опорожнена. Панке-куа предлагалъ много разныхъ тостовъ, и мы пили отъ всего сердца: за здоровье Богдыхана, Короля Англійскаго, Индійской кампаніи, факторіи, нашего любезнаго хозяина и проч.

Нѣсколько дней послѣ того Тхоунъ-Куа, другой купецъ изъ Гонга, давалъ большой пиръ и зингъ-зонгъ или родъ театральнаго зрѣлища. Представленіе происходило въ чрезвычайно большой залѣ, коея одинъ конецъ занятъ былъ театромъ, между тѣмъ какъ въ другомъ накрыты были столы персонъ на сто или болѣе. Обѣдъ происходилъ здѣсь совершенно на Англійскій манеръ. Зрѣлище началось, когда мы сидѣли еще за столомъ, и когда встали, оно еще не кончилось, и продолжалось довольно долго послѣ того. Оно открылось стукотнею цимбаловъ, звонковъ, бубенъ и такъ называемыхъ тамсъ-тамсъ, между коими слышны были арфы, лютни, гобои, гусли — отвратительная музыкальная безолаборщина, между тѣмъ какъ это была можетъ статься новая увертюра, геніальное произведеніе какого нибудь Китайскаго Россина. Потомъ играли родъ исторической пан-

томимы, въ которой, какъ мнѣ казалось, цари безпрестанно возводимы были на престолъ, и низвергаемы. Въ продолженіе перваго часа мы ничего не видали, кромѣ сраженій съ различными выходками; весьма богато одѣтые воины были украшены лентами на разныхъ частяхъ тѣла; вооруженіе ихъ состояло изъ бердышей, щитовъ, луковъ, дубинъ и проч. Весьма быстро бѣгали они туда и сюда, мотали своимъ оружіемъ во всѣ стороны, но не касались другъ друга, сколь близко ни находились между собою. Музыка сопровождала и оживляла сіи воинскія движенія, пока всѣ цари, коимъ заблаговременно назначена корона или смерть, не окончили одинъ за другимъ своего сраженія на сценѣ, и пока не пришелъ ихъ часъ. За симъ слѣдовалъ родъ комедіи или шутки, въ которой сюжетъ и характеры были новѣе и понятнѣе. Даже было тутъ что-то похожее на дѣйствіе; между прочимъ показывалось одно лице, судя по чрезмѣрному смѣху и похваламъ Китайскихъ зрителей, особенно остроумное и забавное. Роли женщинъ играны были евнухами не приятной наружности. Головной уборъ весьма присталъ имъ. Въ одномъ явленіи,

дѣйствительно занимательномъ, вѣроятно представлялась внутренность Китайскаго гарема: шесть женщинъ явились прядущими шелкъ; потомъ одна послѣ другой пѣли такимъ голосомъ, который показался намъ очень пріятнымъ, вѣроятно по причинѣ контраста съ грубыми тонами, слышанными нами прежде.

Въ междудѣйствіяхъ етого фарса, прыгуны съ большимъ проворствомъ выкидывали разнаго рода штуки, и они во многомъ могли бы поспорить съ отличнѣйшими Европейскими искусниками въ семъ родѣ. Достопримѣчательнѣйшая штука была слѣдующая: поставленъ былъ столъ посреди сцены, и человѣкъ около тридцати съ невѣроятною почти скоростію кувыркались чрезъ него иногда по три и по четыре раза вдругъ подобно стаду делфиновъ.

Къ здѣшнимъ достопримѣчательностямъ принадлежатъ сады по ихъ весьма пріятному расположенію. Они отстоятъ на 20 минутъ пути отъ Кантона; ихъ есть полдюжины — одинъ подлѣ другаго; въ срединѣ находится правиль-

ный бассейнъ; и въ разныхъ мѣстахъ стоятъ небольшіе храмы и павильоны. Дорожки съ обѣихъ сторонъ обсажены оранжевыми деревами и унизаны камеліями въ горшкахъ на деревянныхъ подставкахъ. Есть также много и другихъ вѣтвистыхъ растѣній. Китайцы умѣютъ дѣлать карликовъ изъ всякаго дерева, такъ что растѣніе въ миніатюрѣ совершенно походитъ на природное. Часто видите такія дерева на хребтѣ фарфороваго буйвола, на головѣ птицы, на хвостѣ собаки и пр. Чѣмъ нелѣпѣе мысль, тѣмъ она считается изящнѣйшею. Вообще безобразное-смѣшное имѣетъ особенную прелесть для Китайцевъ. Вкусъ ихъ въ своей сущности, кажется, совершенно противоположенъ вкусу всѣхъ прочихъ народовъ; ибо не симметрія, но уродливость есть цѣль ихъ искусства и предметъ ихъ удивленія. Въ сочиненіяхъ, въ языкѣ, въ обычаяхъ они являются каррикатурами другихъ націй и фигура ихъ есть совершенный бюрлескъ образа человѣческаго. Они не только охотно смѣются, но и даютъ богатую матерію для смѣха; въ два мѣсяца, проведенныя мною съ ними, казалось, я видѣлъ безпрерывное шутовство. И потому кто съ Демо-

кріпомъ думаетъ, что истинная філософія состоитъ въ томъ, чтобы смѣяться о страданіяхъ и слабостяхъ рода человѣческаго, а не сокрушаться о нихъ; тотъ пріѣзжай сюда и смѣйся въ свое удовольствіе.

Съ Нѣм. В. Ч.

О поваренномъ искусствѣ у древнихъ Римлянъ.

Римляне были народъ образованный болѣе въ чувственномъ, нежели умственномъ отношеніи — отсюда ихъ мужество, ихъ непобѣдимая храбрость въ лучшія времена республики. Но когда, чрезъ обращеніе съ Греками, нравы ихъ начали упадать, когда сокровища всего извѣстнаго міра стекалися въ Римъ; тогда они сдѣлались также разборчивы въ разсужденіи стола, какъ прежде были мужественны и храбры, побѣждая неприятелей. Гастрономія сдѣлалась особенной наукою, такою при томъ, что цѣль была, не только доставлять вкусу величайшія удовольствія, но и поправлять разстроенный желудокъ; ибо скоро узнали, что лако-

мыя кушанья не всегда бывают безвредны. Обременивъ себя, на примѣръ, сладкимъ или кислымъ, винами, пряностями и подобными, льстящими вкусу, яствами, они старались освободить органы пищеваренія отъ всего излишняго посредствомъ знаменитой *похлебки* (*) и другихъ крѣпко насоленныхъ кушаньевъ; употребляя при семъ морскую соль, особенно ессенціи, проникнутыя морскою водою, они совершенно достигали своей цѣли посредствомъ большой пропорціи оной въ отношеніи къ горькой соли. (Кто хочетъ узнать ето короче, тотъ смотри *Цельса* 2. 29. и *Гораціевы* Сатиры 2, 4, 58.) Много спорили о приготовленіи блюдъ у древнихъ народовъ, и всегда считали оное совершенно противоположнымъ уставу новѣйшаго поваренннаго искусства. Кажется, сіе заблужденіе происходило единственно отъ неправильнаго изъясненія авторовъ, писавшихъ объ етомъ. *Апицій*, на котораго особенно мы ссылаемся, безъ сомнѣнія имѣлъ *смакъ*, образованностію нимало не уступающій разборчивости какого нибудь плошо-

(*) Похлѣбка *Garum* приготовлялась изъ соленой морской рыбы, съ виномъ или уксусомъ, въ пропорціи 1 : 3.

угодника нашихъ временъ; а потому невѣроятно, кажется, чтобы его композиціи были не вкусны. Напротивъ я готовъ доказать, что онѣ дѣйствительно теперь могутъ заслужить похвалу нашихъ гастрономовъ, если только приготовлять ихъ надлежащимъ образомъ. Предлагаю на общій судъ нѣсколько опытовъ изъ девятой главы седьмой книги: *о роскошныхъ яствахъ*. Здѣсь онъ сообщаетъ намъ слѣдующее:

Окорокъ надобно варить съ большимъ количествомъ фигъ и съ тремя лавровыми листами; потомъ сними кожу, сдѣлай четвероугольныя насѣчки, наполни сіи насѣчки медомъ; приготовь тѣсто изъ масла и муки, покрой имъ окорокъ, какъ бы кожею; когда запечется тѣсто, вынимай его изъ печки и подавай.

Во второй главѣ той же книги:

Свиное вымя надобно варить, очистивъ оное отъ млечныхъ проходовъ; посыпь его солью и поставь въ печь; или жарь на скороводѣ, приправивъ крупнымъ перцемъ или зорею. Посыпь крахмаломъ и облей смѣсью изъ похлебки (garum), краснаго вина и винограднаго морса, коего употребляется при вареніи двѣ трети.

Пассеніевъ заяцъ. Очисти зайца, выбери кости (?), дай ему опять прежній видъ, повѣсь его въ дыму, чтобы нѣсколько покраснѣлъ; потомъ вари его немного, послѣ вымой, посоли; облей похлебкою (garum) съ виномъ; положи въ ступу перцу и зори, истолки ето, влей сюда похлебки (garum), вина, и послѣ еще похлебки, смотря по надобности. Положи масла въ горшокъ, поставь въ печку, и когда оно вскипитъ, смѣшай съ крахмаломъ; облей симъ составомъ зайца съ хребта, посыпь перцемъ и подавай.

Свиной желудокъ. Очисти хорошенько свиной желудокъ уксусомъ и солью; потомъ вымой въ водѣ, и наполни его слѣдующею начинкою: изрубленными и очищенными потрохами свиньи, тремя мозгами и крутыми яйцами. Прибавь къ сему пихтовыхъ орѣшковъ, и зернистаго перцу; смѣшай ето въ пропорціональномъ количествѣ съ соусомъ изъ того же перцу, зори, росснаго ладану, аниса, корицы, руты, изъ лучшей похлебки (garum) и небольшаго количества масла. Наполни етимъ свиной желудокъ, впрочемъ не слишкомъ густо, чтобы при вареніи не

лопнулъ; нарѣжь его, посыпь крахмаловою мукою, положи въ кипящій горшокъ; вынь опять, и проколи его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобъ онъ не разсѣлся. Когда же вполовину проварится, вынь его опять, и повѣсь въ дыму, чтобы покраснѣлъ; потомъ раскрой его опять, чтобы онъ могъ провариться; облей похлебкою (garum), краснымъ виномъ, масломъ; разрѣжь ножемъ, и подавай съ зорею и похлебкою (garum).

Салакаккабія. Смѣшай вмѣстѣ: перцу, мяты, петрушки, дикаго сушенаго полея, сыру, пихтовыхъ орѣшковъ, меду, уксусу, похлебки (garum), яичнаго желтка, и свѣжей воды; прибавь къ сему хлѣбной воды, сыру изъ коровьяго молока; положи огурцовъ въ маленькій горшечекъ, вдоль пересыпавъ ихъ пихтовыми орѣшками, потомъ мѣлкоизрубленнаго сушенаго луку, куриныхъ печенокъ; вылей на ето выше упомянутый соусъ, поставь въ холодномъ мѣстѣ и послѣ подавай.

Я бы сказалъ еще болѣе, попытался бы сравнить поваренное искусство различныхъ народовъ — еслибъ не страшился са-

мой *колкой* кришики — шо есшь осшрыхъ вилокъ пракшическихъ кухарокъ нашего вѣка (*).

Съ Нѣм. N. N.

Памятная записка для художника, намѣревающагося путешествовать по Италіи.

(*Ернестъ Ферстеръ*, сочиншель сихъ записокъ, два раза пушешесшвовалъ по Ишаліи. Объ одномъ лишь Римѣ умалчиваешъ онъ въ своихъ указаніяхъ: во первыхъ, досшопамяшносши Рима болѣе извѣсшны; во вшорыхъ, услужливая сообщишельносшь шамошнихъ художниковъ досшашочно удовлешворяешъ всѣмъ шребованіямъ пушешесшвенника.)

Миланъ.

*(Знакъ * показываетъ предметы, по мнѣнію Автора, достойные особеннаго замѣчанія).*

* *Соборная церковь,* основанная въ 1386 году Герцогомъ *Іоан.* Галеацомъ. Имя зодчаго неизвѣсшно. Въ 1391 году, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ качесшвѣ надсмошрщика за сшроеніемъ оной, былъ Аннесъ Фернахъ ди Фрибурго. Планъ фасады начершанъ въ 1567 году Пеллегриномъ-Пеллегриніемъ;

(*) Съ насъ довольно и эшого. Мы знаемъ шеперь, чшо Римляне жаловали — если не лишшерашуру, шо — покрайней мѣрѣ кухню *романтическую. Перев.*

въ 1806 году оный былъ снова составленъ Карломъ Амати — самой тотъ, которой приведенъ въ исполненіе Наполеономъ. Впрочемъ многіе художники занимались въ разныя времена какъ построеніемъ церкви, такъ и внутреннею ея отдѣлкою. Между статуями, находящимися на внѣшней сторонѣ сего храма, замѣчательны слѣдующія изваянія, работы *Хрістофора Салари детто иль Гоббо:* Адама и Еввы, Іудиѳы, Убогаго Лазаря, Св. Петра, Св. Люціи, Св. Евстахія, Св. Агаты и т. д. Стеклянныя окна церкви принадлежатъ XV столѣтію, а гробница Св. Боромея XVII му.

* *Доминиканскій монастырь.* Здѣсь находится картина, Тайная вечеря, писанная *Леонардомъ да Винчи.* Подлѣ онаго:

* *S. Maria delle grazie.* Въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ: Біеніе Спасителя, Представленіе его предъ народъ и Распятіе, писаны al Fresco *Гауденціомъ Феррари.* Въ придѣлѣ, на лѣвой сторонѣ отъ главнаго олтаря, находится чудотворный образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи съ портретами вкладчиковъ, работы *Леонарда-да-Винчи.* Тутъ же вблизи, остатки одной картины аль-Фреско, представляющей Поклоненіе пастырей, можетъ быть, также имъ писанной. При выходѣ изъ церкви привлекаетъ вниманіе находящійся на верхнемъ сводѣ образъ Пресвятыя Богородицы, сѣдя-

щей на престолѣ; работа, аль-Фреско, *Бернардина Луини.*

* *Амброзіанская Библіотека.* Въ большой залѣ, наполненной художественными произведеніями, каковы, *Рафаелевъ* Картонъ для Аѳинской школы и другіе рисунки его, также *Леонарда-да-Винчи, Бернандина Луини,* есть картины, писанныя масляными красками, работы обоихъ послѣднихъ, картины А. Дюрера, и другія замѣчательныя произведенія. Во второй залѣ, занимаемой Библіотекою, находится большая картина al Fresco Бернандина Луини, Біеніе и поруганіе Хріста; тамъ же подлѣ портретъ самаго художника.

* *Брера.* Кромѣ большихъ залъ, наполненныхъ произведеніями *Рафаеля*, *Франціи*, *Гвида-Рени*, *Карпаччія* и другихъ великихъ художниковъ, замѣчательны еще иныя залы, гдѣ помѣщаются новѣйшія увѣнчанныя произведенія и монументъ Аппіаниса, работы *Торвальдсена.* Въ особенной комнатѣ я и А. видѣли превосходную картину *Гауденціа Феррари* — Страданіе Св. Екатерины — и только начатое изображеніе Св. Семейства, работы *Леонарда-да-Винчи.*

* *Церковь Св. Виктора.* Куполъ, работы *Монкальви,* съ играющими и поющими ангелами; пониже ихъ — Сивиллы и Пророки — работы *Креспія.*

* *Храмъ св. Амвросія.* Древнѣйшій въ Миланѣ; двери въ немъ изъ кипарисоваго дерева. Здѣсь

замѣчательны: гробница Святаго съ изсѣченнымъ на камнѣ ликомъ его; на хорахъ уцѣлѣли произведенія древней Греческой мозаики: Христосъ, окруженный ангелами; Глава Спасителя, отъ временъ ближайшихъ, быть можетъ, по рисунку *Луинія*. Въ боковомъ придѣлѣ двѣ картины, аль-Фреско — Подвигъ Св. Георгія и его же кончина — *Луинія*.

**Дворецъ Князя Литты*, заключаетъ въ себѣ собраніе картинъ, писанныхъ масляными красками, между коими особенно замѣчательна: Состязаніе Марсиа съ Аполлономъ, работы Корреджія (?). Въ особенной залѣ хранятся картины аль-Фреско, отдѣленныя отъ стѣны, числомъ шесть: онѣ *Бернард Луинія*.

Casa Calderata не имѣетъ ничего достойнаго замѣчанія, кромѣ двухъ образовъ, писанныхъ *Леонардомъ-да-Винчи* (Monna Lisa и еще другой) и изображенія Св. Михаила, рисованнаго *Рафаелемъ*.

Св. Усторгіо. Древняя церковь. Въ ризницѣ ея находятся нѣкоторыя хорошія картины. Здѣсь же и гробница Св. Петра, отъ XIII или отъ начала XIV столѣтія.

Церковь св. Цельса. Заслуживаютъ вниманіе: картина *Гауденціа Феррари* Крещеніе Господне; два образа *Карла Урбинскаго*, ученика *Рафаелева*; Воскресеніе Христово *Кампія*, и другія. Здѣсь же

находятся четыре Евангелиста, аль-Фреско, работы *Аппіанія*.

Церковь св. Лаврентія — весьма древняя. Въ ней замѣчательны столбы, остатки древняго храма Геркулесова. Въ боковомъ придѣлѣ Кончина Св. Наталіи ал-Фреско, работы *Кампія* и еще Хрістосъ посреди учениковъ, обращающій невѣрующаго Ѳому — картина *Микель Анжела да Червіа*, пис. масляными красками.

* *Monastero maggiore*, почти весь расписанный *Бернард. Луиніемъ* и другими художниками позднѣйшими.

Императорскій дворецъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько картинъ, аль-Фреско, работы *Аппіанія*.

Ospedale grande, красивое зданіе съ украшеніями изъ сженой земли, построеніе котораго относится къ XV столѣтію.

Также достойны замѣчанія *Тріумфальныя ворота* (Porta Marengo), *Амфітеатръ* и другія зданія временъ новѣйшихъ.

Между Миланомъ и Павіею, поближе къ последнему городу, находится *Certosa*, нынѣ опустѣвшій монастырь Картезіанскій, нѣкогда богатый до чрезвычайности. Церковь построена *Цамоліемъ* въ концѣ XVI столѣтія. При входѣ замѣчательны го-рельефы, работы *Амадеи*, представляющіе различные случаи изъ жизни Гал.

Висконтія, основателя главнаго храма. Въ церкви есть нѣсколько картинъ на деревѣ, работы *Пуржиньона*, *Соларія*, *Петра Перуджина* и другихъ; аль-Фрески *Брамантина*, *Кампія* и *Креспія*; *Луиніевъ* отличнѣйшій образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, ал-Фреско, перенесенный сюда изъ другаго мѣста и вставленный въ раму; — прекрасное рѣзное, изъ зуба Нильской лошади, изображеніе 100 различныхъ происшествій изъ Священной Исторіи; на столбахъ, коими отдѣляются оныя, представлены св. Угодники; все зданіе построено въ древне-готическомъ вкусѣ и относится къ XIV столѣтію.

Парма.

Здѣсь замѣчательна *Крестильница* (Baptisterium), зданіе XI вѣка, украшенное многими аль-Фресками, которыя однако же надобно осматривать въ самую ясную погоду.

* Въ *Соборной церкви* куполъ, на которомъ, ал-Фреско, Успеніе Богородицы изобразилъ *Корреджіо*. Въ Порталѣ надъ дверьми видѣнъ портретъ сего художника, работы ученика его, Гамбера.

* *Церковь Св. Іоанна Евангелиста.* Въ первомъ придѣлѣ съ правой руки есть старинной образъ хорошей работы; во второмъ достойны примѣчанія Рождество Хрістово, Фр. *Францін*. Хоры расписаны *Корреджіемъ*.

Stecata, построенная *Брамантомъ*; въ куполѣ ея изображено Царствіе небесное, работы *Пармиджіанина*.

* *Во Дворцѣ Фарнезскомъ* находится Музей древностей; древній театръ, построенный по правиламъ Акустики, вмѣщаетъ въ себѣ до 9000 человѣкъ. Въ библіотекѣ есть аль-Фреско работы *Корреджія* (?).

* *Академія* обладаетъ богатымъ собраніемъ картинъ, между коими находятся произведенія *Іоанна Беллина*, *Чимада Конельяна* и четыре большихъ изображеній трудовъ *Антонія Аллегри-да-Корреджіо*.

* Въ *монастырѣ Св. Павла* на потолкѣ столовой *Рафаелево* аль-Фреско: Торжественное шествіе Діаны.

Генуа.

Здѣсь находится множество галлерей, принадлежащихъ частнымъ людямъ; въ нихъ однакожь мало драгоцѣннаго.

* *Церковь Св. Стефана.* Образъ надъ олтаремъ, представляющій кончину сего Святаго: работа должна быть, покрайней мѣрѣ отъ части, *Рафаелева*.

Пиза.

* *Крестильница* построенная въ 1060 г. Внутри украшена произведеніями скульпторовъ: *Николая* и *Жіовани Пизано*.

* *Соборная церковь* сооружена *Бускеттомъ.* Здѣсь Авраамово жертвоприношеніе, работы *А. Рацціа*, и многія другія достопримѣчательности. Извнѣ бронзовыя двери.

Колокольня, построенная въ 1174 году Вильгельмомъ, уроженцемъ изъ Инспрука.

* *Campo Santo* начатое въ 1283 году *Жіов. Пизаномъ.* Заключаетъ въ себѣ славныя произведенія художниковъ XIV и XV столѣтій: *Арканья*, *Амброзія*, *П. Лоренцетти*, *С. Мартини*, *Джіотта Буффальмака*, *Спйнелла Аретина*, его ученика *Фіезоля*, *Беноцца Гоццоли*, которые всѣ расписывали стѣны сего зданія.

* *Академія художествъ* имѣетъ много драгоцѣнныхъ произведеній изъ древнихъ школъ, Пизанской и Флорентинской, и между прочимъ одну прекраснѣйшую картину школы Нидерландско-Нѣмецкой.

Madonna della Spina — не большая въ Италіянско-Готическомъ вкусѣ построенная церковь, со скульптурами *Николая* и *Андрея Пизано.*

* *Церковь Св. Екатерины.* Олтарьный образъ въ ней писанъ *Троиніемъ*, ученикомъ Аркаіоса; на немъ представлено Освященіе Ѳомы Аквинскаго.

* *Церковь Св. Франциска.* Въ залѣ капитула на стѣнахъ изображены Страсти Іисуса Христа; работа Ник. Петри Флорентина, 1392 года.

Синьоръ Визиніо (отецъ) блюститель при *Campo Santo*, имѣетъ у себя прекрасное собраніе картинъ *Джіотти, Арканьи, Мазаччіо* и другихъ старинныхъ художниковъ.

Лукка.

Въ *Соборной церкви* образъ надъ олтаремъ писанъ *Ф. Франціею*; въ боковомъ придѣлѣ такой же образъ работы До. *Гирландая*; надъ дверями рельефъ, изображающій Снятіе Спасителя со Креста, работы *Андрея Пизано*.

S. Pietro Somaldi. Здѣсь образъ Вознесенія Христова и другіе прекрасной работы; писаны во время и въ духѣ *Рафаеля*.

Del Carmine, образъ на олтарѣ, работы *Франціи* (?).

Церковь С. Фредіано. Образъ поклоненія Волхвовъ І. Христу — *Францій*. Придѣлъ расписанъ аль-Фреско (*), *Буонамикомъ*, учителемъ *Франціи*.

Въ домѣ *Буонвизія* находится Мадонна, изображенная *Леонардомъ* въ лѣта его молодости.

S. Salvatore. Вознесеніе Господне, образъ надъ олтаремъ, принадлежитъ къ старой Луккской школѣ.

(*) Извѣстно, что al Fresco значитъ живопись *на свѣжей извести*, al Secco — *на сухой*. Впрочемъ авторъ не различаетъ сихъ техническихъ терминовъ, иногда просто называя изображенія — *стѣнною живописью*. *Перев.*

S. Romano. Одинъ образъ работы *Фра-Бартоломео.*

S. Maria Nera. Одинъ образъ, трудовъ *Гвидо-Рени.*

Прато.

Въ придѣлѣ на хорахъ приходской церкви худож. *Філіппомъ Липпи* изображены происшествія изъ жизни Свят. Стефана и Іоанна Крестителя.

Здѣсь же надъ олтаремъ Смерть Св. Бернгарда, кисти того же мастера. Кивотъ, при иконѣ Св. Маргариты находящійся, работы *Филиппина.*

Пистоя.

Въ домѣ Кавалера Александра Браччіолини есть одна картина, писанная *Філіппомъ Липпи.*

Флоренція.

* *Галлерея Уффицій.* Для входа въ Кабинетъ рисунковъ надобно имѣть особенное позволеніе. Кромѣ трудовъ *Рафаеля, Микель-Анжела* и другихъ, здѣсь особенно замѣчательны работы старинныхъ художниковъ, какъ-то: *Чимабуе, Джіотта, Буффальмака* и др.

* *Галлерея во дворцѣ Питти.* Въ одной спальной комнатѣ находится образъ Богородицы съ Предвѣчнымъ младенцемъ, работы *Рафаеля.*

* *Галлерея Академіи изящныхъ художествъ.* При обозрѣніи, не забыть маленькой комнаты съ картинами *Джіотта*, *Гаддія*, *Фіезоле* и другихъ художниковъ.

* *Соборная церковь*, построенная *Арнольфомъ ди Лапо* въ 1298 году. (Куполъ ея сооруженъ зодчимъ *Брунелески* въ 1419). Надъ входомъ въ оную видите Мадонну съ двумя Ангелами, работы *Жіованни Пизано*. Благовѣщеніе — мозаической работы, съ картины *Гирландая*. Въ одной капеллѣ хранится образъ Іоанна Евангеліста, писанный *Донатомъ*. Надъ главнымъ олтаремъ находится изображеніе олицетворенпаго Благочестія, работы *Мик. Анж. Буонаротти*; на хорахъ другое таковое же *Баччіа Бандинелли*. Бронзовыя двери въ ризницѣ — *Луки делла Роббіи*, равно какъ и лѣпная работа надъ ними изъ жженой глины. Конныя статуи изъ *terra verde* — сдѣланы *Павломъ Учелломъ*.

Также замѣчательны мраморный бюстъ Данта — произведеніе *Бенедикта Маіяно*, и еще другой портретъ Данта. Гробница Св. Зиновія изъ бронзы, *Лор. Гиберти* и т. д.

* *Колокольня* подъ надзоромъ *Джіотта*, и можетъ быть, по его плану, построена въ 1334 году. Здѣсь кистію *Андрея Пизано* и *Луки Делла Роббіи* (?) изображены: начало промышленности, искусствъ, наукъ и въ особенности общественной жизни.

* Крестильница, въ которой находится трои большихъ дверей изъ бронзы: двои — работы *Лоренца Гиберти*, а одна еще и тѣхъ старѣе, *Андрея Пизано* (сдѣлана, какъ говорятъ, по рисунку *Джіотта*). Внутри украшена старинными мозаиками *Андрея Тафи*, а хоры — *Якова Торриты*. — Гробница Іоанна XIII — работы *Донателла*.

* *Церковь Св. Михаила*, построенная *Арнольфомъ ди Лапо*, съ изваянными ликами Апостоловъ, поставленными въ оконничныхъ нишахъ; многія изъ нихъ суть произведенія *Лоренца Гиберти*, *Донателла*, *Андрея Верокія* и другихъ худож. Внутренность оной украшена богатыми произведеніями скульптуры, *Андрея Арканіо*, 1359 г. — Образъ Богородицы писанъ *Уголиномъ Сіеннскимъ*. На стѣнахъ и столбахъ древняя живопись.

На Piazza del Gran Duca находится колоссальная статуя юнаго пастуха Давида, работы *Михели Анжела*; тамъ же Геркулесъ — *Баччіо Бандинелли*, Нептунъ — *Амманати* и бронзовый всадникъ — работы *Жіованни Болонскаго*. Далѣе:

* Крытой ходъ сего дворца — *Арканія*. Здѣсь изображенія: Персей — *Бенвенута Челлини*, Похищеніе Сабинокъ — *Жіованни Болонскаго*, и тд.

* *Дворецъ Веккіо*. На дворѣ одна картина работы *Андрея Вероккіо* (учителя *Леонардова*.) Въ залахъ аль-Фрески *Вазарія*.

Дворцы Строцци, *иль-Барджелло*, *Пандольфини* (постр. *Рафаелемъ*) почти всѣ достойны замѣчанія особеннымъ своимъ зодчествомъ, прекраснымъ расположеніемъ, равно какъ и внутренними дворами.

* *Дворецъ Риккарди*. Въ немъ капелла (церковь) съ живописнымъ на стѣнахъ изображеніемъ, *in tempera*, Путешествія трехъ Царей-Пастырей, работы *Бенеццо Гоццолія*.

Изъ церквей, особенно замѣчательны:

Sta Maria Novella. По причинѣ презмѣрной темноты сей церкви, надобно для осмотра ея избрать день самый ясный и употребить именно время на то отъ 9 до 12 часовъ утра. Капелла съ лѣвой стороны освѣщена бываетъ въ полдень.

Въ капеллѣ, по правую сторону отъ хоровъ, находится большой олтарной образъ, на деревѣ, работы *Чимабуе*; въ его время опый былъ носимъ по городу съ процессіей. Другой придѣлъ напротивъ упомянутаго, украшенъ то же олтарнымъ образомъ, письма *Андрея Арканія*, 1357 года. Изображенъ І. Христосъ посреди Святыхъ. Кромѣ того, вся капелла росписана альфреско (?), а Страшный Судъ и Рай суть произведеніе *Андрея Арканія*, но Адъ, по мнѣнію Вазарія, писанъ братомъ Андрея, художникомъ гораздо менѣе значительнымъ. Хоры сей церкви

росписаны аль-Фреско, по стѣнамъ до верху, *Доминикомъ Гирландаіо* (*); на лѣвой сторонѣ изображена исторія жизни Св. Дѣвы Маріи, а на правой Іоанна Крестителя; здѣсь, между портретами разныхъ лицъ, художникъ помѣстилъ и свой собственный; въ оконничныхъ простѣнкахъ представлены происшествія изъ жизни Святыхъ Доминика и Петра мученика.

Въ капеллѣ Строцци по правую сторону отъ хоровъ, находятся аль-Фрески *Филиппиновы* 1486 года; изображены чудотворенія Евангеліста Іоанна Богослова и Апостола Филиппа. На потолкѣ представленъ І. Христосъ съ четырьмя Апостолами, и Св. Антоній. Стѣна между окнами занята аллегорическими фигурами (in terra verde) и мраморнымъ изваяніемъ Св. Дѣвы Маріи, работы *Венедикта Маіяно*. Надъ дверями ризницы изображено на стѣнѣ однимъ изъ учениковъ Жіотта, Увѣнчаніе Дѣвы Маріи; тамъ же находится Reliquarium съ иконами Святыхъ, работы *Ангелика да Фіезоле*, Благовѣщеніе, Увѣнчаніе Богоматери, и лики многихъ Святыхъ.

Въ первой галлереѣ, близъ церкви, хранятся картины (in terra verde); нѣкоторыя изъ нихъ работы *Паоло Учелла*; тамъ же небольшая капелла degli Spagnuoli, со стѣнными изображеніями, пись-

(*) Древнѣйшія копіи съ изображеній на хорахъ находятся въ ризницѣ сей же церкви. *Соч.*

на *Θаддея Гаддія* и *Сімона Мартини*. На потолкѣ и противуположной стѣнѣ представлены событія изъ Священнаго Писанія; по лѣвую сторону Освященіе Θомы Аквинскаго, работа *Θ. Гаддія*; насупротивъ Борьба церкви и Побѣда, ею одержанная — трудовъ *Сімона Мартини*; здѣсь опять видны портреты и между прочимъ Лауры Петрарковой. Другія галлереи и старая трапеза равнымъ образомъ достойны замѣчанія.

Въ монастырской кладовой находится капелла, на стѣнахъ коей изъображены Страсти Христовы — художникомъ *Спинелломъ Аретиномъ*.

* *Церковь Св. Креста* построена *Арнольфомъ ди Лаппо*; надъ дверями изображеніе Св. Лудовика, писанное *Донателломъ*. Каθедра (для проповѣдника) работы *Бенед. Маіано*; замѣчательны многіе надгробные памятники, и между прочими памятникъ Данта — произведеніе *Пиччія*. — Въ придѣлѣ Bardi на самомъ краю съ лѣвой стороны Положеніе во гробъ — кисти *Жіотта*, и Чудеса изъ жизни Св. Сильвестра и др. праведниковъ — работы *Жіоттина*. Въ другомъ придѣлѣ, близъ упомянутаго, замѣчательны картины: *Спинелла Аретина* (?), Оправданіе и смерть Св. Стефана, а насупротивъ Жизнь и Страданія Св. Лаврентія — работа неизвѣстнаго художника, но относящаяся къ тому же времени. На хорахъ: Исторія Обрѣтенія Св. Креста — цѣлый рядъ

картинъ *Аньола Гаддіи.* (И здѣсь надобно разсматривать въ ясную погоду; впрочемъ можно всходить по узкой лѣстницѣ къ главному олтарю и видѣть верхніе образа въ близкомъ разстояніи.) — Придѣлъ Успенія Богородицы: здѣсь замѣчательна Побѣда Архангела Михаила. — Придѣлъ Baroncelli: здѣсь надъ олтаремъ образъ Увѣнчанія Богородицы, писанный in tempera (*) славнымъ *Жіоттомъ* (съ означеніемъ его имени). На стѣнахъ тамъ же происшествія изъ земной жизни Пресв. Богородицы, *Ѳ. Гаддіи.*

Въ ризницѣ, при входѣ въ оную, въ особомъ углубленіи за олтаремъ въ той же церкви весьма замѣчательна стѣнная живопись, относящаяся къ XIV му столѣтію; въ самой же разницѣ четыре стѣнныя картины изъ школы *Жіотта*, именно: Распятіе и Вознесеніе І. Христа, работы *Ѳ. Гаддіи;* Несеніе креста и Воскресеніе Христово — *Николая Петри* (?). Въ капеллѣ ризницы по правую сторону: Жизнь Св. Магдалины въ пяти картинахъ; а по лѣвую въ такомъ же видѣ Жизнь Св. Маріи — все писано учениками *Джіотта.* Образъ надъ олтаремъ принадлежитъ къ 1379 году. Въ трапезѣ, кромѣ другихъ иконъ, есть Тайная Вечеря — *Жіотта (?).*

S. Ambrouogio небольшая церковь близъ храма Св. Креста. Здѣсь, при ясной погодѣ можно

(*) т. е. красками, разведенными на жидкомъ веществѣ, преимущественно на бѣлкѣ яичномъ.

видѣть, въ придѣлѣ S. Miracolo, стѣнную картину *Козьмы Розаллія*, писанную 1456 года: Перенесеніе св. сосуда (чаши) изъ церкви во дворецъ Епископскій.

Еще замѣчателенъ образъ, того же художника, по лѣвую сторону надъ третьимъ олтаремъ; другой таковой же, Поклоненіе Царей-Пастырей, писанный *Аспертиномъ Гвидо* изъ школы Перуджина.

Церковь S. Lorenzo построена въ 1425 году зодчимъ *Брунелескіемъ*. Ризница въ ней, трудовъ *Микель-Анжела Буонаротти*, украшена статуями Юліана и Лаврентія Медичисовъ, четырехъ Временъ дня и наконецъ мраморнымъ ликомъ Пресв. Дѣвы. Далѣе замѣчательны: великолѣпная капелла, гробъ Козьмы (Медичиса) Отца Отечества, древняя ризница, украшенная произведеніями скульптора *Донателла*; въ задней стѣнѣ олтаря рельефъ работы *Брунелесскія*; гробы Петра и Іоанна Медичисовъ, работы *Андрея Вероккіо*; бронзовая каѳедра *Донателла*; нѣсколько надолтарныхъ иконъ, писанныхъ на деревѣ, *Филиппомъ Липпи*, и проч.

Церковь Св. Троицы, построенная *Николаемъ Пизаномъ*. Въ капеллѣ Sasetti находится Жизнь и страдальческая кончина Св. Франциска, картина, писанная въ 1485 году, *Доминикомъ Гирландаіо*.

* *Sta Annunziata.* Площадь, устроенная по плану *Брунелескія.* Статуя Великаго Герцога Фердинанда I, работы *Жіованни-да-Болонья.* Въ преддверіи находится нѣсколько аль-Фресковъ *Андрея-дель-Сарто.* Рождество Христово — *Алексѣя Бальдовинетти.* Вѣнчаніе — *Францін Бижіо.* Благовѣщеніе — *Іакова-да-Понторма.* Вознесеніе Господне — *Росса.* Въ придѣлѣ съ лѣвой стороны есть чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, который, писанъ въ 1252 году; однакожь видѣть можно его только одинъ разъ въ годъ. Надъ входомъ во дворъ находится образъ Madonna del Sacco, работы *Андрея-дель-Сарто.*

* *Братство Св. Мартина.* Въ одной капеллѣ находится на олтарѣ изображеніе сего Святаго, писаннаго художникомъ *Сандро Ботичелліемъ.* На стѣнахъ Филиппино и частію, какъ кажется, Мазаччіо, изобразили, аль-Фресковою живописью, различные подвиги милосердія.

* *Монастырь Св. Марка.* Здѣсь *Анжело-да Фіезоле* расписалъ главную галлерею, мѣста надъ всѣми дверями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, многія монашескія келліи и верхніе переходы. Особенно замѣчательны въ верхнемъ корридорѣ: Благовѣщеніе Пресв. Дѣвы, и другой образъ, на которомъ Богородица, сѣдящая на престолѣ, окружена Святыми. Въ нижнемъ корридорѣ: Распятіе и образъ Св. Доминика; въ залѣ мона-

ризница (собора): Поклоненіе Св. Кресту, образъ. Замѣчателенъ еще потому, что люди представлены здѣсь въ ростъ человѣческій (рѣдкой случай у *Фіезоле*). Въ трапезѣ: Тайная Вечеря — *Доминика Гирландаіо*.

Ospedale degli Innocenti. Въ церкви замѣчателенъ олтарный образъ — Поклоненіе Царей - Пастырей — писанный масляными красками, работы *Доминика Гирландаіо*.

Sta Maria Nouova. Здѣсь находится образъ Рождества Хрістова и два другіе — произведенія *Гуга фанъ Гоеса*.

Compagnia della Scalze, съ аль-Фресками *Андрея дель Сарто*, изобразившаго на стѣнахъ жизнь Св. Іоанна Крестителя.

* *Santa Maria Magdalena de'Pazzi* — превосходная живопись аль-Фреско *Петра Перуджина*. (Но поелику находится она въ женскомъ монастырѣ, то видѣть ее можно не иначе какъ испросивъ позволеніе у Епіскопа.) Еще замѣчателенъ образъ на олтарѣ — *Козмы Розеллія*.

Въ улицѣ С. Галла, отъ соборнаго храма на правой сторонѣ, находится небольшая церковь, въ которой по лѣвую сторону есть отличнѣйшій образъ Рождества Хрістова, относящійся ко времени *Арканія*. По правую сторону то же образъ, впрочемъ позднѣйшей живописи.

* *Ognisanti.* Здѣсь замѣчательно два образа среди церкви: Св. Іеронима и Св. Августина, писанные въ 1480 году, *Доминикомъ Гирландаіо*. На одномъ, оставленномъ безъ служенія олтарѣ, есть весьма замѣчательный образъ, писанный *Жіованни да Мелано*. — Въ ризницѣ на стѣнѣ Распятіе І. Хріста, работы едва ли не *Жіотта*. Въ монастырской трапезѣ, Тайная Вечеря *al Fresco*, приписывается *Гирландаю* (по всѣмъ признакамъ весьма старинной работы).

* *S. Carmine.* Вся древняя церковь истреблена двукратнымъ пожаромъ; уцѣлѣлъ одинъ только придѣлъ *Бранкаччи* и въ немъ образъ Св. Апостола Петра, проповѣдующаго Евангеліе и слѣдствіе его поученій, писанный *Масолиномъ*, учителемъ или уже покрайней мѣрѣ предшественникомъ *Масаччія*. На правой сторонѣ его же кисти: Воскрешеніе мертвеца Св. Петромъ. Прочее расписано *Масакчіомъ*, за исключеніемъ средней части придѣла, которая украшена произведеніями кисти *Филиппина*. Здѣсь же находятся и тѣ фигуры *Масаччіевы*, (на прим. Св. Павелъ предъ темницею Св. Петра, Адамъ и Евва), которыя *Рафаель* перенесъ въ свои произведенія.

Церковь Св. Духа. Здѣсь находятся произведенія: *Філіппа Липпія*, Рафаелина - дель-Гарбо; Богородица со Святыми — *Жіотта* (?), Благовѣ-

щеніе — *Петра-ди-Козимо* и проч. Въ ризницѣ хранятся замѣчательныя иконы.

S. Remigio (*dtto Romeo*). Въ сей церкви, кромѣ другихъ, Снятіе со Креста работы или *Жіоттина* (по словамъ Вазарія), или же (по мнѣнію Румора) *Петра Келини*.

Въ обители Бигалло замѣчательныя иконы, работы *Петра Келини*, писанныя въ 1444 году, происшествія изъ жизни Св. Мученика Петра, напоминающія о цѣли учрежденія братства; другія — *Рудольфа Гирландаіо*.

S. Miniato in Monte, монастырь, построенный Императоромъ Генрихомъ I въ 1015 году, у самой Флоренціи. Здѣсь не мало старинныхъ изображеній на стѣнахъ и одинъ хорошей работы образъ надъ олтаремъ, изъ школы *Жіотта*; большая древняя мозаическая картина на хорахъ; въ ризницѣ жизнь Св. Миніато — работы *Спинелла Аретина*.

Церковь Св. Люціи, гдѣ примѣчательна икона, можетъ быть древнѣйшая изъ всѣхъ Италіянскихъ, писанныхъ масляными красками; это — ликъ Богоматери, сѣдящей на престолѣ, со Святыми.

Г. Метцгеръ, Нѣмецкій купецъ, торгующій художественными произведеніями, имѣетъ прекраснѣйшее собраніе; онъ такъ снисходителенъ и услужливъ, что охотно позволяетъ видѣть все,

Въ *Библіотекѣ* (Магдіабекяіанской) преимущественно находятся прекрасныя миніатюрныя картинки.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Литтературныя привязки (*).

(Окончаніе.)

Спустя четыре мѣсяца, оканчиваю *Привязки*; а надѣялся дописать на другой день, много на третій! Здѣсь новое оправданіе вѣковѣчной истины, достойной золотыми буквами сіять въ зерцалѣ на рабочемъ столѣ у каждаго изъ словесниковъ, пишущихъ статейки для журнала: не отдавай въ печать недоконченной піесы! Что сказалъ бы Горацій, строго запрещающій прежде девяти лѣтъ выпускать литтературныя изделія; что сказалъ бы онъ о піескахъ нашихъ, печатаемыхъ безъ конца, не только еще не написаннаго, но даже не зародившагося въ головѣ автора? Навѣрное всѣ наши приходы и цѣхи онъ причислилъ бы ad progeniem deteriorem! За то, какія же и послѣдствія: Любители старины негодуютъ, почтенный г. Косцѣша необинуясь требуетъ обѣщаннаго продолженія, Издатель журнала сѣтуетъ!... Да и самъ я, вмѣсто то-

---

(*) Смотри В. Е. 1830, No 13, страница 74.

го, чтобы, предложивъ еще два *или* три довода (касательно надобности прибѣгать къ разнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ при сочиненіи особенныхъ словарей на отечественныя лѣтописи *наши*), заключить піеску свою многозначущимъ *dixi*, теперь долженъ впутаться въ новыя хлопоты.

Къ счастію, мнѣ довелось имѣть дѣло съ противникомъ ученымъ, правдивымъ и великодушнымъ. Противурѣчія его столько любопытны, что я готовъ бы теперь же вызвать не малое количество оныхъ своими возраженіями, еслибъ не останавливала меня обязанность какъ нибудь кончить начатыя *Привязки*. Въ залогъ будущихъ состязацій на сей разъ позволю себѣ лишь только намекнуть на нѣкоторые пункты, или сомнительные, или подлежащіе объясненію. Почтенный г. *Косцѣша* не теряетъ надежды, что можетъ быть (стран. 307) одному ревностному нашему Археологу удастся найти списки, если не самые подлинники, лѣтописей старѣе и XIV вѣка. Не льзя не желать сего, по крайней мѣрѣ уже хоть для утоленія жажды любопытства нашего, пока не приняло оно направленія, ведущаго къ другой цѣли. На земномъ шарѣ есть много мѣстъ, на которыхъ еще до сихъ поръ не была нога человѣческая; есть моря и острова, невѣдомыя Ѵдрографамъ: но мореплаватели, зная напередъ, гдѣ и чего искать должно, не простираютъ любопытства

своего за предѣлы нашей земной сферы. Остановимся пока довольны и списками *четырнадцатаго* вѣка: изъ нихъ можно составить словарь весьма занимательный, но все таки не иначе, какъ (я твержу свое) пользуясь пособіями *другихъ языковъ* и *въ особенности родственныхъ нашему нарѣчію*, изъ которыхъ переносились къ намъ слова вмѣстѣ съ понятіями. Примѣры сему будутъ показаны ниже, собственно въ *Привязкахъ.* Объ *Остромировомъ* Евангеліи и о двухъ *Сборникахъ* XI вѣка, мнѣ говорить нечего: нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ есть слова, драгоцѣнныя для повѣрки и для объясненій, и мы будемъ удивлены самымъ пріятнымъ образомъ, нашедши въ нихъ очевидные признаки *Сербизма* вмѣсто нарѣчій Новгородскаго или Кіевскаго. Я желалъ бы однако же знать, откуда подвижники наши XI вѣка, съ такимъ прилѣжаніемъ упражнявшіеся въ писаніи, откуда получали они свой пергаментъ? Изъ чего и какъ дѣлали они свои чернила? По скольку часовъ могли они трудиться въ своихъ клѣтяхъ безъ каминовъ и трубъ, при мерцаніи дымящейся лучины? Откуда они выписывали стекла или слюду для оконъ? *Пѣснь о полку Игоревѣ* XII столѣтія открываетъ намъ, какой то особенной вѣкъ нашихъ Трубадуровъ, Миннезингеровъ, современныхъ чужеземнымъ! Жаль только, что завистливое время утаило отъ насъ имена, житіе и подвиги всѣхъ другихъ пѣснопѣвцевъ, а еще болѣе, жаль, что драгоцѣнная Пѣснь

о полку Игоревѣ дошла до насъ написанною новымъ почеркомъ, лѣтъ пятьсотъ спустя послѣ кончины своего автора! *Памятники Россійской словесности* XII вѣка замѣчательны не въ одномъ отношеніи: они открываютъ намъ, что въ Туровѣ, древле многолюдномъ и знаменитомъ градѣ, былъ Епископъ Кvриллъ, назидавшій паству свою поученіями Іоанна Златоустаго, переведенными однако же послѣ Кvрилла, напечатанными со списковъ еще позднѣйшихъ, оставшихся намъ въ наслѣдство отъ временъ грубаго невѣжества. Я не спорю, что святитель Кvриллъ могъ бы сочинять и свои собственныя поученія, еслибъ имѣлъ удобный случай изучиться риторскому художеству: но, къ сожалѣнію, Vизантійская Имперія въ то время терзаема была и внутренними неустройствами и насиліями отъ Латинъ-Крестоносцевъ. Вообще не льзя не посѣтовать, что при такомъ богатствѣ нашемъ, при такомъ изобиліи старинныхъ документовъ и сборниковъ, писанныхъ и на бумагѣ и на пергаментѣ, и подложныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію, мы, какъ на дѣлѣ оказывается, весьма бѣдны памятниками древности, годными для исторіи. Есть конечно случаи, когда могутъ принести желаемую пользу ревностнымъ нашимъ археологамъ и такія вещи, каковы напримѣръ *Грамота, пожалованная Славянамъ отъ Александра Македонскаго*, или *Славено-рунный свитокъ I вѣка и Изреченія V столѣтія*

жрецовъ Нововгородскихъ, или *Письмо къ В. К. Владиміру отъ Лейбъ-Медика его Іоанна Смера изъ Александріи*, или *Знамя В. К. Владиміра*, или склеенная изъ двухъ выписнутыхъ бляшекъ, яко бы *монета* того же *В. К. Владиміра* и проч. и проч.; но такіе случаи, правда весьма не рѣдкіе, доказываютъ единственно, что вѣкъ изобрѣтеній еще не минулъ для насъ, нищихъ духомъ и незлобивыхъ сердцемъ. Ето впрочемъ ни мало не препятствуетъ нашей Исторіи двигаться впередъ исполинскими шагами. . .

Я сдѣлалъ бы непростительное упущеніе, еслибъ при семъ случаѣ не засвидѣтельствовалъ предъ всѣми искреннѣйшей своей благодарности почтенному г-ну *Косцѣшѣ* за его любопытныя дополненія къ приведеннымъ мною примѣрамъ. Отступаюсь и отъ *перевѣсія*, подъ которымъ В. К. Василій Васильевичь »обѣдалъ на своемъ лузѣ противу Симонова,« хотя и больно мнѣ, что я, не вспомнивъ о Царственномъ Лѣтописцѣ, долго въ потѣ лица искалъ мѣста сего въ другихъ лѣтописяхъ. Но чтобы не остаться въ долгу у своего противника, позволю себѣ поспорить съ нимъ о *вѣгѣ*. Латышскимъ языкомъ не льзя объяснять гражданскихъ обыкновеній нашихъ, а Нѣмецкимъ очень можно и должно: Латыши, всегда подвластные чужеземнымъ господамъ своимъ, ни чему никого не учили; Нѣмцы же были наставни-

ками предковъ нашихъ въ торговлѣ, въ законодательствѣ, въ нѣкоторыхъ обрядахъ и въ самомъ общежитіи. Почему я и утверждаю, что законъ исторической аналогіи ни мало не воспрещаетъ производить *вѣче* отъ wette, тѣмъ болѣе что, во-первыхъ слово сіе писалось и другимъ образомъ (witze), ближайшимъ къ нашему *вѣче*, а вовторыхъ въ немъ видны несомнительные слѣды судопроизводства (*). *Вѣча* сбирались *для совѣщанія* о дѣлахъ общественныхъ, справедливо; не менѣе однако же справедливо, что имъ принадлежала, какъ въ Польшѣ, и власть судебная. Такъ Новгородцы, въ 1209 году, »створиша *вѣче* на посадника Дмитріа и на братью его,« которые и были осуждены за разныя притѣсненія, чинимыя отъ нихъ жителямъ; равнымъ образомъ въ 1304 году жители Костромы *вѣчевымъ* приговоромъ осудили нѣкоторыхъ бояръ своихъ. Приступаю къ окончанію *Привязокъ*.

Въ И. Г. Р. (Изд. 2, I, 230) сказано, что придворные Великаго Владиміра, желая утаить кончину сего Князя, ночью выломали полъ *въ сѣняхъ*;« и еще: (II, 75) »Изяславъ, сидя съ дружиною *въ сѣняхъ* и проч. — Легко можно впасть

(*) Veteres pro *wette* dicebant *witze*. Unde Goslariae iudicium urbanum hodie vocatur *das wiet-ambt*, rectius *das wett-ambt*, uti alibi *wett-gericht*. См. *Heinneccii*, Elementa Juris German. T. II, Halae, 1737 pag. 22.

въ заблужденіе вмѣстѣ съ авторомъ, и *сѣни* его счесть за обыкновенныя наши *сѣни*, т. е. за нежилую часть дома, которая ведетъ въ переднюю комнату, или въ прихожую. Всмотрѣвшись въ нарѣчіе Лѣтописей, убѣждаешься, что подъ словомъ *сѣни* разумѣть должно жилые покои Княжескіе: »Изяславу же сѣдящу *НА сѣнехъ* съ дружиною своею« (II прим. 119); или: »(Изяславъ). . . иде *НА сѣни* къ Вячеславу« (ibid. Прим. 327); или: »упившесь виномъ (убійцы Боголюбскаго) идоша *на сѣни* (III, прим. 21); такимъ же образомъ и Новгородцы своихъ нареченныхъ Святителей, немедленно по избраніи, возводили *НА сѣни*, т. е. въ домъ Архіепископскій, не дожидаясь посвященія. Извѣстно многимъ, что *сѣнными* дѣвушками называются горничныя служанки, для отличія отъ прочей дворовой челяди. И такъ въ каждомъ изъ приведенныхъ мѣстъ дѣло идетъ не объ сѣняхъ (I, прим. 535), а вообще о *дворцѣ* Княжескомъ.

Встрѣчающееся въ Игоревомъ договорѣ слово *нетій* показалось Болтину названіемъ *достоинства, перваго по боярахъ*, происходящимъ отъ Шведскаго слова naett (*чистый*, изящный). Карамзинъ почитаетъ его *древнимъ Славянскимъ* именемъ (I. Прим. 347), которое значитъ сестрина сына, ибо такъ толкуется въ одномъ мѣстѣ Никоновской лѣтописи, приводимой Исторіографомъ. Объясненіе справедливо. Но самое слово должно быть изуродовано писцомъ и, по примѣру мно-

жества другихъ, пущено въ ходъ калѣкою. *Нетій* есть не что иное, какъ *анепсій*, слово Греческое, употребленное безъ перевода и въ нашихъ церковныхъ книгахъ. См. Словарь Протоіерея Петра Алексѣева, Лексіконъ Памвы Берынды и проч. *Анепсій* значитъ: сынъ сестры или брата, племянникъ.

Всѣ наши писатели, *всѣ до единаго*, согласно утверждаютъ, что церковныя книги переведены *въ Моравіи*. Уже доказано, что нашъ Богослужебный языкъ есть *старинный Сербскій*, то есть, что церковнымъ языкомъ съ девятаго вѣка сдѣлалось то нарѣчіе Славянское, которое употребляемо было Сербами, обитавшими въ предѣлахъ Восточной Имперіи! Были предложены и другія мнѣнія. Утверждали; что нашъ церковный языкъ есть *первобытный* Славянскій; что онъ есть языкъ *Болгарскій*; и проч. Въ нѣкоторомъ смыслѣ они правы: нарѣчіе древнихъ Сербовъ есть безъ сомнѣнія *Славянское*, равно какъ и нынѣшнихъ; нарѣчіе Сербовъ могло быть въ то же время и Болгарскимъ, не только по родству племенъ между собою и по близкому же сходству ихъ рѣчи, но еще и потому, что въ IX и X столѣтіяхъ Болгары были господствующимъ народомъ въ Сербіи и въ другихъ областяхъ, приобрѣтенныхъ отъ Греческаго Царства. Вопросъ: какъ могло статься, что въ Моравіи книги писаны были Сербскимъ нарѣчіемъ? Объяснить ето нимало не трудно: *Моравія* назы-

вается по рѣкѣ Моравѣ, впадающей въ Дунай съ лѣвой стороны; объ етой Моравіи, Нѣмецкомъ Маркграфствѣ, тогда врядъ ли и слыхали Греческіе толковники. Но есть другая рѣка *Морава*, впадающая въ Дунай *съ правой* стороны, протекающая черезъ всю нынѣшнюю Сербію — рѣка великая, при которой донынѣ видны развалины монастырей древнихъ и нѣсколько уцѣлѣвшихъ обителей. О сей Моравѣ (*) идетъ рѣчь въ лѣтописахъ нашихъ, а не объ отдаленной Моравіи, обитаемой Чехами, которыхъ и нарѣчіе, по разграниченію Добровскаго, принадлежитъ совсѣмъ къ другой системѣ. Сія Морава упоминается и въ Патерикѣ Печерскомъ (1759 г. стр. 3 на обор.): »Булгары, Босна, Мурава« и пр. Сію Мораву Сербскую и Бандтке, въ Польской своей исторіи, признаетъ отчизною нашего языка церковнаго.

Въ И. Г. Р. (I, Прим. 260) сказано, что нѣкоторое премудрое сочиненіе о баснословныхъ письменахъ Славянскихъ внесено въ книгу, писанную для Болгарскаго Царя Александра Іеромонахомъ Лаврентіемъ *Тахомъ*. Но *тахъ* не есть прозваніе. *Τάχα* значитъ у Грековъ *можетъ быть*. Изъ примѣровъ, у Дюканжа приведенныхъ, видимъ,

(*) *Рѣка Булгарская Морава*, выходитъ изъ горы *Чаръ-Дага*, въ Македоніи, соединяется съ Нишною и тогда уже принимаетъ названіе просто *Моравы*, впадаетъ въ Дунай ниже Бѣлграда не подалеку отъ Семендріи. *Изд.*

что слово сіе Греческими духовными лицами ставилось въ знакъ смиренія предъ чиномъ ихъ или званіемъ, на примѣръ: сіе писалъ *Γρηγόριος τάχα μοναχὸς* — написано сіе рукою такого-то грѣшнаго, *τάχα δε καὶ ἀνάξιου ἐπισκόπου*» и проч. Объ етомъ загадочномъ *тахѣ* было уже толковано, помнится, въ *Вѣстникѣ Европы* и едва ли не самимъ Издателемъ (*).

Тамъ же (стран. 239), при описаніи оружія Варяговъ, сказано, что сіи воины »носили для защиты своей тяжелые латы, *обручи*, высокіе шлемы.« Въ Примѣчаніи 358 самъ Авторъ объясняетъ намъ, что *обручь* значитъ *кольцо*. Отъ *обруча* происходитъ, *обрученіе, обручаться*, и проч. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ видимъ тоже значеніе и туже аналогію. Іоаннъ Даниловичь Калита въ духовной грамотѣ своей даетъ дочери Фетиньи золотыхъ 14 *обручей* и ожерелье (**). Весьма любопытно знать, по какому случаю *обручи*, т. е. носимыя на рукахъ *кольца*, попали въ разрядъ оборонительнаго оружія.

(Достальное въ слѣдующей книжкѣ.)

(*) Помнится и намъ, что было толковано. См. В. Е. 1826. No 23 24. стран. 255. *Изд*.

(**) Соб. Грам. и догов. I. 32.

Иностранныя книги.

1.

Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaues der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unsrer Zeit, von Gustav v. Gülich. Erster Band, Mit 9 Bogen Tabellen. Jena, Frommann. 1830.

(Т. е. *Исторія торговли, промышленности и земледѣлія знатнѣйшихъ торговыхъ государствъ нашего времени*, и проч.)

Торговля въ новѣйшія времена сдѣлалась столь важною, что нѣкоторыя части Исторіи свѣта могутъ быть объяснены только ею. А потому каждый любитель Исторіи порадуется сочиненію, которое объемлетъ ее съ етой стороны, и представляетъ прагматическое раскрытіе Европейскихъ торговыхъ отношеній. Впрочемъ познаніе сего развитія можетъ быть полезно не для одного только историка; практическій политикъ и промышленникъ, узнавъ всѣ уклоненія новѣйшей торговли, займутъ отсюда не одну мысль плодовитую.

Авторъ дѣлаетъ во введеніи общее обозрѣніе развитія торговли со времени упадка древняго свѣта; мы помѣщаемъ здѣсь небольшое извлеченіе изъ него. Вторженіе Германцевъ въ Римское

государство расторгло древнюю связь провинцій, а суровые, необразованные нравы побѣдителей положили конецъ и чужестранной роскоши, и внѣшней торговлѣ. Сверхъ того Нѣмцы склонны были къ одному скотоводству и земледѣлію, а феодальная система ихъ ни мало не благопріятствовала торговлѣ. Только Крестовые походы привели Европейцевъ во взаимное соприкосновеніе какъ между собою, такъ и съ Азіатцами. Крестоносцы узнали пріятности восточной жизни, и принесли съ собою на западъ новыя, дотолѣ неизвѣстныя, нужды; и между тѣмъ какъ феодальное дворянство истощало силы свои на востокѣ, граждане тѣмъ болѣе усиливались въ городахъ, и быстро распространяли кругъ торговли. *Италіанскіе города* открыли Магометанскій югъ, а *Сѣверо-Нѣмецкіе города* — Славянскій сѣверъ для великой всемірной торговли. Тамъ долгое время владѣли торговлею Венеція и Генуя, здѣсь города Ганзейскіе. Но когда Португальцы открыли путь въ восточную, — тогда упала торговля Италіанская, и въ то же время Англія и Голландія, по близости сообщенія съ Португалліею, выиграли преимущество предъ древней Ганзою. Можетъ быть Нѣмецкіе города еще продлили бы свою знаменитость, если бы смятенія Реформаціи и зависть Государей не довели ихъ до собственнаго упадка. Учрежденіе удѣльнаго правленія въ Германіи носило отпечатокъ древняго фе-

одальнаго варварства, и Германія, за два вѣка предъ тѣмъ имѣвшая въ рукахъ своихъ всемірную торговлю, скоро подпала самой бѣдственной зависимости отъ своихъ сосѣдей. Открытіе Америки усилило болѣе Испанскую, нежели Португальскую торговлю, но въ то же время возгорѣлся споръ между всѣми государствами западной Европы о правѣ *первенства въ колоніяхъ и о господствѣ на моряхъ.* Ето первенство перешло отъ Испаніи къ Голландіи, а потомъ къ Англіи. Когда Голландцы должны были предъ Англіею спускать паруса свои, то по естественному ходу вещей, воздвиглись снова остатки древней Ганзы. Данія, Швеція, Пруссія, Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Россія возвысились на щетъ Голландіи. Революціонная война, и континентальная система столько же благоприятны были для сѣверовосточной Европы, сколько неблагоприятны для западной. Впрочемъ какъ прежняя торговая тираннія Англіи, такъ континентальная система Наполеонова, имѣли то важное слѣдствіе, что націи, лишившіяся участія въ торговлѣ, съ большимъ рвеніемъ принимались за промышленность и земледѣліе, а особенно сію послѣднюю отрасль промышленности старались снова улучшать послѣ столѣтняго пренебреженія оной. Но и ето по низверженіи Наполеона имѣло вредныя слѣдствія. Англія послѣ столь долгаго стѣсненія вознаградила убытки, причиненныя ей континен-

тальною системою, чрезвычайнымъ множествомъ товаровъ; ибо самая ета система обратила всю дѣятельность ея на мануфактуры и фабрики. Тутъ родилось весьма опасное *соперничество* внутренней промышленности, а для ослабленія онаго, повсюду являлась *система запретительная*, имѣвшая также свои весьма большія невыгоды. Хотя въ Южно-Американскихъ республикахъ открытъ былъ обширный торгъ для Европейскихъ товаровъ, но по причинѣ тамошнихъ безпокойствъ ета много-обѣщающая торговля въ земляхъ за-Атлантическихъ не всегда бываетъ удачна. Наконецъ *бумажная торговля*, какъ тунеядное растеніе, привилась къ торговлѣ товарами, и производитъ въ ней безпрестанныя измѣненія.

За симъ введеніемъ, отличающимся богатствомъ предметовъ и ясностію изложенія, слѣдуютъ частныя исторіи торговли каждаго народа въ особенности. Первая весьма обширная часть содержитъ исторію торговли Англійской, Португальской, Испанской, Французской, Нидерландской, Россійской, Польской, Шведской, Норвежской и Датской. — Таблицы суть весьма полезное прибавленіе; ибо при такихъ предметахъ, каковъ етотъ, вычисленія иногда необходимы.

2.

Beschreibung der vierzehn alten deutschen Todtenhügel, welche 1827 und 1828 bei Sinsheim geöffnet

wurden. Ein höchst wichtiger Beitrag zur ältesten Geschichte der Deutschen von Carl Wilhelmi, Stadtpfarrer in Sinsheim etc. Mit vier lithographirten Abbildungen. Heidelberg, Engelmann, 1830.

(Т. е. *Описаніе 14ти древнихъ Нѣмецкихъ могильныхъ холмовъ, открытыхъ въ 1827 и 1828 годахъ* и проч.)

Близъ Зинсгейма, не подалеку отъ Гейдельберга, въ прекрасномъ дубовомъ лѣсу, открыты лѣтомъ 1827 года низкіе, частымъ лѣсомъ заросшіе холмы, которые сперва по однимъ догадкамъ признаны были за древнія Нѣмецкія кладбища. Предположенія обратились въ ясную увѣренность, когда въ оныхъ найдено было не менѣе 81 могилы. Самые холмы были вышиною отъ 3 до 8 футовъ; они весьма широки, — всѣ изъ рыхлой земли безъ каменьевъ. Это совершенно согласно съ замѣчаніемъ Тацита (Germ, 27), что древніе Германцы не любили богатыхъ и тяжелыхъ памятниковъ, думая, что они обременяютъ мертвыхъ. Каждый холмъ содержалъ въ себѣ множество труповъ, которые лежали въ три ряда одни надъ другими, въ различныхъ направленіяхъ во всѣ четыре стороны; каждый изъ нихъ заключенъ былъ въ особенномъ *гробѣ*, покрытомъ какою-то бѣлою матеріею, и кромѣ трупа наполненномъ золою. У ногъ нѣкоторыхъ изъ сихъ мертвецовъ найдены сосуды съ костями животныхъ — вѣро-

ятно это остатки яствъ, которыя ставились къ нимъ въ могилу. Одинъ изъ труповъ былъ 6 футовъ, 10 вершковъ; прочіе имѣли обыкновенную величину; нашлось также нѣсколько младенческихъ остововъ. Большая часть изъ нихъ распалась отъ времени, только не многіе сохранились болѣе или менѣе, особенно нѣкоторые прекрасные черепы съ челюстями, въ коихъ зубы удержали всю блестящую бѣлизну свою. Образованіе черепа, по признакамъ, свойственнымъ племени Кавказскихъ народовъ, признано за подлинное Нѣмецкое. У всѣхъ сихъ труповъ были частію желѣзныя кольца на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, у каждаго въ большемъ, или въ меньшемъ количествѣ. На одномъ трупѣ найдено весьма много колецъ, вѣрно служившихъ прежде богатымъ нарядомъ. Желѣзо почти насквозь проникнуто ржавчиною, а мѣдь удержала блескъ свой съ прекрасною зеленою оттѣнью. Кольцы по большей части внутри были пусты, такъ что ихъ можно было разгибать и опять сводить. Изъ другихъ нарядовъ найдены серьги, перстовыя кольца, булавки, небольшія колечки, вѣроятно для волосъ, сзади прикрѣпленныя къ шейнымъ кольцамъ; поясы и шейныя повязки изъ синихъ и желтыхъ стеклянныхъ кораллов, изъ коихъ нѣкоторые были прекрасной воды, — ладонки изъ краснаго янтаря, янтарный кораллъ, горный хрусталлъ, зубъ вепря въ желѣзной оправѣ. Тру-

пы мущинъ найдены съ широкими мечами въ правой рукѣ. Многіе изъ сихъ мечей довольно хорошо сохранились, другіе же проникнуты ржавчиною; кромѣ мечей найдены отломки копій, также жертвенные ножи, янтарный хрящь, круглая яшма съ сердцеобразнымъ отверстіемъ, цѣпочка, кусокъ необработанной руды, много кружекъ и урнъ съ пепломъ или землею. Подлѣ труповъ находились впалости съ огнищами, кости животныхъ, угли и горновыя плиты.

Дубы, коими обросли сіи холмы, пустили корни глубже самыхъ могилъ. Одинъ остовъ совершенно сдвинутъ ими съ своего мѣста, и сквозь мечь, съѣденный ржавчиной, пробились корни. Прекрасная картина!

Надобно совершенно согласиться съ Авторомъ, когда онъ изъ всѣхъ наблюденій надъ сими могильными холмами выводитъ заключеніе, что они суть мирныя фамильныя родовыя кладбища, и принадлежатъ къ первой половинѣ перваго вѣка Хрістіанской Еры. Такъ какъ въ нихъ не нашлось ни письменныхъ знаковъ, ни монетъ, ни благородныхъ металловъ, напротивъ открыты одни украшенія (кольца для рукъ и ногъ), которые служатъ признаками прежней наготы ихъ владѣтелей; то можно положить, что погребенные здѣсь жили еще до знакомства Германцевъ съ Римлянами, или по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ

онаго. Сверхъ того мѣдныя шейныя кольца доказываютъ, что сіи мертвецы были Катты; ибо къ нимъ совершенно идетъ описаніе, сдѣланное Тацитомъ кольцамъ, которыя возлагаемы были на шею Каттами въ знакъ храбрости. Да и Зинсгеймъ лежитъ не далеко отъ Гесенской границы.

В. Ч.

Новыя извѣстія о внутренней Азіи.

Англичанинъ Гудзонъ, неутомимо занимающійся изслѣдованіями на горѣ Гималаѣ, прислалъ Азіатскому Калькуттскому Обществу описаніе путешествія, диктованное природнымъ жителемъ Тибета, который двадцать лѣтъ служилъ переводчикомъ для купцовъ, проѣзжающихъ изъ Неполя къ Китайской границѣ чрезъ земли, неизвѣстныя ни одному Европейцу. Мы сообщаемъ кое - что оттуда. При самомъ вступленіи на сіи невѣдомыя земли встрѣчаются уже замѣчательныя признаки образованности. Столбы съ надписями означаютъ границы различныхъ владѣній. У путешественниковъ обираютъ паспорты, внимательно разсматриваютъ, и даютъ вмѣсто ихъ другіе. Въ городѣ Коути есть гарнизонъ изъ 400 человѣкъ съ четырьмя пушками; отъ самыхъ границъ Бутана и Тигри до Китая — по всей етой про-

странной полосѣ, идетъ очень исправная почтовая линія, со всѣми удобствами свободнаго сообщенія. Путешественникъ за плату найдетъ здѣсь лошадей, ословъ, и даже верблюдовъ. Святый городъ Тешу-Ломбу есть резиденція великаго Ламы; тамъ вы увидите сотни монастырей. Но городъ Натанъ, по видимому, есть знатнѣйшій изъ всѣхъ; въ немъ около 300,000 жителей. Дигурхи — городъ съ 5,000 гарнизона, лежитъ при рѣкѣ, на которой одинъ древній Лама построилъ желѣзный мостъ о тринадцати аркахъ, длиною въ 300 футовъ. Городъ Ласса, центръ внутренняго управленія, весьма многолюденъ; онъ имѣетъ каменныя стѣны, и пятеро воротъ рачительно оберегаются стражею. Близъ Шубуду есть другой желѣзной мостъ о 25 аркахъ; на немъ платится пошлина. И Тагедо, не подалеку отъ Китайской границы, замѣчательный городъ. Вообще не льзя неудивляться множеству большихъ городовъ, упоминаемыхъ въ описаніи путешествія, въ такой странѣ, которую мы, судя по чрезвычайной возвышенности ея надъ моремъ и по хребтамъ снѣжныхъ горъ оной, считаемъ совсѣмъ пустою и необитаемою. Но мы совершенно ошибаемся; на стой средоточной, плоской возвышенности древняго свѣта находятся всѣ произведенія нашихъ лучшихъ странъ, и еще къ большему нашему удивленію, все, что мы исключительно считали собственностію древней

Европейской образованности! Въ Тибетѣ, на примѣръ, какъ видно изъ описанія путешествія, есть желѣзные мосты, домы со сводами, монастыри съ позлащенными куполами, суконныя фабрики, искусные красильщики, большіе торги (Markt), прекращаемые по данному въ колоколъ знаку, заводы для выливанія пушекъ, полицейскіе и таможенные чиновники, контрабандисты, безбрачные богатые и знатные монахи, словомъ все, что по Европейскимъ понятіямъ принадлежитъ къ благоустроеннымъ обществамъ.

Какъ видно изъ письма Герарда къ Азіятскому Калькутскому Обществу, Венгерскій ученый путешественникъ Езомо-фонъ-Каросъ и теперь еще занимается въ Тибетѣ изученіемъ тамошняго языка и Исторіи. Герардъ видѣлъ его у одного Ламы, своего пріятеля, въ хижинѣ, среди множества книгъ всякаго рода совершенно погруженнымъ въ свои занятія. Прошедшею зимою, закутавшись съ ногъ до головы въ шерстяное платье, просиживалъ онъ съ утра до вечера не отходя отъ своего письменнаго столика, на высотѣ 10,000 футовъ надъ поверхностію моря. Холодъ былъ столь великъ, что Езомо едва могъ высовывать руку изъ своего тулупа, чтобы при чтеніи перевертывать листы въ книгѣ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ, для составленія словаря онъ собралъ и привелъ въ порядокъ 40,000

словъ Тибетскаго языка. Изслѣдованія его относятся также къ религіи, исторіи, космографіи и другимъ предметамъ. Въ собраніи Тибетскихъ книгъ находятся весьма многія философскія системы, которымъ, по его мнѣнію, не мало будутъ дивиться Европейскіе ученые. У него есть 5 книгъ о медицинѣ, въ коихъ описано 400 родовъ болѣзней. Внутренній и внѣшній составъ человѣческаго тѣла вырѣзанъ на деревянныхъ досках въ 6 различныхъ положеніяхъ. Онъ открылъ также, что литографированье уже давно извѣстно въ Тибетѣ. Езомово всегдашнее жилище находится среди монастырей, имѣющихъ окрестности весьма живописныя. Церковные обряды представляютъ разительное сходство съ обрядами церкви католической. Не подалеку отъ него есть монастырь, въ коемъ находится Тибетская Енциклопедія, а собранія книгъ древнихъ городовъ Тешу - Ломбу и Лассы богаты важными сочиненіями, которыя Езомо еще старается достать себѣ.

Съ Нѣм. В. Ч.

Политическія и другія происшествія.

Швеція.

Для предохраненія сей земли отъ вторженія Холеры, посланы повелѣнія къ Главнымъ Директорамъ таможенъ и почтъ, а въ Даларонъ, Фурузундъ и Гриссле̃гамъ откомандированы три врача для осматриванія прибывающихъ на корабляхъ.

Пруссія.

Горестныя событія въ Царствѣ Польскомъ побудили Его Величество принять въ пограничныхъ областяхъ военныя мѣры, которыя должны служить какъ для предупрежденія какихъ-либо движеній злоумышленниковъ внутри Королевства, такъ и для защищенія жителей отъ нападенія внѣшнихъ мятежниковъ. Въ слѣдствіе того Его Величество повелѣлъ усилить весь 5й корпусъ арміи въ Познанской области, равно какъ отчасти 1й, 2й и 6й корпуса въ Восточной и Западной Пруссіи, Помераніи и Силезіи, и снабдилъ нужными полномочіями и инструкціями командующихъ оными корпусами Генераловъ.

Австрія.

По случаю распространившейся въ Россіи болѣзни Холеры, рескриптомъ отъ 22 го Октября повелѣно составить Коммиссію и предписано соблюдать установленныя карантинными инструкціями предосторожности касательно всѣхъ пріѣзжающихъ изъ такихъ мѣстъ, въ коихъ обнаруживалась въ Россіи Холера, или оказывающихся по-

дозрительными. Для точнѣйшаго изслѣдованія свойства сей болѣзни, два медика отправлены будутъ на казенный счетъ въ Россію, для наблюденія Холеры на самомъ мѣстѣ.

Венгрія.

Въ засѣданіе 15 Ноября (н. с.), въ Пресбургѣ, Венгерскіе Чины изъявили согласіе свое на наборъ 50,000 человѣкъ рекрутъ, изъ коихъ 28,000 немедленно поступятъ въ службу, а 22,000 останутся въ резервѣ; сверхъ сего Чины объявили, что они готовы удовлетворить требованіямъ Правительства на случай необходимости новаго рекрутскаго набора.

Брауншвейгъ.

Ноября во 2 день (н. с.) обнародовано посланіе Короля Великобританскаго, въ которомъ Его В-во объявляетъ Герцогству Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскому и Княжеству Бланкенбургскому, что всѣ средства къ мирному соглашенію съ Герцогомъ Карломъ остались безуспѣшными, и что въ слѣдствіе того Его Величество совокупно съ Герцогомъ Вильгельмомъ примутъ мѣры для обезпеченія сему послѣднему самодержавныхъ правъ въ его владѣніяхъ.

Англія.

Ноября 30 (н. с.) Министры Союзныхъ Державъ имѣли конференцію о Бельгійскихъ дѣлахъ. Въ оной присутствовали: Князья Ливенъ, Естергази и Таллейранъ, Баронъ Фалькъ, Баронъ Бюловъ и Статсъ-Секретарь Иностранныхъ дѣлъ, Лордъ Пальмерстонъ.

— Его В-во Король, 22 Ноября принявъ изъ рукъ уволенныхъ Министровъ печати, изволилъ передать оныя новоназначеннымъ.

— Въ Лондонѣ ожидаютъ Маркиза Ст. Амаро, и — какъ говорятъ — съ рѣшительнымъ объявленіемъ Бразильскаго Императора, не признавать Дона Мигуеля Королемъ Португальскимъ, ниже соглашаться на бракосочетаніе его съ Донною Маріею II.

Нидерланды.

Королевскою прокламаціею 5го Октября, повелѣно, для сохраненія спокойствія въ Государствѣ, произвесть всеобщее ополченіе.

— Губернаторъ Великаго Герцогства Люксембургскаго обнародовалъ, 16го числа Ноября, прокламацію, въ коей увѣдомляетъ жителей, что Король Нидерландскій просилъ у Германскаго Союза пособія для возстановленія законнаго порядка въ сей области. Губернаторъ приглашаетъ обитателей возвратиться подъ законную власть Короля и Великаго Герцога.

Франція.

Коммиссія Палаты Перовъ приступила къ разсмотрѣнію причинъ, кои руководствовали прежнихъ Министровъ въ ихъ поступкахъ съ 18 Августа 1829 года. Всѣ они защищаются съ твердостію и спокойствіемъ.

— По извѣстіямъ изъ Алжира, отъ 12го Ноября, сообщенія съ внутренними странами становятся удобнѣе и безопаснѣе. Цѣль военной экспедиціи Генерала Клозеля состоитъ въ томъ,

чтобы овладѣть Белидою, и учредить военную цѣпь между симъ городомъ и Алжиромъ. Потомъ Генералъ тотчасъ пойдетъ на Медію, резиденцію Бея Титтерійскаго, и изгнавъ сего мятежника, равномѣрно учредить цѣпь между Медіею и Белидою. Походъ сей долженъ много способствовать планамъ колонизаціи, коими Генералъ усердно занимается.

Италія.

Папа Пій VIII, родившійся 20 го Ноября 1761 года, скончался въ Римѣ послѣ кратковременной болѣзни, 30 го прошлаго Ноября. (н. с.).

— Усилившаяся болѣзнь Короля Обѣихъ Сицилій Франциска I прекратила дни сего Монарха, Король Фердинандъ II тотчасъ принялъ бразды правленія, и повелѣлъ Князю Кассеро известить о томъ Членовъ Діпломатическаго Корпуса.

Турція.

Въ Албаніи все возвратилось къ порядку. Изъ Константінополя увѣдомляютъ, что Султанъ постоянно и дѣятельно придерживается преобразовательной своей системы. Греческія церкви, разрушенныя въ Турецкихъ областяхъ во время Греческой войны, будутъ возобновлены и выстроены на счетъ государственный.

— Сербскій Князь Милошъ Обреновичь, коему Порта уступила *наслѣдственныя* самодержавныя права, неусыпное прилагаетъ стараніе о введеніи усовершенствованій во всѣхъ вѣтвяхъ правленія, и въ особенности предпринимаетъ

большія преобразованія въ системѣ податей и сборовъ.

— По первому извѣстію о распространяющейся въ южной Россіи заразительной болѣзни Холеры, Порта немедленно приняла нѣкоторыя мѣры предосторожности, повелѣвъ всѣ суда, приходящія изъ Россійскихъ Черноморскихъ гаваней, подвергать строгому осмотру и препятствовать всякому съ ними сообщенію.

— Гуссейнъ-Паша, Губернаторъ Адріанопольскій, позволилъ Грекамъ въ путешествіяхъ носить оружіе, и въ случаѣ нужды отражать силу силою; Туркамъ же запретилъ онъ жить въ Христіанскихъ деревняхъ, безъ особеннаго позволенія.

— Сулейманъ-Паша Кандійскій получилъ изъ Константинополя оффиціальное извѣстіе, что Султанъ уступилъ правленіе острова Кандіи, или Крита, навсегда и безусловно Пашѣ Египетскому.

Г р е ц і я.

Есть надежда, что въ непродолжительномъ времени Турки очистятъ Аѳины и Негропонтъ, и что Греческіе предѣлы распространены будутъ до Артской линіи и залива Воло.

Выписка изъ Московскихъ Вѣдомостей 1824 года (No 45 стр. 1612.), *статьи, которая въ свое время была едва замѣченною.*

»Cholera morbus принадлежитъ къ числу пу»тешественниковъ, хотя не сентиментальныхъ и »нимало не любезныхъ, но тѣмъ не менѣе заслу»живающихъ вниманіе друзей человѣчества. Извѣ»стная подъ симъ именемъ прилипчивая болѣзнь »ежегодно подвигается съ Востока на Западъ — »она лютѣе моровой язвы и желтой горячки. За»раженный ею чрезъ четыре или пять часовъ по»гибаетъ. Въ 1821 году перешла она изъ Бенгаль »въ Багдадъ. Сія болѣзнь никогда не возвращает»ся въ страну, оставленную ею, и не свирѣп»ствуетъ на одной полосѣ болѣе мѣсяца. Въ 1822 »году достигнула она до Алеппа; судя по при»знакамъ, наступающимъ лѣтомъ должна она »явиться въ Александретѣ и Тарсѣ, чрезъ че»тыре года или чрезъ пять лѣтъ она можетъ дой»ти до Рейна, если допустить, что ей не стра»шна сѣверная широта, подъ которой не дозрѣ»ваютъ кисти винограда. — Къ счастію, преду»смотрительность человѣческая имѣетъ средства »поразить новаго неприятеля. Искусные врачи »увѣряютъ, что теплыя бани служатъ самымъ »дѣйствительнымъ лѣкарствомъ противъ сей ужа»сной болѣзни; Англійскіе медики съ пользою по-

»или своихъ больныхъ ромашкою и ставили къ »желудку піявокъ. Она смертоноснѣе для живу»щихъ въ нижнихъ етажахъ и въ сырыхъ покояхъ »и прилипчивѣе между простымъ народомъ. Свѣ»жій воздухъ, здоровая пища и опрятность — »почитаются также средствами предохранитель»ными.»

Объявленіе.

***ТЕЛЕСКОПЪ**, Журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый на 1831 годъ Николаемъ Надеждинымъ.*

Журналъ сей будутъ составлять слѣдующія отдѣленія:

I. Современныя лѣтописи. Обозрѣнія современныхъ происшествій, относящихся болѣе или менѣе къ Исторіи Просвѣщенія. Біографіи знаменитыхъ современниковъ. Записки. Путешествія. Новыя открытія. Новыя произведенія Искусствъ. Современное состояніе промышленности и торговли. Полная современная Библіографія, преимущественно Русская.

II. Изящная Словесность. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ по всѣмъ отраслямъ Словесности. Переводы изъ классическихъ писателей древнихъ и новыхъ. Отрывки изъ лучшихъ Русскихъ и иностран-

ныхъ произведеній, преимущественно изъ историческихъ сочиненій, драматическихъ картинъ и оригинальныхъ Романовъ.

III. Критика. Обозрѣнія и разборы вновь выходящихъ отечественныхъ и иностранныхъ книгъ. Характеристика знаменитыхъ писателей, древнихъ и новыхъ. Археологическія и Философическія розысканія. Сужденія о новыхъ произведеніяхъ искусствъ и новыхъ издѣліяхъ промышленности. Рецензіи мѣлкихъ сочиненій. Журналистика.

IV. Науки. Современное состояніе умственнаго образованія по части Наукъ:

а) *Етико-Политическихъ* (Юриспруденція, Политическая Економія, Сельское хозяйство).

б) *Физико-Математическихъ* (Математика, Физика, Химія, Натуральная Исторія, Геогнозія, Астрономія).

в) *Историко-Философическихъ* (Исторія, Географія, Статистика, Археологія, Языковѣденіе, Литтература и Теорія Изящныхъ Искуствъ), раскрываемое а) чрезъ изложеніе ихъ *Теоріи* (разсужденія, извлеченія, обзоры) и б) чрезъ представленіе *Матеріяловъ* (документы, акты, таблицы).

V. Нравы. Характеры и портреты. Сцены изъ общественной и частной жизни. Нравственныя каррикатуры. Пародіи. Сатирическія мысли. Юмористика.

VI Смѣсь. Отечественныя извѣстія о новыхъ заведеніяхъ, предпріятіяхъ, примѣчательныхъ про-

шествіяхъ. Описанія историческихъ мѣстъ, праздниковъ, обрядовъ. Выписки и замѣчанія. Корреспонденція. Политика.

Ежемѣсячно будетъ выходить сего Журнала по *двѣ* книжки: каждая отъ 7 до 9 печатныхъ листовъ. Къ нимъ будутъ прилагаемы: портреты знаменитыхъ людей, очерки замѣчательнѣйшихъ картинъ, статуй и зданій; ноты новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній; также нужны для объясненія; чертежи, снимки древнихъ памятниковъ снадписей, почерковъ, монетъ) и карты.

Издатель, желая сдѣлать свой Журналъ указателемъ современнаго Просвѣщенія, будетъ стараться доставить въ немъ образованной Публикѣ вмѣстѣ и пріятное чтеніе. Для сего онъ поставитъ въ непремѣнную обязанность, чтобы помѣщаемыя статьи были предлагаемы подъ формою сколько возможно легкою и неутомительною для вниманія; даже и тогда, когда, въ слѣдствіе обширности предположеннаго плана должно будетъ касаться предметовъ высшаго умозрѣнія. Сей важной тайнѣ — соединять полезное съ пріятнымъ — будетъ онъ учиться у лучшихъ Европейскихъ Журналистовъ, преимущественно Французскихъ и Англійскихъ. Принимая ихъ въ образецъ и руководство, онъ не ограничится однако пособіями, у нихъ заимствованными. *Телескопъ* долженъ быть Журналомъ собственно *Русскимъ*. Отечественное просвѣщеніе будетъ составлять

для него главнѣйшій предметъ, на которой станетъ онъ постоянно обращать вниманіе Публики. Пользуясь довѣренностію многихъ собственно Русскихъ ученыхъ Литераторовъ и Артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые снискали Европейскую извѣстность, Издатель смѣетъ ласкать себя надеждою, что онъ можетъ подать случай Публикѣ ознакомиться со многими опытами Русскаго трудолюбія и дарованія, представляющими собой положительныя доказательства, что благородная Русская гордость не должна ограничиваться одними безотчетными восклицаніями. Сія надежда для него тѣмъ достовѣрнѣе, что онъ имѣетъ у себя дѣятельныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, какъ по разнымъ городамъ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ.

Дабы летучія новости, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести при *Телескопѣ* еженедѣльно будетъ выходить, въ видѣ особаго прибавленія:

Журналъ Модъ и Новостей, МОЛВА.

Прибавленіе сіе будетъ состоять изъ пятидесяти двухъ нумеровъ. Содержаніе его составятъ:

1. Моды. Картинки и описанія иностранныхъ, преимущественно Парижскихъ модъ: Картинки и описанія модъ, собственно Московскихъ. Картинки и описанія модныхъ экипажей и мебелей. Извѣстія о новыхъ модныхъ обычаяхъ и изо-

брѣтеніяхъ. Новыя модныя издѣлія (матеріи), узоры, съ рисунками и означеніемъ цѣны,

II. Московскія вѣсти. Сюда относятся, извѣстія о театрахъ, представленіяхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ; увѣдомленія о новыхъ публичныхъ увеселеніяхъ, острыя слова и забавные анекдоты.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 24 книжекъ *Телескопа* и 52 нумеровъ *Журнала Модъ и Новостей*, напечатанное на хорошей бумагѣ, хорошими буквами, здѣсь въ Москвѣ 40 руб., а съ пересылкою въ другіе города 50 руб. асс. Желающіе получать отдѣльно *Телескопъ*, или *Журналъ Модъ* и *Новостей*, платятъ за каждый изъ нихъ въ Москвѣ 25 руб., съ пересылкою 30 руб. асс.

Подписка принимается въ *Москвѣ: у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева*, въ Университетской книжной лавкѣ; *на Кузнецкомъ мосту* въ книжной лавкѣ *Готье*, и въ Библіотекахъ для чтенія: *Урбеня, Семена, Ельцнера;* также во всѣхъ Русскихъ книжныхъ лавкахъ, и въ квартирѣ *Издателя въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Власія, въ домѣ Голынской. Въ С.-Петербургѣ: у книгопродавца А. Ф. Смирдина.* Иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями въ Газетную Експедицію Московскаго Почтамта.

Николай Надеждинъ, Докторъ Етико-Филологическихъ Наукъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТЕРАТУРА.

Стран.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

СМѢСЬ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три екземпляра. Москва, 1830 года Октября 24 дня.

Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.